

Содержание

Умирсерик Касенов	Проблемы кооперации и интеграции в Центральной Азии 7
Георгий Дубовцев Динара Байшулакова	К вопросу о значении ОДКБ в контексте обеспечения региональной безопасности..... 11
Юрий Пойта	«Гибридные» угрозы национальной безопасности: анализ нормативно-правовой базы Казахстана..... 24
Анастасия Решетняк, Асель Назарбетова	Дискуссия о роли сообществ в насильственном экстремизме: выводы для Казахстана 35
Карминахон Шукурова	Правовые основы приватизации и ее регулирования в законах Российской Федерации, Республики Казахстан и Республики Таджикистан 46
Эльвира Рузиева, Яна Ералиева	Анализ качества индекса KASE 60
Александр Пягай, Сауле Шинтаева	Преимущества вхождения в Евразийский экономический союз и Всемирную торговую организацию для агропромышленного комплекса Казахстана 70
Мадина Нургалиева, Алуа Жолдыбалина, Юрий Булуктаев, Ботагоз Ракишева, Айнур Мажитова	Индекс активного долголетия в Казахстане 83
Бауржан Бокаев, Зулфия Торебекова	Оценка вовлеченности родителей в учебный процесс в период COVID-19: анализ социологического опроса (кейс Казахстана)..... 97

РЕЦЕНЗИЯ

Мурат Лаумулин	Обзор зарубежной литературы по Центральной Азии: 2019 – 2020 гг. (Часть I)..... 106
-----------------------	---

KAZISS
Казахстанский институт
стратегических исследований
при Президенте
Республики Казахстан

Выходит ежеквартально с октября 1994 г.

Шеф-редактор **Мадина Нургалиева**,
советник директора КИСИ
при Президенте РК

Ответственный за выпуск: Жанат Ордалиева
Редактор-корректор: Акмарал Бакирова
Верстка: Павел Романенко

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000, г. Астана, ул. Бейбитшилик 4, тел. 8 (7172) 75 20 20, факс 8 (7172) 75 20 21. E-mail: office@kisi.kz.
Журнал зарегистрирован Национальным агентством по делам печати и массовой информации РК 8 сентября 1997 г. Регистрационное свидетельство №644. ISSN 1562-6318

При перепечатке статей ссылка на журнал обязательна. Мнение редакционной коллегии журнала может не совпадать с точкой зрения авторов статей. Отпечатано в ТОО «Надежда 2050». г. Кокшетау, улица Баймуханова, 3. Тираж: 500 экземпляров

Мазмұны

Өмірсерік Қасенов	Орталық Азиядағы кооперация және интеграция мәселелері 7
Георгий Дубовцев Динара Байшұлакова	Өңірлік қауіпсіздікті қамтамасыз ету контексіндегі ұжымдық қауіпсіздік шарты ұйымының маңызы туралы мәселеге 11
Юрий Пойта	Ұлттық қауіпсіздікке қатысты «гибридті» қауіп-қатерлер: Қазақстанның нормативтік-құқықтық базасын талдау 24
Анастасия Решетняк, Әсел Назарбетова	Зорлықшыл экстремизмдегі қауымдастықтар рөлі туралы пікірталас: Қазақстан үшін қорытындылар 35
Карминахон Шукурова	Ресей Федерациясының, Қазақстан Республикасының және Тәжікстан Республикасының заңдарындағы жекешелендіруді құқықтық реттеу 46
Эльвира Рузиева, Яна Ералиева	KASE индексінің сапасын талдау 60
Александр Пягай, Сәуле Шинтаева	Қазақстанның агроөнеркәсіптік кешені үшін Еуразиялық экономикалық одаққа және Дүниежүзілік сауда ұйымына кіру артықшылықтары 70
Мадина Нұрғалиева, Алуа Жолдыбалина, Юрий Булуктаев, Ботагөз Рақышева, Айнур Мажитова	Қазақстандағы белсенді ұзақ өмір сүру Индексі 83
Бауржан Боқаев, Зүлфия Төребекова	COVID-19 кезеңіндегі білім беру процесіне ата-аналардың қатысуын бағалау: әлеуметтік сауалнамаға зерттеу (Қазақстан кейсі) 97

РЕЦЕНЗИЯ

Мұрат Лаумулин	Орталық Азия бойынша шетелдік әдебиеттерге шолу: 2019 – 2020 жж. (I бөлігі) 106
-----------------------	---

KAZISS

Қазақстан Республикасының
Президенті жанындағы
Қазақстанның стратегиялық
зерттеулер институты

1994 жылдың қазанынан тоқсан сайын шығып тұрады.

Бас редактор **Мадина Нұрғалиева**,
ҚР Президенті жанындағы ҚСЗИ
директорының кеңесшісі

Шығаруға жауапты: Жанат Ордалиева
Редактор-корректор: Ақмарал Бөкірова
Беттеу: Павел Романенко

Редакция мекенжайы: Қазақстан Республикасы, 010000, Астана қ., Бейбітшілік көшесі 4, тел. 8 (7172) 75 20 20, факс 8 (7172) 75 20 21. E-mail: office@kisi.kz.
Журнал ҚР Баспа ісі және бұқаралық ақпарат жөніндегі ұлттық агенттікте 1997 жылдың 8 қыркүйегінде тіркелген, тіркеу куәлігінің №644. ISSN 1562-6318
Журналда жарияланған материалдарды көшіріп басқан жағдайда журналға сілтеме жасалуы міндетті.
Жарияланған мақала авторларының пікірі редакция көзқарасын білдірмейді мүмкін. «Надежда 2050» ЖШС баспасынан басылып шығарылды
Көкшетау қ., Баймұқанов, 3. Таралымы: 500 дана.

Contents

Umirserik Kasenov	Cooperation and integration problems in Central Asia 7
Georgiy Dubovcev, Dinara Baishulakova	To the question of the CSTO in the context of regional security 11
Yurii Poita	“Hybrid” threats to national security: analysis of the legal framework of Kazakhstan 24
Anastassiya Reshetnyak, Assel Nazarbetova	Discussion on the role of communities in violent extremism: implications for Kazakhstan 35
Karminahon Shukurova	Legal bases of privatization and its regulations in the law of the Russian Federation, the Republic of Kazakhstan and the Republic of Tajikistan 46
Elvira Ruziyeva, Yana Eraliyeva	KASE index quality analysis 60
Alexandr Pyagay, Saule Shintaeva	Advantages of joining the Eurasian economic Union and the World trade organization for the agro-industrial complex of Kazakhstan 70
Madina Nurgalieva, Alua Zholdybalina, Yuriy Buluktaev, Botagoz Rakisheva, Ainur Mazhitova	Active ageing Index in Kazakhstan 83
Baurzhan Bokayev, Zulfiya Torebekova	Evaluation of parents involvement in the educational process during COVID-19: analysis of sociological survey (case of Kazakhstan) 97

BOOK REVIEWS

Murat Laumulin	Review of foreign literature on Central Asia: 2019 – 2020 (Part I)..... 106
-----------------------	--

KAZISS
Kazakhstan Institute
for Strategic Studies under
the President of the Republic
of Kazakhstan

Quarterly since October 1994

Editor in Chief **Madina Nurgalieva**,
Counselor Director of KazISS
under President of Kazakhstan

Responsible for publication: Zhanat Ordaliyeva
Editor-corrector: Akmaral Bakirova
Layout: Pavel Romanenko
Address: 4 Beibitshilik str., Astana, 010000, Republic of Kazakhstan.
Phone: 8 (7172) 75 20 20. Fax: 8 (7172) 75 20 21. E-mail: office@kisi.kz.
The journal was registered by the National Agency of press and information of
the RK on September 8, 1997. Registration certificate №644. ISSN 1562-6318
All copies from this journal should be made with reference. The opinion of the
editorial board may not coincide with that of the authors of articles.
Printed by «Nadegda 2050» LLP, Kokshetau, Baimukanov street, 3.
Copies: 500.

Редакционный совет

Зарема Шаукенова	— председатель Редакционного совета, директор Казахстанского института стратегических исследований (КИСИ) при Президенте РК, доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент НАН РК
Мадина Нургалиева	— шеф-редактор, советник директора КИСИ при Президенте РК, кандидат политических наук
Анна Альшанская	— редактор, старший научный сотрудник отдела социально-экономических исследований КИСИ при Президенте РК
Рахман Алшанов	— президент образовательной корпорации «Туран», президент Ассоциации высших учебных заведений РК, доктор экономических наук, профессор
Гульмира Илеуова	— директор ОФ Центр социально-политических исследований «Стратегия», кандидат социологических наук
Гульнар Насимова	— заведующий кафедрой политологии и политтехнологий Казахского национального университета (КазНУ) им. аль-Фараби, доктор политических наук, профессор
Вячеслав Додонов	— главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор экономических наук
Андрей Чеботарёв	— директор Центра актуальных исследований «Альтернатива», кандидат политических наук
Марат Шайхутдинов	— первый заместитель Секретаря Совета Безопасности РК, доктор исторических наук, профессор
Мартин Брусис	— доктор социологических наук, Высшая школа исследований Восточной и Юго-Восточной Европы, Мюнхенский университет Людвига-Максимилиана (Германия)
Синтия Каплан	— профессор Калифорнийского университета (США)
Геннадий Чуфрин	— академик РАН, доктор экономических наук, профессор

Редакциялық кеңес

Зарема Шәукенова	— Редакциялық кеңестің төрағасы, ҚР Президентінің жанындағы Қазақстан стратегиялық зерттеулер институтының (ҚСЗИ) директоры, әлеуметтану ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА мүше-корреспонденті
Мадина Нұрғалиева	— Бас редактор, ҚР Президентінің жанындағы ҚСЗИ директорының кеңесшісі, саяси ғылымдарының кандидаты
Анна Альшанская	— редактор, ҚР Президентінің жанындағы ҚСЗИ-дың әлеуметтік-экономикалық зерттеулер бөлімінің аға ғылыми қызметкері
Рахман Алшанов	— «Тұран» ағарту корпорациясының президенті, ҚР жоғары оқу орындары қауымдастығының президенті, экономика ғылымдарының докторы, профессор
Гүлмира Илеуова	— «Стратегия» Әлеуметтік-саяси зерттеулер орталығы ҚК-ның директоры, әлеуметтану ғылымдарының кандидаты
Гүлнар Насимова	— Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті Саясаттану және саяси технологиялар кафедрасының меңгерушісі, саяси ғылымдар докторы, профессор
Вячеслав Додонов	— ҚР Президентінің жанындағы ҚСЗИ-дың бас ғылыми қызметкері, экономика ғылымдарының докторы
Андрей Чеботарёв	— «Альтернатива» өзекті зерттеулер орталығының директоры, саяси ғылымдарының кандидаты
Марат Шайхутдинов	— ҚР Қауіпсіздік Кеңесі хатшысының бірінші орынбасары, тарих ғылымдарының докторы, профессор
Мартин Брусис	— әлеуметтану ғылымдарының докторы, Шығыс және Оңтүстік-Шығыс Еуропаны зерттеудің жоғарғы мектебі, Людвиг-Максимилианның Мюнхен Университеті (Германия)
Синтия Каплан	— Калифорния университетінің профессоры (АҚШ)
Геннадий Чуфрин	— РҒА академигі, экономика ғылымдарының докторы, профессор

Editorial Board

Zarema Shaukenova	— Chairperson of Editorial Board, Director of Institute for Strategic Studies under President of Kazakhstan (KazISS), Doctor of Sociology, Professor, Corresponding Member of National Academy of Science of Kazakhstan
Madina Nurgalieva	— Chief Editor, Counselor Director of KazISS under President of Kazakhstan, Candidate of Political Sciences
Anna Alshanskaya	— Editor, Senior Research fellow of the Department of Social and Economic Research of KazISS under President of Kazakhstan, Master of Economics
Rakhman Alshanov	— President of “Turan” Educational Corporation, President of Kazakhstan Association of Higher Educational, Doctor of Economics, Professor
Gulmira Ileuova	— Director of “Strategy” Center for Socio-Political Research, Candidate of Sociology
Gulnar Nasimova	— Head of Department of Political Science and Political Technologies of Al-Farabi Kazakh National University (KazNU), Doctor of Political Science, Professor
Vyacheslav Dodonov	— Chief Research Fellow of KazISS under President of Kazakhstan, Doctor of Economic Sciences
Andrey Chebotarev	— Director of “Alternativa” Center for Contemporary Studies, Candidate of Political Science
Marat Shaikhutdinov	— First Deputy Secretary of Security Council of Kazakhstan, Doctor of History, Professor
Martin Brusis	— Director of Graduate School for East and Southeast European Studies, Ludwig-Maximilian University of Munich (Germany), Doctor of Social Science
Cynthia Kaplan	— Department of Political Science, University of California Santa Barbara (USA), Professor
Gennady Chufrin	— Academician of Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor

ПРОБЛЕМЫ КООПЕРАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ¹

Умирсерик Касенов

Директор Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан (1993–1997 годы)

Подписание в 1994 году Договора о создании единого экономического пространства между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой и Республикой Узбекистан положило начало созданию интеграционного объединения в Центральной Азии. Это – весьма позитивное и принципиально новое явление в данном регионе.

После обретения государственной независимости ушло в прошлое быстрое деление на экономические регионы Казахстана и Средней Азии. Теперь все пять бывших советских азиатских республик считают себя в географическом отношении входящими в регион Центральной Азии. Однако интеграционный процесс охватил пока только три центральноазиатских государства.

Таджикистан 23 августа 1996 года наряду с Российской Федерацией присоединился к Договору о создании единого экономического пространства в качестве наблюдателей. Туркменистан пока еще остается в стороне от интеграционного процесса в Центральной Азии.

В целях организационного обеспечения интеграционного процесса между Казахстаном, Кыргызстаном и Узбекистаном образованы институты взаимодействия государств-участников – Межгосударственный совет, Совет Премьер-министров, Министров иностранных дел и обороны и постоянно действующий рабочий орган – Исполнительный комитет Межгосударственного совета. Финансовой опорой интеграции трех республик призван стать Центральноазиатский банк сотрудничества и развития. За истекший период

¹ В этом году 24 апреля исполнилось бы 75 лет первому директору Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан Умирсерик Тулешовичу Касенову. Статья взята из книги Касенов У.Т. *Безопасность Центральной Азии: национальные, региональные и глобальные проблемы.* – Алматы: Университет «Кайнар», 1998. – С. 195–199.

интеграционный процесс между тремя республиками обрел зримые черты: было положено начало согласованию политики в области транспорта и коммуникаций, использовании топливно-энергетических и водных ресурсов, строительстве, эксплуатации газопроводов Центральноазиатского региона и т.д.; принята Программа экономической интеграции между государствами-участниками до 2000 года и начата ее реализация: стала координироваться внешнеполитическая и оборонная деятельность. Однако очевидно и наличие проблем и препятствий на пути углубления интеграционного процесса. Они связаны с наследием прошлого, с противоречиями переходного периода от плановой экономики к рыночной, с выявившимися различиями в стратегии развития, с воздействием внешних факторов.

Во-первых, объем торгово-экономического сотрудничества между государствами Центральной Азии значительно ниже, чем у каждого из них с партнерами вне региона. Безусловно, это – прежде всего наследие СССР, в котором бывшие советские азиатские республики экономически тесно были связаны с Россией и другими республиками, но не друг с другом. Собственно, как свидетельствует история колониальной эпохи, экономические связи колоний с метрополией всегда были более развиты, чем между колониями. Товарооборот между Казахстаном, Кыргызстаном и Узбекистаном в 1996 году по сравнению с 1995 годом вырос на 7,9%. Его объемы за год составили 841,5 млн долларов. Более чем на 40% увеличилась торговля между Казахстаном и Кыргызстаном. Объемы экспортно-импортных операций Кыргызстана и Узбекистана между собой выросли за год более чем в 1,7 раза. Определенное снижение товарооборота произошло между Казахстаном и Узбекистаном. В 1996 году наблюдался устойчивый рост поставок товаров из Казахстана в Узбекистан. Однако за тот же период произошло «существенное снижение (почти в 2 раза) объемов поставок узбекистанских товаров на внутренний рынок Казахстана, что во многом связано с трудностями осуществления взаиморасчетов между хозяйственными субъектами двух стран, а также отсутствием в торгово-экономических отношениях режима свободной торговли».

Экономические связи центральноазиатских государств с другими постсоветскими государствами, и прежде всего с Российской Федерацией, продолжают оставаться доминирующими. Казахстан по-прежнему торгует в основном со странами СНГ, на долю которых приходится 61% общего объема товарооборота, из них Россия составляет 79,4%, Кыргызстан – 3,2%. Торговыми партнерами Кыргызстана также являются в основном страны СНГ (66% от общего товарооборота), из них Россия – 35,1%, Казахстан – 28,6%. Что касается Узбекистана, то для него характерно снижение объемов торговли со странами СНГ за счет увеличения торговли с другими государствами мира. Это расширение внешней торговли Узбекистана за пределы СНГ характеризуется следующим образом: В 1995 г. доля так называемого «дальнего зарубежья» была 57,7%, а в 1996 г. она выросла уже до 72,4%. Причем

рост объемов торговли со странами этой группы происходит во многом за счет увеличения экспортных поставок – в общем экспорте их удельный вес выше – 77,1%. Обращает на себя внимание то, что удельный вес стран, не входящих в СНГ, в общем импорте в Узбекистан составляет 67,9%.

Во-вторых, сложившаяся в советский период структура экономик центральноазиатских республик носит преимущественно сырьевой характер. Отсюда слабо выраженная взаимодополняемость экономик, что не способствует их кооперации и интеграции. Из 51 проекта, нацеленного на углубление производственной кооперации, между тремя республиками начато осуществление всего 17 проектов.

В-третьих, экономическая и технологическая отсталость и острый дефицит финансовых ресурсов вынуждают постсоветские центральноазиатские государства делать ставку в своем развитии на развитые страны, но не друг на друга. Так, например, уставной капитал Центральноазиатского банка сотрудничества и развития ничтожно мал – всего лишь 6 млн. долларов США.

В-четвертых, внутрирегиональной интеграции государств Центральной Азии препятствуют имеющиеся различия во внешнеполитической и внешнеэкономической стратегии. Казахстан и Кыргызстан в силу особенностей этнодемографической композиции (значительный удельный вес русских в составе населения), более глубокой экономической зависимости от России и ряда других причин ориентируются не только на внутрирегиональную интеграцию, но и на сохранение кооперационных связей с Россией и другими странами СНГ.

Кыргызстан в силу своих малых размеров и бедности природными ресурсами, в том числе и углеводородными, вынужден лавировать между Казахстаном и Узбекистаном. Узбекистан в экономическом отношении гораздо меньше зависит от России и поэтому делает ставку на внутрирегиональную интеграцию и экономическое сотрудничество с развитыми странами. Узбекистан скептически относится к будущему СНГ и категорически не приемлет предложенного президентом Республики Казахстан Н. Назарбаевым в 1994 году проекта создания Евразийского союза. Таджикистан, расколотый внутренними конфликтами и имеющий далеко не лучшие отношения с Узбекистаном, полагается на союзнические отношения с Россией в большей степени, чем на внутрирегиональную интеграцию.

Туркменистан, географически находящийся на самой периферии СНГ и обладающий большими запасами природного газа, дистанцируется от интеграционных объединений как в рамках СНГ, так и в Центральной Азии.

В-пятых, углублению интеграционного процесса в Центральной Азии мешают принципиальные различия в стратегии экономического развития, направлениях и темпах перехода от плановой экономики к рыночной, а также существенные расхождения в валютной, налоговой и таможенной политике. Дает о себе знать и конкуренция между самими центральноазиатскими государствами во многих сферах, в том числе и в борьбе за привлечение

иностранных инвестиций. Особенно это заметно во взаимоотношениях между Казахстаном и Узбекистаном.

Острота внутренних экономических проблем в государствах Центральной Азии (обвальный спад производства, аграрный кризис, нарастающая скрытая безработица, неустойчивость национальных валют и т. д.) безусловно способствуют не интеграции, а, напротив, обособлению, попыткам самостоятельного решения своих проблем, проявлениям экономического эгоизма.

В-шестых, крупномасштабное проникновение иностранного капитала в экономику государств Центральной Азии может оказывать сдерживающее воздействие на процесс внутрирегиональной интеграции, особенно в том случае, когда предприятия и даже целые отрасли попадают под полный контроль или переходят в собственность иностранных владельцев, как это происходит в Казахстане. Вполне понятно, что интересы иностранных собственников не имеют ничего общего ни с внутрирегиональной интеграцией, ни с интеграцией в рамках СНГ.

В-седьмых, интеграционный процесс в Центральной Азии может быть поставлен под угрозу в случае возникновения и обострения внутрирегиональных межгосударственных и межэтнических конфликтов. Особенно высока вероятность конфликтов из-за остродефицитных в регионе водных ресурсов. Они могут возникнуть между государствами, находящимися в верховьях рек (Кыргызстан и Таджикистан) и низовьях (Узбекистан, Туркменистан и Казахстан). Государства Центральной Азии, как и другие постсоветские государства, находятся в переходном периоде. Их интеграционные приоритеты окончательно еще не определились. Об этом свидетельствуют факты их одновременного вхождения в разного типа и состава интеграционные объединения. Так, все пять новых независимых государств являются членами СНГ и Организации экономического сотрудничества. Три из них – Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан – объединены Договором о создании единого экономического пространства. При этом Казахстан и Кыргызстан совместно с Россией и Беларусью подписали Договор об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях, о создании Таможенного союза. Очевидно, что одновременное участие в разных экономических союзах не делает эффективным ни один из них в связи с неизбежно возникающими противоречиями в правах и обязанностях их участников, в таможенных, налоговых и валютных режимах. Укрепление пока еще хрупких государственных суверенитетов в Центральной Азии возможно только в том случае, когда государственное развитие бывших советских азиатских республик будет идти параллельно с углублением кооперации и интеграции между ними. Эффективно действующие институты центральноазиатского интеграционного объединения позволят ускорить экономическое развитие каждого государства Центральной Азии в отдельности и своевременно разрешать имеющиеся и могущие возникнуть в будущем противоречия между ними.

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ ОДКБ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Георгий Дубовцев¹, Динара Байшулакова²

¹ Кандидат военных наук, доцент

² Докторант Академии Государственного управления при Президенте Республики Казахстан

Аннотация. В статье проведен анализ деятельности ОДКБ как важного инструмента поддержания стабильности и обеспечения региональной безопасности в условиях динамичного изменения военно-политической обстановки, усиливающегося воздействия различных факторов, возникновения новых вызовов и угроз на региональном и глобальном уровнях. Рассмотрены также вопросы повышения эффективности функционирования Организации с использованием различных механизмов и коллективных военных ресурсов для превращения ее в стержневой институт обеспечения безопасности в зоне ответственности.

Ключевые слова: военное сотрудничество, военно-политическая обстановка, военно-стратегическое пространство, военно-техническое сотрудничество, вызовы и угрозы в военной сфере, интеграция в военно-политической сфере, система коллективной безопасности, региональная безопасность, Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), конфликтный потенциал, региональная структура безопасности, Центрально-Азиатский регион

**Өңірлік қауіпсіздікті қамтамасыз ету контексіндегі
ұжымдық қауіпсіздік шарты ұйымының маңызы туралы
мәселеге**

Георгий Дубовцев, Динара Байшулакова

Аңдатпа. Мақалада ҰҚШҰ қызметі әскери-саяси жағдайдың қарқынды өзгеруі жағдайында тұрақтылықты сақтау мен аймақтық қауіпсіздікті қамтамасыз етудің маңызды құралы, түрлі факторлардың күшеюі, аймақтық және жаһандық деңгейлерде жаңа сын-қатерлер мен қауіп-қатерлердің пайда болуы жағдайында қарастырылады. Ұйымның жауапкершілік аймағындағы қауіпсіздікті қамтамасыз

етудің негізгі институтына айналуы үшін түрлі тетіктер мен ұжымдық әскери ресурстарды пайдалану арқылы тиімділікті арттыру мәселелері қарастырылады.

Түйінді сөздер: әскери ынтымақтастық, әскери-саяси жағдай, әскери-стратегиялық кеңістік, әскери-техникалық ынтымақтастық, әскери саладағы қауіп-қатерлер, әскери-саяси саладағы интеграция, ұжымдық қауіпсіздік жүйесі, аймақтық қауіпсіздік, Ұжымдық қауіпсіздік туралы шарт ұйымы (ҰҚШҰ), қақтығыс әлеуеті, аймақтық қауіпсіздік құрылымы, Орталық Азия аймағы

TO THE QUESTION OF THE CSTO IN THE CONTEXT OF REGIONAL SECURITY

Georgiy Dubovcev, Dinara Baishulakova

Abstract. The article analyzes the activities of the CSTO as an important tool for maintaining stability and ensuring regional security in the context of a dynamic change in the military-political situation, the increasing impact of various factors, the emergence of new challenges and threats at the regional and global levels. The issues of increasing the effectiveness of the Organization's functioning using various mechanisms and collective military resources to turn it into a pivotal institution for ensuring security in the area of responsibility are also considered.

Key words: military cooperation, military-political situation, military-strategic space, military-technical cooperation, challenges and threats in the military sphere, integration in the military-political sphere, collective security system, regional security, Collective Security Treaty Organization (CSTO), conflict potential, regional security structure, Central Asian region

Введение

После распада СССР все новые независимые государства постсоветского пространства столкнулись с проблемой обеспечения своей военной безопасности. Многие бывшие республики начали формировать свои собственные армии на основе находившихся на их территории воинских формирований Вооруженных сил СССР. Создавались национальные системы обеспечения военной безопасности.

Вместе с тем у руководства большинства новых независимых государств было понимание того, что самостоятельно им не под силу обеспечить военную безопасность своих стран, поэтому необходима тесная интеграция в военно-политической сфере.

Именно с учетом этих факторов 15 мая 1992 года в г. Ташкенте был заключен Договор о коллективной безопасности, который предполагал объединение усилий новых независимых государств по формированию на постсоветском пространстве новой системы безопасности.

На основе этого Договора в 2002 году была создана Организация договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

С момента создания ОДКБ военно-политическая обстановка на региональном и глобальном уровнях кардинально изменилась.

В этой связи в статье проведен анализ деятельности ОДКБ по обеспечению региональной безопасности, а также рассмотрены вопросы повышения ее эффективности с использованием различных механизмов и коллективных военных ресурсов.

Методы исследования

В ходе подготовки статьи были использованы следующие методы научного исследования:

- описательно-повествовательный помог проследить динамику становления и развития ОДКБ;
- ретроспективный метод применялся при выявлении причинно-следственных связей в ходе комплексного изучения отдельных событийных этапов в развитии этой организации;
- метод логического анализа дал возможность сделать определенные выводы о сути институционального развития этого военно-политического объединения;
- историко-сравнительный метод использовался при определении общего и особенного на различных этапах развития ОДКБ;
- структурно-функциональный метод способствовал выявлению основных тенденций развития этой региональной организации;
- процессуально-динамический метод позволил углубить исследование эволюции ОДКБ. При этом посредством инструментов процессуального анализа были определены основные механизмы вовлечения всех государств-членов в работу по выполнению нормативных установок организации;
- метод системного подхода позволил исследовать механизм активизации деятельности государств-членов ОДКБ по всем ключевым направлениям для обеспечения стабильности и укрепления региональной безопасности;
- метод исторического синтеза помог обобщить изученный материал и сделать выводы по исследуемой проблеме.

Динамика институционального становления и развития ОДКБ

15 мая 1992 года главы Армении, Казахстана, Кыргызстана, России, Таджикистана и Узбекистана в г. Ташкенте заключили Договор о коллективной безопасности. Позднее к нему присоединились Азербайджан, Беларусь и Грузия (1993 г.). Договор вступил в силу по завершении процедуры национальной ратификации 20 апреля 1994 г.

Ключевая статья 4 Договора гласит: «Если одно из государств-участников подвергнется агрессии со стороны какого-либо государства или группы государств, то это будет рассматриваться как агрессия против всех государств-участников настоящего Договора. В случае совершения акта агрессии против любого из государств-участников все остальные государства-участники предоставят ему необходимую помощь, включая военную, а также окажут поддержку находящимися в их распоряжении средствами в порядке осуществления права на коллективную оборону в соответствии со статьёй 51 Устава ООН» [1].

Договор заключался сроком на пять лет с возможностью последующего продления.

В числе главных целей ОДКБ провозглашалось создание системы коллективной безопасности стран-участниц, ориентация в будущем на образование полномасштабного военного союза, сохранение объектов военной инфраструктуры, воздержание от участия в союзах и блоках, направленных против любого из государств-членов.

На первом этапе – с момента вступления в силу 20 апреля 1994 г. и вплоть до 1999 г. Договор содействовал созданию национальных вооруженных сил государств-участников, обеспечению адекватных внешних условий для обеспечения их суверенитета и независимого государственного строительства.

2 апреля 1999 г. Арменией, Беларусью, Казахстаном, Кыргызстаном, Россией и Таджикистаном был подписан Протокол о продлении своего участия, на основании которого сформировался новый состав стран-участниц и установлен автоматический порядок продления действия Договора на пятилетние периоды. Азербайджан, Грузия и Узбекистан отказались подписывать этот документ и прекратили свое членство в Договоре.

За период с 1999 по 2002 год была создана обширная нормативно-правовая база, создавшая благоприятные условия для дальнейшего развития полномасштабного военного сотрудничества государств-членов. Практическая реализация принятых документов способствовала тому, что в этот период фактически произошла трансформация регионального соглашения в полноформатную многофункциональную военно-политическую структуру.

14 мая 2002 г. в Москве Советом коллективной безопасности (на уровне Глав государств) было принято решение о придании Договору о коллективной безопасности статуса международной региональной Организации.

Решение о преобразовании Договора о коллективной безопасности в международную организацию стало ответом на вызовы меняющейся геополитической обстановки. Возникла острая необходимость адаптировать Договор к динамике региональной и международной безопасности для противодействия новым вызовам и угрозам.

7 октября 2002 г. был утвержден Устав ОДКБ, а в 2004 г. Организация получила статус наблюдателя в Генассамблее ООН.

В соответствии со статьей 3 Устава целями Организации являются укрепление мира, международной и региональной безопасности и стабильности, защита на коллективной основе независимости, территориальной целостности и суверенитета государств-членов [2].

В документе определены следующие принципы, которыми Организация руководствуется в своей деятельности:

- приоритет политических средств перед военными;
- неукоснительное уважение независимости;
- добровольность участия;
- равенство прав и обязанностей государств-членов;
- невмешательство в дела, подпадающие под национальную юрисдикцию государств-членов.

Координация совместных действий ОДКБ обеспечивается сформированными в соответствии с Уставом ОДКБ уставными, постоянно действующими рабочими и вспомогательными органами: Совет коллективной безопасности (СКБ), Совет министров иностранных дел (СМИД), Совет министров обороны (СМО), Комитет секретарей советов безопасности (КССБ).

Постоянный совет ОДКБ является координационным органом, который в период между сессиями СКБ занимается вопросами сотрудничества в рамках Организации и совместно с постоянно действующими рабочими органами обеспечивает реализацию решений, принимаемых органами ОДКБ. Совет состоит из постоянных и полномочных представителей, назначаемых государствами-членами в соответствии с их внутригосударственными процедурами.

Секретариат ОДКБ осуществляет организационное, информационное, аналитическое и консультативное обеспечение деятельности уставных органов Организации. Он реализует подготовку проектов решений и других документов органов Организации.

Объединенный штаб ОДКБ отвечает за подготовку предложений и реализацию решений по формированию в рамках Организации действенной системы коллективной безопасности, созданию коалиционных (региональных) группировок войск (сил) и органов управления ими, военной инфраструктуры, подготовке военных кадров и специалистов для вооруженных сил, обеспечению необходимым вооружением и военной техникой.

Высшим административным должностным лицом Организации является Генеральный секретарь. Он назначается решением глав государств по представлению СМИД ОДКБ сроком на 3 года на ротационной основе [3].

Для решения задач, стоящих перед ОДКБ, могут создаваться на постоянной или временной основе вспомогательные органы и рабочие группы, функционирующие по отдельным направлениям деятельности.

В 2016 г. на октябрьской сессии СКБ в Ереване была принята Стратегия коллективной безопасности ОДКБ на период до 2025 г., раскрывающая концепцию дальнейшего развития потенциала Организации с целью ее превращения в эффективный инструмент международной политики, обеспечивающих мир и безопасность на евразийском пространстве [4].

Таким образом, для парирования существующих и вновь возникающих вызовов и угроз безопасности государств-членов в рамках ОДКБ создана действенная система коллективной безопасности, основанная на трех дополняющих друг друга областях приложения коллективных усилий: политическое, военное сотрудничество и сотрудничество в сфере противодействия вызовам и угрозам.

Основные направления сотрудничества государств-членов ОДКБ **Политическое сотрудничество**

В соответствии со статьей 9 Устава ОДКБ в формате Организации функционирует механизм регулярных политических консультаций, в ходе которых обсуждаются оценки обстановки в зоне ответственности ОДКБ, ведется выработка общих позиций и поиск совместных подходов к актуальным проблемам международной повестки дня, согласовываются коллективные заявления. Сформирован механизм внешнеполитической координации. Его нормативной основой является принятое 19 ноября 2003 г. Положение о порядке функционирования механизма координации внешнеполитической деятельности государств-членов ОДКБ [5].

Важнейшим и приоритетным направлением деятельности ОДКБ является сотрудничество с международными организациями (ООН, ОБСЕ, ШОС и СНГ) и третьими странами в интересах объединения усилий ради поддержания стабильности и укрепления мира. В рамках этого взаимодействия осуществляется согласование подходов к решению таких важных и представляющих взаимный интерес тем, как противодействие международному терроризму и экстремизму, незаконному распространению наркотиков, обеспечение пограничной безопасности.

Важной сферой деятельности ОДКБ является кризисное реагирование.

В 2016 г. было принято решение о создании Центра кризисного реагирования ОДКБ, на который возложены задачи по информационно-аналитическому и организационно-техническому сопровождению принятия уставными органами ОДКБ соответствующих решений в целях кризисного реагирования.

В 2018 году были успешно реализованы приоритеты председательства Казахстана в ОДКБ, в том числе завершена подготовка к полноценному

функционированию Центра кризисного реагирования ОДКБ, а также утверждение регламента информационного взаимодействия для повышения эффективности реагирования на компьютерные инциденты [6].

Военное строительство

Цель военного сотрудничества - обеспечить коллективную и национальную безопасность государств-членов Организации путем поддержания в рамках необходимой достаточности и готовности оборонного потенциала каждого государства-члена, сил и средств системы коллективной безопасности ОДКБ и своевременного реагирования на возможные вызовы и угрозы национальной и коллективной безопасности.

Основу военного потенциала ОДКБ составляют созданные Коллективные силы оперативного реагирования, региональные (объединенные) группировки войск (сил), Коллективные авиационные и Миротворческие силы, объединенные (совместные) военные системы и объекты военной инфраструктуры. Указанные силы и средства коллективной безопасности составляют войска (коллективные силы) ОДКБ [7].

В рамках реализации основных направлений развития военного сотрудничества государств-членов ОДКБ планомерно совершенствуются созданные на двусторонней основе российско-белорусская и российско-армянская группировки войск (сил), которые развернуты в Восточноевропейском и Кавказском регионах коллективной безопасности.

В 2001 г. в формате ОДКБ сформированы Коллективные силы быстрого развертывания в Центральноеазиатском регионе коллективной безопасности (КСБР ЦАР) численностью около 5 тыс. чел.

В феврале 2009 г. созданы Коллективные силы оперативного реагирования ОДКБ (КСОР), включающие воинские контингенты и формирования сил специального назначения государств-членов ОДКБ общей численностью около 20 тыс. человек, способных выполнять задачи как войскового, так и специального характера.

В 2007 г. подписано Соглашение о миротворческой деятельности ОДКБ, которое вступило в силу в 2009 г. Для участия в миротворческих операциях созданы на постоянной основе Миротворческие силы ОДКБ численностью около 3 тыс. военнослужащих вооруженных сил и около 600 представителей органов внутренних дел. Данные силы могут применяться как в зоне ответственности Организации, так и за ее пределами по мандату Совбеза ООН.

Казахстан стал одним из инициаторов создания Военного комитета ОДКБ в целях оперативного рассмотрения вопросов планирования и применения сил и средств системы коллективной безопасности ОДКБ и подготовки необходимых предложений СМО, который начал функционировать в 2013 году.

Одной из приоритетных областей военного строительства в рамках ОДКБ является военно-техническое сотрудничество, регулируемое специальным Соглашением 2000 г. В качестве главного принципа этого сотрудничества предусмотрен льготный режим взаимных поставок продукции военного назначения между государствами-членами ОДКБ по ценам, устанавливаемым ими для собственных вооруженных сил, а также правоохранительных органов и специальных служб [8].

Противодействие современным вызовам и угрозам безопасности

В вопросах противодействия современным вызовам и угрозам коллективной безопасности ОДКБ приоритетное значение имеют борьба с международным терроризмом и экстремизмом, незаконным оборотом наркотиков, нелегальной миграцией и торговлей людьми, криминальной и деструктивной деятельностью в информационном пространстве [9].

Во время казахстанского председательства в ОДКБ в 2018 году в фокусе внимания Организации находился вопрос по борьбе с незаконным оборотом наркотиков. Было проведено две операции «Канал». При этом в ее рамках на юге Казахстана проведена международная антинаркотическая операция «Канал - красный бархан». За ходом этой операции наблюдали представители Ирана, Китая, ОБСЕ, Евразийской группы по противодействию в легализации доходов, управление ООН по наркотикам, преступности, Интерпол, ЦАРЭКС и другие организации, давшие высокую оценку участвовавшим в операции антинаркотическим подразделениям стран-членов [10].

Таким образом, сотрудничество в рамках Договора было преобразовано в полноценную международную региональную организацию, которая способна играть ведущую роль в обеспечении безопасности на пространстве СНГ.

В главных документах ОДКБ отражена сугубо оборонительная направленность военной политики государств-участников при приоритете политических средств предотвращения и ликвидации военных конфликтов. По своему характеру ОДКБ является прежде всего фактором военно-политического сдерживания.

Государства-участники Договора особо подчеркивают, что никого не рассматривают в качестве противника и выступают за взаимовыгодное сотрудничество со всеми государствами. Договор остается открытым для присоединения к нему других государств, разделяющих его цели и принципы. Отдельным государствам или международным организациям согласно Устава предоставляется статус наблюдателя при ОДКБ.

Договор о коллективной безопасности и принятые в его развитие документы заложили основу военно-политической интеграции государств-участников, но реализация на практике конкретных мер по созданию си-

стемы коллективной безопасности в рамках ОДКБ требует постоянного совершенствования как нормативно-правовой базы, так и существующих механизмов их реализации.

Факторы, негативно влияющие на эффективность деятельности ОДКБ

На сегодняшний день различными экспертными кругами выделяется ряд проблемных факторов, негативно влияющих на деятельность ОДКБ.

Во-первых, отсутствие механизмов решения «внутренних конфликтов».

Как отмечают некоторые специалисты одной из главных проблем остается неспособность ОДКБ реагировать на «внутренние конфликты». Закрепленное положение в ст. 5 Устава Организации «невмешательство в дела, подпадающие под национальную юрисдикцию государств-членов», юридически изолирует ОДКБ от участия в подобных процессах.

В последнее время данный вопрос приобрел особую актуальность и постоянно дискутируется на различных площадках. В частности, в вопросе понимания таких понятий как «внутренние конфликты» и «кризисная ситуация», а также необходимости выработки единых механизмов реагирования ОДКБ в данном случае. Возникают сложности определения «внутренних конфликтов» и степени их влияния на национальную и региональную безопасность.

В качестве примера приводится ситуация с насильственным внутренним противоборством в Кыргызстане в 2010 г., где отмечались признаки этнического столкновения. Данный фактор серьезно подорвал внутреннюю стабильность государства и региональную систему безопасности. Запоздалая реакция по выработке своей позиции и необходимых коллективных мер воздействия на определенный период парализовала деятельность Организации.

По оценкам некоторых экспертов, это в определенной степени повлияло на решение Узбекистана в 2012 г. приостановить свое участие в ОДКБ. Данный факт в некоторой степени подорвал имидж деятельности ОДКБ, создав дисбаланс сил в регионе и прецедент для других участников [11].

Президент Беларуси в 2011 г. на неформальном саммите ОДКБ в г. Астане выдвинул инициативу о том, что Организация, в частности, КСОР, должны применяться не только «на случай вмешательства других государств извне, но и при вмешательстве других государств изнутри ОДКБ». По его словам, речь идет «о поддержке государств ОДКБ, если там происходит конституционный переворот с вмешательством извне... О противодействии комплексным сетевым операциям иностранных спецслужб по свержению неугодных Западу режимов». Данное предложение не получило дальнейшего развития [12].

В Армении также отдельные политические круги высказывали мнения о необходимости использования потенциала ОДКБ для разрешения внутренних конфликтов [11, с.12].

Во-вторых, несогласованность военной политики государств-членов.

Ряд экспертов отмечают, что странами-членами ОДКБ, несмотря на принятую в 2016 г. Стратегию коллективной безопасности до 2025 г., проводится собственная «эгоистичная» военная политика, что подрывает перспективы деятельности Организации.

В частности, национальные концепции безопасности, внешней политики и военные доктрины не согласовываются между членами ОДКБ. Каждое из государств стремится самостоятельно определить собственную иерархию угроз и вызовов безопасности.

Отмечается разнонаправленность интересов входящих в ОДКБ государств, которые свое участие в деятельности Организации оправдывают по-разному. Ряд стран рассматривают ОДКБ исключительно как сотрудничество с Россией в целях извлечения своих выгод: обеспечение собственной безопасности, получение бесплатного образования и военно-технической помощи. Для них двусторонние договоренности с Россией имеют более весомый характер.

В-третьих, слабое международное взаимодействие.

ОДКБ на рабочем уровне осуществляет сотрудничество с ООН, ШОС, СНГ и другими международными и региональными организациями. Настроен механизм обмена мнениями с ними по вопросам, представляющим взаимный интерес. На практическом уровне данное взаимодействие ограничивается формальным распределением функций между региональными организациями, в сферу ответственности которых входит обеспечение безопасности на пространстве Евразии.

Попытки ОДКБ установить взаимодействие с органами ЕС и НАТО до настоящего времени не дали должного результата. Это связано с недоверием к ОДКБ, где доминирующее положение занимает Россия [11, с.9].

В-четвертых, недостаточная эффективность деятельности рабочих органов ОДКБ.

Экспертами отмечается несогласованность и отсутствие консенсуса в отдельных вопросах на высшем уровне ОДКБ. В частности, в ноябре 2018 г. в г. Астане на СКБ ОДКБ произошло резонансное событие – членам Организации не удалось согласовать кандидатуру нового Генсекретаря после досрочного прекращения полномочий представителя Армении Ю. Хачатурова, в отношении которого было возбуждено уголовное дело в этой стране.

Исполнение ряда решений, принятых на уровне СКБ, СМВД, СМО, КССБ, постоянно затягиваются. В ряде случаев это связано с отсутствием должного контроля по исполнению поручений со стороны Секретариата ОДКБ.

Вышеуказанные факторы негативно отражаются на деятельности ОДКБ и военно-стратегическом партнерстве стран-членов.

Тем не менее, несмотря на указанные проблемы объективного и субъективного характера, ОДКБ остается единственной действенной организацией в регионе по обеспечению безопасности.

Выводы

Первый вывод. Значение ОДКБ обусловлено тем, что данный институт безопасности послужил эффективным инструментом для военной интеграции на постсоветском пространстве, обеспечив поступательное развитие государств-членов Организации.

Договор, который изначально был создан по линии СНГ в качестве главного интеграционного механизма взаимодействия в военной сфере, за прошедшие годы трансформировался в многофункциональную военно-политическую организацию, способную реагировать на широкий спектр современных вызовов и угроз.

Основу военно-политического сотрудничества и обеспечения коллективной безопасности государств-членов ОДКБ составляют общее историческое прошлое, сохранившиеся экономические, культурные, этнические и многие другие традиционные связи, совпадение и близость их жизненно важных интересов, общий характер вызовов и угроз в военной сфере, объективно существующее единое геостратегическое пространство,

Второй вывод. На сегодняшний день ОДКБ является единственным специализированным региональным инструментом безопасности с военной составляющей.

Эта организация имеет необходимый организационный, нормативный и политический инструментарий для противодействия существующим вызовам и угрозам, и наряду с этим не обременена никакими дополнительными измерениями (экономическим, культурным и т.п.). Именно в таком виде ОДКБ приобретает особую ценность для государств-членов.

Третий вывод. Наибольшее значение для обеспечения коллективной военной безопасности государств-членов ОДКБ имеют ряд факторов.

Во-первых, военная (силовая) составляющая ОДКБ, которая включает сформированные на коалиционной основе Коллективные силы оперативного реагирования (КСОР) и Миротворческие силы, а также региональные группировки сил и средств коллективной безопасности, в том числе Коллективные силы быстрого развертывания Центрально-Азиатского региона.

Во-вторых, поставка вооружения и военной техники по льготным ценам в соответствии с Соглашением об основных принципах военно-технического сотрудничества.

В-третьих, реализация межгосударственной целевой программы по оснащению КСОР ОДКБ современным оперативно совместимым вооружением и техникой.

В-четвертых, создание различных интегрированных систем военного назначения, в том числе объединенной системы противовоздушной обороны в Центрально-Азиатском регионе.

В-пятых, наличие механизма военно-экономической кооперации, которая предполагает выполнение совместных программ НИОКР, модернизацию вооружений и военной техники, создание совместных предприятий по разработке, производству, утилизации и ремонту техники и вооружений.

В-шестых, совместная подготовка кадров для вооруженных сил, правоохранительных органов и специальных служб государств – членов.

Четвертый вывод. Главным плюсом ОДКБ является создание системы коллективной безопасности, обеспечивающей реальную защиту от внешней агрессии.

К преимуществам ОДКБ можно отнести ряд объединяющих наши страны факторов:

- общее геополитическое пространство;
- единая история и одинаковая ментальность наших народов;
- одинаковая военная школа, которая оказывает мощное воздействие на армии всех государств-членов ОДКБ;
- оснащение совместимыми вооружениями и военной техникой.

Задачей всех государственных органов Казахстана, входящих в систему обеспечения национальной безопасности, а не только военного ведомства и других силовых структур, является грамотное использование потенциала ОДКБ для решения задач в этой важнейшей сфере.

Пятый вывод. Динамика развития ОДКБ позволяет с оптимизмом говорить о будущем организации, которая с каждым годом укрепляет свой военно-политический потенциал в интересах обеспечения стабильности в зоне ответственности.

Реализация на практике конкретных мер по созданию системы коллективной безопасности в рамках ОДКБ требует постоянного совершенствования не только нормативно-правовой базы, но и существующих механизмов их реализации, а также устранения имеющихся недостатков в деятельности Организации.

Шестой вывод. Заложенные в Уставе ОДКБ принципы и формы сотрудничества, а также заявленные позиции государств-членов предопределяют реальную возможность для этого военно-политического объединения стать составной частью системы общей безопасности на Евразийском континенте.

Список литературы

1. Устав Организации Договора о коллективной безопасности. Статья 4. // Официальный сайт Организации Договора о Коллективной Безопасности [Электронный ресурс]. – Режим доступа https://odkb-csto.org/documents/documents/ustav_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti - Дата доступа 12.04.2020

2. Устав Организации Договора о коллективной безопасности. Статья 3. // Официальный сайт Организации Договора о Коллективной Безопасности [Электронный ресурс]. – Режим доступа https://odkb-csto.org/documents/documents/ustav_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti - Дата доступа 12.04.2020
3. Официальный сайт Организации Договора о Коллективной Безопасности [Электронный ресурс]. – Режим доступа <https://odkb-csto.org/25years/> - Дата доступа 12.04.2020
4. Стратегия коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 года// Официальный сайт Объединенного Штаба Организации Договора о Коллективной Безопасности [Электронный ресурс]. – Режим доступа https://odkb-csto.org/documents/statements/strategiya_kollektivnoy_bezopasnosti_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti_na_period_do_/ - Дата доступа 12.04.2020
5. Положение о порядке функционирования механизма координации внешнеполитической деятельности государств-членов ОДКБ // Электронный ресурс – Режим доступа http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=11817 - Дата доступа 13.04.2020
6. Назарбаев рассказал, о чем договорились главы государств в Астане//Электронный ресурс Tengrinews.kz – Режим доступа https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/nazarbaev-rasskazal-chem-dogovorilis-glavyi-gosudarstv-357305/ - Дата доступа 20.04.2020
7. Соглашение о порядке формирования и функционирования сил и средств системы коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности// Официальный сайт Организации Договора о Коллективной Безопасности [Электронный ресурс]. – Режим доступа https://odkbcsto.org/documents/documents/soglashenie_o_poryadke_formirovaniya_i_funktsionirovaniya_sil_i_sredstv_sistemy_kollektivnoy_bezopas/ - Дата доступа 13.04.2020
8. Соглашение об основных принципах военно-технического сотрудничества между государствами-участниками Договора о коллективной безопасности от 15 мая 1992 года (г. Москва, 20 июня 2000 г.) // Официальный сайт Организации Договора о Коллективной Безопасности [Электронный ресурс]–Режим доступа https://odkb-csto.org/documents/documents/soglashenie_ob_osnovnykh_printsipakh_voenno_tekhnicheskogo_sotrudnichestva_mezhdu_gosudarstvami_ucha/ - Дата доступа 13.04.2020
9. Стратегия коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 года// Официальный сайт Объединенного Штаба Организации Договора о Коллективной Безопасности [Электронный ресурс]. – Режим доступа https://odkb-csto.org/documents/statements/strategiya_kollektivnoy_bezopasnosti_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti_na_period_do_/ - Дата доступа 13.04.2020
10. В Астане 8 ноября 2018 года прошла сессия Совета коллективной безопасности ОДКБ и состоялось совместное заседание СМВД, СМО и КССБ ОДКБ// Официальный сайт Организации Договора о Коллективной Безопасности [Электронный ресурс] – Режим доступа <https://odkb-csto.org/session/2018/session2018/> - Дата доступа 20.04.2020
11. Е.Ф. Довгань, А.В. Русакович Организация Договора о Коллективной безопасности и планирование на случай чрезвычайных обстоятельств после 2014 года, Женева, 2015. С. 7
12. Александр Лукашенко принял участие в неформальном саммите ОДКБ в Астане Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. - Режим доступа: www.president.gov.by/ru/news_ru/view/aleksandr-lukashenko-prinjal-uchastie-v-neformalnom-sammite-odkb-v-astane-5203 / - Дата доступа 16.04.2020.

«ГИБРИДНЫЕ» УГРОЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: АНАЛИЗ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ БАЗЫ КАЗАХСТАНА

Юрий Пойта

Руководитель секции Азиатско-Тихоокеанского региона Центра исследований армии, конверсии и разоружения (г. Киев, Украина), PhD докторант Казахского национального университета имени аль-Фараби

Аннотация. В статье проведен анализ нормативно-правовой базы Республики Казахстан в контексте противодействия «гибридным» угрозам национальной безопасности государства. Рассмотрены также другие угрозы национальной безопасности, которые могут иметь признаки и быть составляющими элементами потенциального «гибридного» конфликта по отношению к Казахстану.

Ключевые слова: гибридная война, гибридные угрозы, гибридное влияние, асимметричные конфликты, асимметричная война.

ҰЛТТЫҚ ҚАУІПСІЗДІККЕ ҚАТЫСТЫ «ГИБРИДТІ» ҚАУІП-ҚАТЕРЛЕР: ҚАЗАҚСТАННЫҢ НОРМАТИВТІК-ҚҰҚЫҚТЫҚ БАЗАСЫН ТАЛДАУ

Юрий Пойта

Аңдатпа. Мақалада мемлекеттің ұлттық қауіпсіздігіне төнетін «гибридті» сын-қатерлерге қарсы іс-қимыл мәселесінің аясында Қазақстан Республикасының нормативтік-құқықтық базасына талдау жасалды. Сондай-ақ, Қазақстанға қатысты болуы мүмкін «гибридті» жанжал белгілері мен оның құрамдас бөліктері бар ұлттық қауіпсіздікке төнетін өзге де қауіп-қатерлер қарастырылды.

Түйінді сөздер: гибридіті соғыс, гибридіті қауіп-қатерлер, гибридіті ықпал, асимметриялық жанжалдар, асимметриялық соғыс.

“HYBRID” THREATS TO NATIONAL SECURITY: ANALYSIS OF THE LEGAL FRAMEWORK OF KAZAKHSTAN

Yuriy Poita

Abstract. The article analyzes the regulatory framework of the Republic of Kazakhstan in the context of countering “hybrid” threats to the national security of the state. Other threats to national security are also considered, which may have signs and be constituent elements of a potential “hybrid” conflict with respect to Kazakhstan.

Key words: *hybrid war, hybrid threats, hybrid influence, asymmetric conflicts, asymmetric war.*

Введение

В теории конфликтов и национальной безопасности большое внимание уделяется феномену «гибридных» войн, или конфликтов с применением «гибридных» угроз, методов и инструментов. Большинство ученых рассматривают феномен «гибридной» войны как комплексное сочетание традиционных военных, и нетрадиционных (асимметричных, неконтактных) способов войны или воздействия для достижения стратегических целей. Основная особенность «гибридных» войн или «гибридных» угроз состоит в том, что в таком противостоянии военные и невоенные (политические, дипломатические, экономические, информационные и др.) инструменты задействуются под единым руководством и замыслом, что позволяет достичь синергетического эффекта результатов. Специфика такого сочетания заключается в том, что каждый из военных и невоенных способов ведения «гибридного» конфликта применяется в военных целях и используется как оружие.

В связи с этим, в ряде стран были пересмотрены подходы как к оценке международной обстановки и ведению военных конфликтов, так и к способам защиты от возможных (потенциальных) или реальных «гибридных» угроз, что нашло свое отражение в изменении нормативно-правовой базы в области национальной безопасности, разработке новых стратегий и концепций противодействия «гибридным» угрозам, создании новых исследовательских центров и структур. В нормативно-правовой базе Казахстана также были внесены некоторые изменения, которые учитывали возможные угрозы национальной безопасности с применением «гибридных» методов, а изучение данного феномена было включено в программы соответствующих учебных заведений государства.

Методы исследования

В основе исследования положен метод контент-анализа (для анализа нормативных документов РК), в качестве вспомогательного метода был

использован дискурс-анализ (для изучения дискурса руководства РК по отношению к «гибридным» угрозам).

Результаты исследования

Феномен «гибридных» угроз, «гибридных» войн и «гибридного» влияния, а также методы противодействия им активно изучаются иностранными учеными и исследователями. При этом, в ряде стран указанные термины закреплены в нормативно-правовых документах в сфере национальной безопасности и обороны, разработаны стратегии и концепции противодействия и уменьшения рисков возникновения «гибридных» угроз, созданы и функционируют национальные и международные центры по изучению опыта и координации усилий в данной области.

В Казахстане, наряду с традиционными и асимметричными угрозами и вызовами, внимание к собственно «гибридным» угрозам периодически встречается в дискурсе высшего военно-политического руководства страны, и закреплено в ряде нормативно-правовых документов, что говорит о наличии «гибридных» угроз для национальной безопасности государства и актуальности разработки методов противодействия им. В тоже время, открытым остается вопрос об источниках и возможных последствиях «гибридного» влияния, конкретных методах и способах, которые могут применяться, а также эффективности действий государства по уменьшению вероятности их возникновения.

Анализ концептуальных документов Казахстана

В послании Президента Республики Казахстан - Лидера Нации Нурсултана Назарбаева народу Казахстана «Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства» укрепление региональной и национальной безопасности является одним из приоритетов модернизации внешней политики государства, при этом Казахстан позиционирует себя как государство, на котором лежит ответственность, как за региональную безопасность, так и за стабилизацию Центральной Азии. Для успешной реализации этого был предложен способ внутри региональной интеграции, которая должна будет способствовать снижению конфликтного потенциала региона, решению социально-экономических проблем, и решению водно-энергетических и других противоречий. Кроме этого, указывается на необходимость вклада Казахстана в глобальную безопасность, укрепления своей обороноспособности и военной доктрины, участия в различных механизмах оборонительного сдерживания (включая сотрудничество с другими странами и организациями, а также с союзниками по ОДКБ) [1].

Несмотря на то, что в документе отсутствует упоминание непосредственно «гибридных» угроз, отдельные аспекты, которые упоминаются в Послании, потенциально могут быть использованы для «гибридного»

противостояния против Казахстана. В частности, под термином «гибридная» война большинство ученых подразумевают военные действия, которые осуществляются путем объединения милитаристских (военных), квазимилитарных, дипломатических, информационных, экономических и других средств с целью достижения стратегических политических целей [2]. Один из основоположников теории «гибридных» конфликтов Фрэнк Гоффман определяет «гибридные» угрозы как полный спектр способов ведения войны, включая применение обычного вооружения и подразделений (комбатантов), нерегулярных формирований и ассиметричных действий (некомбатантов), террористических атак, разжигание и поддержка преступности, массовых беспорядков, некинетических (бесконтактных) методов влияния [3]. При этом, применение «гибридных» методов может осуществляться как в военное, так и в мирное время, и направлены они на конкретные уязвимости государства: политические, военные, экономические, социальные, этнические, информационные и др. [4]

В указанном послании Президента РК прямо или косвенно упоминается о наличии таких уязвимостей, в частности о социальной, этнической и религиозной напряженности и конфликтах, необходимости обеспечения межэтнического согласия нации в условиях, когда «внутренние и внешние силы хотят разыграть карту «межэтнического раскола», взорвать изнутри наше спокойствие и помешать укреплению нашего государства». Также, среди угроз перечислены религиозный радикализм, экстремизм и терроризм, которые приносят вызов «миру и стабильности, государственности страны» [1]. В последующих посланиях упомянутые риски и угрозы периодически упоминаются, в т.ч. в контексте межэтнических противоречий, или связанных с деятельностью зарубежных террористических организаций, религиозного экстремизма, вызовов, связанных с использованием интернета и социальных сетей, киберпреступности [5-9].

Более того, возможность применения различных инструментов влияния на конкретные уязвимости государства, которые также относятся к спектру «гибридных» методов (несмотря на отсутствие непосредственного упоминание этого термина) упоминается в некоторых аналитических докладах касательно ситуации безопасности в регионе Центральной Азии. При этом, не исключается возникновение локальных конфликтов, дестабилизация политической ситуации под действием внешних факторов, в качестве которых указаны преимущественно Запад, Россия и Китай. В частности, в докладе «Центральная Азия - 2020: четыре стратегических концепта» обострение ситуации в регионе может возникнуть в случае нарушения баланса интересов Запада, России и Китая. По мнению авторов исследования, этому может способствовать резкое ухудшение отношений России и Запада, а также рост политической напряженности между КНР и США в Азиатско-Тихоокеанском регионе, что станет причиной усиления

соперничества Запада и Китая в ЦА, увеличения роли ассиметричных мер в политике государств.

В данном аспекте, в качестве основных рисков для ЦА указаны как связанные с внешнеполитическими обязательствами (в частности, сужение поля для политического маневра при принятии странами ЦА тех или иных решений), так и возможность политической дестабилизации, вызванной напряжением между Западом, РФ и Китаем на фоне обострения позиций сторон в транспортной и энергетической областях, а также желание одностороннего наращивания военно-политического сотрудничества. При этом, в качестве инструментов, которые могут быть использованы внешними игроками, перечислены уже упомянутые нами элементы «гибридного» влияния: финансово-экономические рычаги влияния на страны региона, усиление отрицательных социально-экономических тенденций, с одновременным политико-идеологическим и информационным давлением, направленным на внутреннеполитический и общественный раскол.

В качестве «вполне реального» фактора возникновения подобных угроз (в документе они определены как асимметричные), указана Россия, которая «с целью укрепления статуса региональной державы задействует весь свой ресурсный потенциал для вовлечения как можно большей части постсоветского пространства в зону своего влияния», из-за того, что «российское руководство рассматривает Центральную Азию как потенциальный объект, за счет которого будет пытаться компенсировать потерю своих геополитических позиций в других регионах». Противоположная позиция других внешних игроков по вопросам присоединения ЦА к различным международным энергетическим и транспортным проектам и превращения территории региона в международный транзитный коридор, может привести к появлению локальных конфликтов. При этом, не исключаются такие риски как сокращение самостоятельности и инициативы политических элит государств региона (в случае реализации сценария укрепления союза России и Китая в ЦА), а также «превращение региона в экономический придаток Китая, рост недовольства и антикитайских протестных настроений» [10].

Очевидно, что перечисленные выше риски и угрозы по определению могут классифицироваться как «гибридные», поскольку исходят от внешних игроков, направлены на дестабилизацию внутреннеполитической обстановки, с использованием финансово-экономических, идеологических, информационных и других инструментов, вплоть до появления локальных конфликтов в регионе и потери суверенитета и самостоятельности во внешней и во внутренней политике.

Таким же образом, угрозы, перечисленные в Законе Республики Казахстан «О национальной безопасности Республики Казахстан», не выделены в отдельную категорию «гибридных» однако, по своим характерным особенностям, могут быть классифицированы как их элементы, поскольку

также включают в себя широкий спектр в различных областях: политической, экономической, социальной, информационной и т.д. В таблице 1 перечислены отдельные угрозы национальной безопасности из перечня, указанного в Законе РК «О национальной безопасности РК» (в левой графе), и возможные последствия, которые могут возникнуть при реализации сценария «гибридной» войны, исходя из характеристик и особенностей «гибридных» конфликтов, опыта стран, которые подвергались подобным угрозам. Как видно из таблицы, часть из определенных в Законе угроз соответствует спектру инструментов, которые характерны для «гибридных» и охватывают различные сферы: политическую, социальную, религиозную, экономическую, военную, информационную, международную.

Таблица 1. Перечень угроз национальной безопасности РК и возможных последствий при реализации внешнего «гибридного» воздействия

Наименование угрозы	Возможные последствия при реализации внешнего «гибридного» воздействия
Обострение социальной и политической обстановки, выражающееся в межнациональных и межконфессиональных конфликтах, массовых беспорядках.	Дестабилизация внутринеополитической обстановки, провоцирования внутреннего конфликта на религиозной, этнической, социально-экономической основе [11-13].
Неконтролируемые миграционные процессы.	Изменение социокультурного, экономического и политического ландшафта государства, обострение в обществе конфликтов на этнической почве, рост националистических движений и сепаратизма [14, 15].
Деятельность, направленная на насильственное изменение конституционного строя.	Управляемый извне государственный переворот, потеря суверенитета страны [12].
Действия, посягающие на унитарность Республики Казахстан, целостность, неприкосновенность, неотчуждаемость ее территории.	Оккупация, аннексия части территории, утрата государственности [12].
Терроризм, экстремизм и сепаратизм в любых их формах и проявлениях.	Дестабилизация внутринеополитической обстановки, провокация беспорядков, террористические акции, деятельность незаконных вооруженных формирований, насильственный захват власти, отделение части территории от государства, потеря его суверенитета над этой частью [11, 12].
Разведывательно-подрывная деятельность специальных служб иностранных государств, иных зарубежных организаций и отдельных лиц, направленная на нанесение ущерба национальной безопасности.	Создание агентов влияния иностранных государств в органах государственной власти страны, принятие решений, идущих вразрез национальным интересам, нанесение ущерба национальной безопасности [12].
Дезорганизация деятельности государственных органов, нарушение их бесперебойного функционирования, снижение степени управляемости в стране.	Дестабилизация внутринеополитической обстановки, создание благоприятных условий для внешней агрессии [3].
Нанесение ущерба экономической безопасности государства, включая использование стратегических ресурсов вопреки интересам страны.	Нанесение ущерба экономике, развитие противоречий в обществе на социально-экономической основе, формирование зависимости государства от внешних экономических и политических факторов [16].
Сокращение производства, снижение качества, конкурентоспособности, экспортного, транзитного потенциала и доступности продукции и товаров, сокращение поставок из других государств продукции и товаров, не производимых в Республике Казахстан.	Нанесение ущерба экономике, потеря рынков сбыта, блокировка инфраструктурных и транспортных путей доставки товаров и ресурсов, развитие противоречий в обществе на социально-экономической основе, формирование критической зависимости государства от внешних экономических и политических факторов [16].

Наименование угрозы	Возможные последствия при реализации внешнего «гибридного» воздействия
Снижение уровня обороноспособности страны, угроза неприкосновенности государственной границы и применения силы в отношении Республики Казахстан, агрессия против нее.	Создание благоприятных условий для внешней военной агрессии, оккупация, аннексия части территории, утрата государственности [12].
Создание не предусмотренных законодательством Республики Казахстан военизированных формирований.	Дестабилизация внутринеополитической обстановки, провокация беспорядков, террористические акции, деятельность незаконных вооруженных формирований, насильственный захват власти, отделение части территории от государства, потеря его суверенитета над этой частью [3, 12].
Снижение уровня защищенности информационного пространства страны, а также национальных информационных ресурсов от несанкционированного доступа.	Информационная экспансия и блокада со стороны других государств, организаций и отдельных лиц, информационное влияние на общественное мнение, с целью формирования благоприятных условий для дестабилизации внутринеополитической ситуации [13, 17].
Информационное воздействие на общественное и индивидуальное сознание, связанное с преднамеренным искажением и распространением недостоверной информации в ущерб национальной безопасности.	Информационная экспансия и блокада со стороны других государств, организаций и отдельных лиц, информационное влияние на общественное мнение, с целью формирования благоприятных условий для дестабилизации внутринеополитической ситуации [13, 17].
Нанесение ущерба национальным интересам на международном уровне, политическому имиджу и экономическому рейтингу Казахстана.	Дискредитация государства на международной арене, возможность дипломатического давления, снижение эффективности получения международных гарантий национальной безопасности [3, 18].

«Гибридные» угрозы, как отдельная категория

Актуализация и выделение собственно «гибридных» угроз в отдельную категорию в нормативно-правовой базе Казахстана произошло в 2017 году, с принятием пятой Военной доктрины Республики Казахстан, в которой впервые было дано определение «гибридных» методов борьбы, их конечных целей, условий и факторов возникновения, в т.ч. по отношению к Казахстану. Согласно документу, «гибридными» методами борьбы являются способы достижения военно-политических и военно-стратегических целей комплексным применением военной силы (в том числе сил специальных операций, частных военных, охранных компаний на территории противостоящей стороны), невоенных средств, а также использованием потенциала других государств, террористических, экстремистских организаций и сепаратистских движений для дестабилизации обстановки на территории противоборствующего государства. Целями упомянутых «гибридных» методов являются создание неблагоприятных внешних условий и дестабилизация внутренней обстановки в противостоящем государстве, при этом, для их достижения могут использоваться существующие внутри регионов и государств политические, социальные, экономические, территориальные, этнические и другие противоречия. В качестве черт современных военных конфликтов упомянуты ведение скрытых действий с помощью сил специальных операций (специального назначения), частных военных и охранных компаний на территории другого государства, а также

использование потенциала других государств, террористических и экстремистских организаций, сепаратистских движений.

Согласно документу, военные угрозы непосредственно на территории РК могут возникнуть в т.ч. при условиях «усиления противостояния между мировыми и региональными «державами» в стремлении изменить существующий мировой порядок и расширить сферы влияния в мире или отдельных регионах», а также снижения эффективности международного права и возможностей международных организаций безопасности в недопущении и пресечении применения военной силы в межгосударственных отношениях, сохранения тенденций роста активности сепаратизма, использования сепаратистских движений внешними силами для достижения интересов на территории других государств. А стремление государств или военно-политических союзов расширить сферы влияния в Республике Казахстан для установления контроля над ее стратегическими ресурсами и транспортной инфраструктурой обозначен как фактор, который может оказать влияние на военную безопасность Республики Казахстан.

Среди возможных военных угроз РК в т.ч. названы применение или намерение применения государствами, народами, социальными группами против Республики Казахстан военной силы, в том числе с использованием «гибридных» методов борьбы, деятельность деструктивных сил, направленная на дестабилизацию обстановки в государстве, насильственное изменение конституционного строя, нарушение территориальной целостности Республики Казахстан, а также деятельность государств, народов, социальных групп, направленная на снижение военного и военно-экономического потенциала государства информационно-психологическим воздействием.

При этом, стратегическое сдерживание от агрессии и «гибридных» методов борьбы в разрешении межгосударственных и внутригосударственных противоречий является одним из основных направлений деятельности РК в военно-стратегической сфере. При применении противником «гибридных» методов борьбы государственные органы и организации, входящие в состав военной организации государства, применяют адекватные меры по противодействию политико-дипломатическим, экономическим, правовым, информационным, идеологическим, а также другим невоенным средствам, направленным на дестабилизацию обстановки в Республике Казахстан. В условиях ведения противником скрытых действий, направленных на дестабилизацию обстановки в государстве, в том числе с использованием сил специальных операций (специального назначения), частных военных, охранных компаний, а также террористических, экстремистских организаций и сепаратистских движений, Вооруженными Силами, другими войсками и воинскими формированиями будут проводиться специальные операции для пресечения их деятельности. Для повышения эффективности обеспечения военной безопасности РК опыт вооруженной борьбы с использованием «гибридных» методов борьбы будет включен в

учебные программы учебных материалов в системе военного образования РК [19].

Кроме Военной доктрины, «гибридные» угрозы нашли свое отображение во вновь принятой Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2020-2030 годы. В документе, в качестве одного из возникших новых факторов, которые «оказывают серьезное влияние на концептуальные и практические подходы в области внешней политики Казахстана» указан феномен «гибридных» войн.

В данном аспекте следует также обратить внимание, что тема «гибридных» угроз и войн периодически упоминается в дискурсе высшего руководства страны, как в качестве характеристики глобальных, мировых процессов, так и в контексте рисков непосредственно Казахстану. В частности, Первым президентом РК Нурсултаном Назарбаевым во время встреч с руководящим составом Министерства обороны в 2015, 2016 гг., и руководством Комитета национальной безопасности в 2017 г. «гибридные» войны упоминались в числе угроз для государства [20-22]. А президентом Касым-Жомартом Токаевым во время встречи с мировыми лидерами в рамках международного дискуссионного клуба «Валдай» в 2019 году «гибридные» войны были обозначены, как особенности развития международной обстановки, которые «чреватые тяжелыми последствиями для всего мира» [23]. Актуальность данных вопросов также поднимается руководящим составом Совета Безопасности Казахстана на встречах с иностранными коллегами. В частности, в 2019 году, в ходе десятой международной встречи высоких представителей, курирующих вопросы безопасности из более чем 70 государств (г. Уфа, РФ), Секретарь Совета Безопасности Казахстана К. Касымов выступил с докладом на тему: «Обеспечение национальной безопасности и устойчивого развития государств в условиях роста гибридных угроз» [24].

Выводы

Во-первых, уязвимости, которые могут быть использованы внешними игроками для дестабилизации внутривнутриполитической ситуации государства, прямо или косвенно указаны в ряде концептуальных документов Казахстана. При этом, в большей степени акцентируется внимание на таких внутренних факторах как социальная, этническая, религиозная напряженность, а также внешних угрозах - религиозный радикализм, экстремизм и терроризм.

Во-вторых, Закон РК «О национальной безопасности Республики Казахстан» не определяет «гибридные» угрозы как отдельную категорию, однако перечисленные в законе угрозы, могут быть составными частями непосредственно «гибридного» влияния на Казахстан, так как охватывают политические, экономические, этнические, информационные, религиозные, международные, военные аспекты безопасности, которые могут быть использованы внешними акторами для достижения своих стратегических

целей. Реализация «гибридного» влияния по отношению к Казахстану может привести к негативным последствиям, вплоть до дестабилизации внутрениннеполитической ситуации, появления локальных конфликтов в регионе, потери экономического и политического суверенитета, утраты части территорий в результате «гибридной» агрессии.

В-третьих, актуализация «гибридных» угроз, «гибридных» войн и конфликтов в мировой практике и выделение их в самостоятельную категорию, привела к тому, что с 2017 года в нормативно-правовой базе РК «гибридные» методы борьбы, как возможная угроза военной безопасности РК со стороны внешних акторов, были обозначены в Военной доктрине страны. При этом, источники возможных «гибридных» угроз, а также методы и сценарии их реализации не были указаны. В отдельных аналитических документах, в качестве «вполне реального» фактора возникновения подобных угроз (в документе они определены как асимметричные), указана Россия, которая будет продолжать действия по укреплению зоны своего влияния на постсоветском пространстве, в условиях усиления противостояния с Китаем и Западом в регионе.

В-четвертых, условиями и факторами, которые могут привести к «гибридным» угрозам обозначены как внешние (противостояние между мировыми и региональными державами, снижение эффективности международного права и возможностей международных организаций безопасности в недопущении и пресечении применения военной силы в межгосударственных отношениях, стремление государств или военно-политических союзов расширить сферы влияния в Республике Казахстан для установления контроля над ее стратегическими ресурсами и транспортной инфраструктурой) так и внутренние (связанные с обострением социальной и политической обстановкой, неконтролируемыми миграционными процессами, снижением обороноспособности страны, уровня защищенности информационного пространства и др.).

В-пятых, противодействие «гибридным» угрозам имеет общенациональный характер, и должно проводиться всеми государственными органами и организациями, входящими в состав военной организации государства, для противодействия политико-дипломатическим, экономическим, правовым, информационным, идеологическим, а также другим невоенным средствам, направленным на дестабилизацию обстановки в Республике Казахстан. Упоминание темы «гибридных» угроз и войн высшим руководством страны в национальном и международном контексте подчеркивает актуальность данной темы и ставит задачу по детальному изучению феномена «гибридных» конфликтов в условиях Казахстана.

Список литературы:

1. Послание Президента Республики Казахстан - Лидера нации Нурсултана Назарбаева народу Казахстана «Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства» (14 декабря 2012)

2. Frank G. Goffman «Hybrid Warfare and Challenges». // <https://smallwarsjournal.com/documents/jfghoffman.pdf>.
3. The World Hybrid War: Ukrainian Forefront// Под общ. Ред. В.П.Горбулина // К.: НИСИ, 2017. – 496 с.
4. Dr. Patrick J., Erik Reichborn-Kjennerud // Countering Hybrid Warfare Project: Understanding Hybrid Warfare MCDC // Norwegian Institute of International Affairs
5. Послание Президента Республики Казахстан Н.Назарбаева народу Казахстана. 30 ноября 2015 г. «Казахстан в новой глобальной реальности: рост, реформы, развитие»
6. Послание Президента Республики Казахстан Н.Назарбаева народу Казахстана. 31 января 2017 г. «Третья модернизация Казахстана: глобальная конкурентоспособность»
7. Послание Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева народу Казахстана. 10 января 2018 г. Новые возможности развития в условиях четвертой промышленной революции
8. Послание Президента Республики Казахстан Н.Назарбаева народу Казахстана. 5 октября 2018 г. Рост благосостояния казахстанцев: повышение доходов и качества жизни
9. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана «Конструктивный общественный диалог – основа стабильности и процветания Казахстана»
10. Центральная Азия – 2020: четыре стратегических концепта // КИСИ, 2015 // Под редакцией: Е.Т. Карина Авторская группа: Б.А. Аюелбаев, С.К. Кушкumbaев, К.Л. Сыроежкин, В.Ю. Додонов.
11. Frank G Goffman «Conflict in the 21-st century», 2007 // https://www.potomac institute.org/images/stories/publications/potomac_hybridwar_0108.pdf
12. Kęstutis Kilinskas, «Hybrid Warfare: an Orientating or Misleading Concept in Analysing Russia's Military Actions in Ukraine?», // https://www.researchgate.net/publication/311522267_Hybrid_Warfare_An_Orientating_or_Misleading_Concept_in_Analysing_Russia's_Military_Actions_in_Ukraine
13. В.Герасимов, Ценность науки в предвидении. Новые вызовы требуют переосмыслить формы и способы ведения боевых действий, <https://www.vpk-news.ru/articles/14632>.
14. А.Е. Блохина, С.И. Грачев «Миграционные процессы в новейшей истории: этническая конфликтогенность, региональная и национальная безопасность», 2016 г. // http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik/19931778_2016_-_6_unicode/3.pdf
15. Dr Peter Roell, «Migration – A New Form of Hybrid Warfare?» // http://www.ispsw.com/wp-content/uploads/2016/05/422_Roell_RINSA.pdf
16. Sergii Slukhai, «Economic Wars Within The Russia-Ukraine Confrontation» // http://anteportas.pl/wp-content/uploads/2019/03/AP.XI_Slukhai.pdf
17. Flemming Splidsboel, «Russian Hybrid Warfare: A Study of Disinformation» // Danish Institute for International Studies (DIIS), Center for Security Studies // <https://css.ethz.ch/en/services/digital-library/articles/article.html/1c93c122-e11f-45d4-afde-c5e17a3185fb/pdf>
18. 'A Deadlier Peril': The Role of Corruption in Hybrid Warfare // MCDC Countering Hybrid Warfare project // https://cids.no/wp-content/uploads/2019/06/20190318-MCDC_CHW_Info_note_7.pdf
19. Дубовцев Г.Ф. Военная безопасность Республики Казахстан: опыт, актуальные проблемы, основные направления обеспечения: Монография. – Астана: КИСИ при Президенте РК, 2018. – 218 с.
20. Армия должна приспособиться к специфике гибридной войны – Назарбаев, <https://tengrinews.kz/tv/novosti/obschestvo/5768/>
21. Назарбаев представил нового руководителя коллективу министерства обороны <https://365info.kz/2016/09/nazarbaev-predstavil-novogo-rukovoditelya-kollektivum-inisterstva-oborony>
22. Назарбаев назвал кибератаки и гибридные войны угрозой для Казахстана <http://today.kz/news/kazakhstan/2017-07-13/746147-nazarbaev-nazval-kiberataki-i-gibridnyie-vojnii-ugrozoi-dlya-kazahstana/>
23. Шаткое чудо и новая холодная война – Токаев обозначил проблемы Азии на «Валдае» <https://ru.sputniknews.kz/politics/20191004/11690225/tokaev-valday-vystuplenie.html>
24. Участие помощника Президента – Секретаря Совета Безопасности Калмуханбета Касымова в десятой международной встрече высоких представителей, курирующих вопросы безопасности http://www.akorda.kz/ru/executive_office/executive_office_news/uchastie-pomoshchnika-prezidenta-sekretarya-soveta-bezopasnosti-kalmuhanbeta-kasymova-v-desyatoy-mezhduarodnoi-vstreche-vysokih-predstavitei#/upload/announces/6fa287555f99d7e460c681f8f1450f20.jpeg

ДИСКУССИЯ О РОЛИ СООБЩЕСТВ В НАСИЛЬСТВЕННОМ ЭКСТРЕМИЗМЕ: ВЫВОДЫ ДЛЯ КАЗАХСТАНА

Анастасия Решетняк¹, Асель Назарбетова²

¹ Старший научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, докторант ЕНУ им. Л.Н. Гумилёва

² Руководитель отдела международных исследований КИСИ при Президенте РК, PhD политических наук

Аннотация. В современном мире, когда дискурс о безопасности сдвигается с вопроса обеспечения безопасности национальной к защите социетальной (общественной) и безопасности человека (human security) [1], целесообразно пересмотреть и то, каким образом предполагается реагировать на традиционные и современные вызовы безопасности. Одним из таких вызовов является распространение насильственного экстремизма, противодействие которому было исключительно сферой деятельности спецслужб. Сегодня теоретики и практики в области противодействия и профилактики насильственного экстремизма (П/ПНЭ) признают одну из лидирующих ролей в превенции насильственного экстремизма за местными сообществами. В данной статье, опираясь на мировые практики, изучается, в каких отношениях сообщества могут быть вовлечены в П/ПНЭ, и рассматриваются перспективы имплементации отдельных практик в казахстанскую политику.

Ключевые слова: насильственный экстремизм, местные сообщества, социальная сплочённость, реабилитация, реинтеграция

ЗОРЛЫҚШЫЛ ЭКСТРЕМИЗМДЕГІ ҚАУЫМДАСТЫҚТАР РӨЛІ ТУРАЛЫ ПІКІРТАЛАС: ҚАЗАҚСТАН ҮШІН ҚОРЫТЫНДЫЛАР

Анастасия Решетняк, Әсел Назарбетова

Аңдатпа. Қазіргі әлемде қауіпсіздік туралы дискурс ұлттық қауіпсіздікті қамтамасыз ету мәселесінен социеталдық (қоғамдық) және адам қауіпсіздігін (human security) [1] қорғауға ығысқан шақта, қауіпсіздіктің дәстүрлі және қазіргі заманғы сын-тегеуріндеріне қалай жауап қайтару көзделгенін қайта қарастыру да абзал. Осындай сын-тегеуріндердің бірі зорлықшыл экстремизмнің таралуы болып табылады, оған қарсы әрекет жасау тек қана арнайы қызметтер саласының

жұмысы болды. Бүгінде зорлықшыл экстремизмге қарсы тұру/алдын алудың теоретиктері мен практиктері зорлықшыл экстремизмнің алдын алуда жергілікті қауымдастықтардың жетекші рөлін мойындап отыр. Аталған мақалада әлемдік тәжірибеге сүйене отырып, қандай жағдайда қауымдастықтар зорлықшыл экстремизмге қарсы тұруға/алдын алуға тартылуы мүмкін екендігі зерттелген, сондай-ақ жекелеген тәжірибелердің қазақстандық саясатқа кіріктірілуінің перспективалары қарастырылған.

Түйін сөздер: зорлықшыл экстремизм, жергілікті қауымдастықтар, әлеуметтік ауызбіршілік, оңалту, қайта кірігу мен бейімделу.

DISCUSSION ON THE ROLE OF COMMUNITIES IN VIOLENT EXTREMISM: IMPLICATIONS FOR KAZAKHSTAN

Anastassiya Reshetnyak, Assel Nazarbetova

Abstract. In the modern world, when the security discourse shifts from the issue of ensuring national security to protecting societal and human security, it is also advisable to reconsider how it is supposed to address to traditional and modern security challenges. One of these challenges is the spread of violent extremism, the counteraction of which was exclusively the sphere of activity of the security services. Today, P/CVE theorists and practitioners recognize one of the leading roles in the prevention of violent extremism for local communities. Based on international practices, this article examines the ways in which communities can be involved in P/CVE and discusses the prospects for the implementation of best practices in Kazakhstani politics.

Keywords: *violent extremism, local communities, social cohesion, rehabilitation, reintegration*

Введение

11 сентября 2001 года стало точкой отсчёта в вопросе секьюритизации терроризма и экстремизма, существенно расширив полномочия государств в предотвращении этих угроз, которые стали во многих странах коренными в сфере национальной безопасности. Последовавшие далее решения и разработанные политики отличались преобладанием в них «жёстких» мер над «мягкими», с главенством спецслужб и других силовых структур.

Однако с течением времени и разработчики политики, и практики убедились в том, что проблема распространения насильственного экстремизма требует комплексных решений. Подход «не навреди», который преобладает в программах П/ПНЭ второй волны, направлен на предотвращение «поведенческой радикализации», а не когнитивной – борьбу не с идеями, а с потенциальными действиями.

Профилактические меры в таком случае предполагают либо недопущение радикализации через преодоление «подталкивающих» и «притяги-

вающих» факторов и факторов среды², либо «обращение вспять процесса радикализации через обеспечение возвращения человека в умеренное общество, обычно путём предоставления ему стабильной сети поддержки, выяснения первоначальных причин его радикализации и отделения от крайних убеждений и социальных контактов» [2].

Очевидно, что при таком подходе к процессам радикализации и её предотвращения и профилактики особую роль играют «низовые» ячейки – такие как семья и местные сообщества³.

В данной статье представлен обзор роли местного сообщества на каждом этапе цикла П/ПНЭ, и на основе проведённого анализа выработаны рекомендации для вовлечения в политику П/ПНЭ местных сообществ.

Сообщества и радикализация

Для того, чтобы оценить роль сообщества в радикализации отдельного его представителя, необходимо рассмотреть факторы, оказывающие влияние на этот процесс. Согласно преобладающему подходу, уязвимые к насильственному экстремизму сообщества могут иметь следующие характеристики (в разных сочетаниях):

- структурная безработица;
- слабое социальное обеспечение;
- низкий уровень интеграции субкультур (например, мигрантов, представителей этнических, религиозных меньшинств и т.д.);
- плохие образовательные и жилищные условия;
- социальные проблемы на уровне семьи;
- структурное насилие в отношении девушек и женщин;
- наличие криминальных и террористических сетей и/или вербовщиков, мотивирующих молодёжь присоединяться к ним;
- высокий уровень преступности;
- навязчивое присутствие или неадекватные действия субъектов безопасности [3, с. 6-7].

Вышеуказанные характеристики и становятся «подталкивающими» (создающими условия) и «притягивающими» (провоцирующими к участию) факторами, способствующими радикализации к насильственному экстремизму. Хотя существует распространённое мнение о том, что вер-

² Pull- и push-факторы – аспекты, которые могут «притянуть» (оказаться привлекательными) или «подтолкнуть» к насильственному экстремизму. Первые включают, к примеру, чувство сопричастности, «братства», идеологическую близость, экономическую выгоду вступления в соответствующие организации, а вторые – неудовлетворённость собственным положением, разочарование в государстве или обществе, личные проблемы и т.д.

³ В данном контексте под местным сообществом понимается общность людей, объединённая как местом проживания с определёнными пространственно-географическими границами, так и социальными взаимосвязями, общими нормами поведения и чувством принадлежности и ответственности.

бовка в террористические и насильственные экстремистские группировки ведётся в основном онлайн, это справедливо не для всех обществ и групп. Так, исследование, проведённое в 2017 году в ряде африканских стран, демонстрирует: большая часть респондентов вовлекалась в экстремистские организации посредством социальных связей внутри сообщества [4].

В свою очередь, рост радикализации к насильственному экстремизму внутри сообщества может негативно повлиять на его безопасность, создавая риски ухудшения криминогенной обстановки, привести к нарушению взаимоотношений с властями, общей маргинализации его членов.

Роль сообществ в профилактике насильственного экстремизма

Современные подходы к П/ПНЭ предоставляют местным сообществам одну из центральных ролей в реализации соответствующей политики. Это обусловлено несколькими факторами. Так, преимущество местных сообществ, в отличие от центральных органов власти, состоит в том, что они хорошо знакомы с контекстом и нуждами, лучше представляют целевую аудиторию той или иной инициативы, глубоко вовлекаются в предпринимаемые действия и смотрят на них стратегически, в то же время не допуская ситуативной стигматизации той или иной группы [5].

Эффективная политика П/ПНЭ в её нынешнем понимании находится на стыке обеспечения безопасности и социальной политики. Сообщества здесь могут играть роль союзника государства, беря на себя, непосредственно или опосредованно, функции по саморегуляции, не допуская активности вербовщиков или помогая пострадавшим членам сообщества. Зачастую их деятельность даже более эффективна, поскольку соответствующие нарративы транслируются уважаемыми членами общины, доверие к которым может быть выше, чем к центральному правительству [6].

Сотрудничество сообществ с местными и центральными органами власти, полицией и другими сторонами, участвующими в П/ПНЭ, согласно Бригс, может разворачиваться в четырёх основных плоскостях:

1. сообщества могут выступить «в качестве системы раннего предупреждения для полиции и разведывательных служб, если они сталкиваются с информацией или имеют проблемы с конкретными лицами или группами»;
2. предотвращение радикализации молодёжи через преодоление подталкивающих факторов и факторов среды;
3. оперативное реагирование на конфликты и претензии, возникающие внутри сообщества, которым потенциально могут воспользоваться вербовщики для оправдания применения насилия;
4. выстраивание доверия и долгосрочное партнёрство с полицией и службами безопасности для смягчения последствий применения мер оперативного реагирования [7, с. 972-974].

Среди сложностей, возникающих при налаживании партнёрства с сообществами и вовлечение их в практику П/ПНЭ, в докладе ОБСЕ названы «история напряжённости» во взаимоотношениях сообщества с полицией, спецслужбами и/или центральными органами власти, а также личные интересы отдельных групп и людей, которые не всегда соответствуют интересам сообщества [8, с. 68].

Роль сообществ в процессах реабилитации и реинтеграции

Как показывает мировая практика, основываясь на различных примерах постконфликтного реагирования, процессы реабилитации и реинтеграции бывших экстремистов требуют существенного вклада со стороны принимающего сообщества, которое должно быть подготовлено для того, чтобы принять их, осведомлено о том, что представляют собой радикализация и дерадикализация, и быть готово сотрудничать с властями по любым возникающим в этом отношении вопросам [9, с. 3].

С одной стороны, задача сообщества – помочь возвратившимся в процессе их возвращения к привычному жизненному укладу и становления как продуктивных членов сообщества, с другой – сохранить устойчивость, минимизируя риски, которые эти люди могут представлять.

Процессы «прямой» реабилитации и реинтеграции (когда бывшие приверженцы экстремистских групп возвращаются в сообщество напрямую, без «буфера» в виде уголовно-исполнительной системы) тесно связаны с гендерным вопросом и «детской» повесткой. Женщины и дети чаще всего признаются жертвами террористических и экстремистских организаций, и оказываются в принимающем сообществе в «переходном» состоянии, особенно нуждаясь в поддержке и участии со стороны окружающих и будучи уязвимыми к любого рода дискриминации и стигматизации.

В классическом виде реабилитация включает религиозную и идеологическую составляющие для обеспечения отказа от радикальных убеждений, но на практике этих мер оказывается недостаточно. Они должны быть подкреплены, согласно результатам нейробиологических исследований, также преодолением социальной изоляции, поскольку последняя усиливает значимость «священных ценностей» экстремистских групп и может привести к дегуманизации «иных» - тех представителей сообщества, которые эти ценности не разделяют [10, с. 24–26].

Важным вопросом в дискуссии о роли сообществ в реабилитационных процессах становится следующий: что произойдёт с человеком, который, находясь на пути отказа от радикальных убеждений, вновь окажется в сообществе, где произошла его радикализация (и, с высокой долей вероятности, сохранилась значительная доля факторов, на неё повлиявших)? Очевидно, что для успешного завершения процесса реабилитации и окончательного отказа от идеологии насильственного экстремизма требуются системные

меры по повышению устойчивости принимающих сообществ. Для этого на уровне сообществ необходимо проводить исследования уязвимости, в дальнейшем формируя открытые пространства для социального взаимодействия и привлекая лидеров сообщества, институты общественного диалога и СМИ для того, чтобы обобществить потребность в программах реабилитации и реинтеграции и минимизировать риски [11, с. 19].

Политика, ориентированная на сообщества

Главная задача при вовлечении сообществ в профилактике насильственного экстремизма состоит в выстраивании доверия между членами сообщества и государственными институтами, на долгосрочной основе. При условии, что интересам сообщества при реализации политики выделяется центральное место, это снижает уровень секьюритизированности проблемы, позволяя лидерам сообществ чувствовать себя участниками соответствующих процессов.

Методы по привлечению сообществ к П/ПНЭ, реализуемые как государством, так и другими акторами (международными, неправительственными организациями), условно можно разделить на две группы: одни нацелены на выстраивание социальной сплочённости (social cohesion), другие же – на повышение устойчивости к насильственному экстремизму (resilience-building).

В первом случае подразумевается, что сообщество развивается в пяти измерениях: принадлежность (общие ценности, коллективная идентичность, принадлежность к сообществу); инклюзивность (равные возможности и доступ к рынку труда и другим ключевым учреждениям), участие (гражданское/политическое); признание (принятие и признание разнообразия); легитимность (институтов, которые занимаются медиацией конфликтов в плюралистическом обществе) [12, с.5]. Применительно к практике профилактики насильственного экстремизма, а также реабилитации и реинтеграции бывших экстремистов, здесь подразумевается развитие таких качеств как признание и уважение разнообразия, чувство принадлежности к сообществу, общие взгляды и ценности, включая культурные и политические.

В то же время существует мнение, что подходом, связанным с развитием социальной сплочённости, в рамках профилактических мер по профилактике насильственного экстремизма не следует злоупотреблять. Так, Скончлис в исследовании результатов реализации программы Prevent в Великобритании отмечает, что данная стратегия «стирает границы между предупреждением преступности и социальной политикой, создавая двусмысленность среди национальных и местных специалистов». Согласно его позиции, это снижает ценность в их глазах политики в области образования, предоставления рабочих мест или социальных благ в сообще-

стве, если она напрямую не связана с профилактикой насильственного экстремизма [13]. Кроме того, подобный подход закрепляет в общественном сознании и восприятии местных властей статус «уязвимых» за группами, которые были отнесены к таковым в рамках политики П/ПНЭ, определённым образом стигматизируя их.

Во втором случае имеется в виду «способность сообщества отказаться от идей насильственного экстремизма и наличие эффективных механизмов для предотвращения, выявления и воспрепятствования экстремистской деятельности, а также для содействия в отказе от идей насильственного экстремизма тем, кто его уже поддерживает или участвует в нём» [14, с. 53]. В устойчивом сообществе выстроены механизмы для обсуждения возникающих проблем и конфликтов, устранения факторов, ведущих к радикализации, а также определены меры для реагирования на чрезвычайные и кризисные ситуации, вплоть до восстановления после террористических атак - в литературе это описывается также как «цивилизация безопасности» [15].

Практика П/ПНЭ демонстрирует: для успешной реализации политики необходимо, в том числе, определить реальных (а не только формальных) лидеров сообщества и наладить сотрудничество с ними; глубоко понимать местный контекст, обеспечивая инклюзию всех входящих в сообщество групп; вовлекать женщин и молодёжь в качестве агентов изменений; выстраивать персональные связи и доверие к инициативам через назначение отдельных сотрудников, что также облегчит сбор и анализ информации. Лидеры и рядовые члены сообществ также могут играть роль проводника контрнарративов, которые планируется продвигать в рамках политики – таким образом к ним будет больше доверия, чем к «спущенным сверху». Наконец, важно осознать, что работа с сообществами должна иметь долгосрочный характер, формировать устойчивые связи; при разработке политики критически важно также включить инструменты мониторинга и оценки изменений [16].

Для обеспечения устойчивости сообществ к насильственному экстремизму, согласно рекомендациям, полученным по итогам исследования сообществ в Австралии, предлагаются, в числе прочих, следующие меры:

- использование существующих ценностей общества и социальных структур;
- укрепление диалога по деликатным вопросам в культурно приемлемом и значимом ключе;
- привлечение семей, женщин и молодёжи, а также лидеров и старейшин мужского пола;
- снижение толерантности сообщества к насилию среди молодёжи;
- укрепление доверия и связей сообщества с властями, при сохранении культурной целостности [17, с. 128].

Кроме того, существенный потенциал существует у защитных факторов, связанных с культурными особенностями сообщества: это могут быть принятые в сообществе способы разрешения конфликтов и медиации, мобилизация ключевых ценностей и ограничений.

Выводы для Казахстана

В Казахстане, который на данный момент проходит середину второго цикла программирования П/ПНЭ на государственном уровне (в стране реализуется вторая Государственная программа по противодействию религиозному экстремизму и терроризму, сроком на 2018-2022 гг.), существует практика помощи сообществам:

- В рамках первого цикла П/ПНЭ (2013-2017 гг.) один из фокусов Госпрограммы был сделан на обеспечение населённых пунктов инфраструктурой для «надлежащего культурного, духовно-нравственного, патриотического, физического развития и воспитания детей и молодёжи» [18];
- Международные организации, работающие в РК, в сотрудничестве с государственными органами реализуют проекты, направленные на обеспечение безопасности сообществ относительно угрозы насильственного экстремизма. Примером может служить проект Программы развития ООН «Укрепление устойчивости местных сообществ и регионального сотрудничества в целях предотвращения насильственного экстремизма, ведущего к терроризму, в Центральной Азии», в рамках которого, в частности, проводятся мероприятия по развитию лидерских качеств, профессиональному обучению и трудоустройству представителей уязвимой молодёжи в нескольких регионах Казахстана, а также повышению их доступа к качественным социальным и экономическим услугам [19].

В нынешнем, втором цикле П/ПНЭ (2018-2022) также созданы предпосылки для вовлечения сообществ в профилактические и реабилитационные мероприятия, так как текущая Госпрограмма направлена в том числе на «формирование иммунитета к радикальной идеологии и нулевой терпимости к радикальным проявлениям» [20], однако потенциал сообщества не был реализован в должной мере.

Профилактические мероприятия, целевой аудиторией которых являются уязвимые сообщества (согласно Госпрограмме – «религиозные группы»), направлены «сверху вниз». Информационно-разъяснительная и контрпропагандистская работа, которой соответствующие сообщества должны быть охвачены, не предполагает инструментов обратной связи, участия представителей конкретного сообщества в повышении его устойчивости к радикальной идеологии. Таким образом, сохраняются риски стигматизации сообществ, неравного охвата соответствующими мероприя-

тиями. Кроме того, не реализуются в должной мере возможности сообществ по саморегуляции, формированию контрнарративов и альтернативной повестки – и в целом по участию в политических процессах.

Ещё один аргумент в пользу большего вовлечения сообществ в ПНЭ и поощрения «низовых» инициатив в сравнении с текущей политикой – необходимость преодоления угрозы маргинализации уязвимых сообществ, роста недоверия к государственным институтам. Об этом в контексте казахстанской политики, в частности, говорит Специальный докладчик ООН по правам человека Финнуала Ни Илойн [21]. Это подтверждается и исследованиями общественного мнения: к примеру, согласно опросу Center for Strategic Initiatives, доверие к полиции в Казахстане на 2019 год ниже 50%, а в регионах (на примере Карагандинской области) – лишь 20% [22].

Актуален для РК и международный опыт участия сообществ в процессах реабилитации и реинтеграции. Казахстан стал одним из первых государств, целенаправленно возвративших своих граждан из зон боевых действий в Сирии и Ираке, проведя для этого 5 спецопераций в течение 2019 года, в рамках которых на родину вернулось в общей сложности 595 человек [23]. Притом, что подход страны к реабилитации и реинтеграции «возвращенцев» получил поддержку и одобрение мирового сообщества, необходимо заметить, что предпринимаемые усилия всё же носят индивидуальный характер. В процесс реинтеграции включены сами «возвращенцы», которых специалисты (преимущественно психологи и религиоведы) «готовили» к возвращению в казахстанское общество, реже – члены их семей. Однако на системной основе не проводилась работа с принимающими сообществами, что создаёт определённые риски для запущенного процесса реинтеграции и может повернуть его вспять, в иных случаях (если сообщество откажется их принимать и будет способствовать их маргинализации) – даже провоцируя повторную радикализацию.

Очевидно, что механизмы вовлечения местных сообществ в сотрудничество по профилактике насильственного экстремизма, а также реабилитации и реинтеграции требуют тонкой настройки и, в некоторой степени, пересмотра подходов к деятельности институтов власти в области П/ПНЭ. Сообщества имеют большой потенциал для того, чтобы быть не только реципиентами политики, но и её соавторами, союзниками государства в её реализации – это взаимовыгодная система отношений, которая на сегодняшний день остаётся недооценённой.

Список литературы:

1. Daase Ch. 'National, Societal', and 'Human Security': On the Transformation of Political Language // *Historical Social Research*. 2020. Vol. 35, № 4 (134). P. 22–37.
2. Stern J. Mind Over Martyr // *Foreign Affairs*. 2010. № 89. [Electronic resource]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/saudi-arabia/2009-12-21/mind-over-martyr> (дата обращения: 01.04.2020).

3. Human Security Collective. Community-Based Preventive and Remedial Measures to Prevent Violent Extremism: A Human Security Approach to Help Transform Conflicts, Improve Social Cohesion and Improve Local Security. // *International Annals of Criminology*. 2018. Vol. 56. №1-2. P. 198–219. - Cambridge University Press.
4. Journey to Extremism in Africa: Drivers, Incentives and the Tipping Point for Recruitment [Electronic resource]: report of the UN Development Programme (2017) // United Nations. URL: <https://www.refworld.org/docid/59d1ed554.html> (дата обращения: 4 мая 2020).
5. Romaniuk P. Does CVE Work? Lessons Learned from the Global effort to Counter Violent extremism. [Electronic resource] (2015) // Global Center on Cooperative security. URL: https://www.globalcenter.org/wp-content/uploads/2015/09/Does-CVE-Work_2015.pdf (дата обращения: 4 мая 2020).
6. Silverman T. U.K. Foreign Fighters to Syria and Iraq: The Need for a Real Community Engagement Approach // *Studies in Conflict and Terrorism*. 2016. Vol. 40. № 12. P. 1091-1107.
7. Briggs R. Community engagement for counterterrorism: Lessons from the United Kingdom. // *International Affairs* (Royal Institute of International Affairs 1944-). 2010. № 86(4). P. 971-981.
8. Preventing terrorism and countering violent extremism and radicalization that lead to terrorism: a community-policing approach [Electronic resource]. OSCE ODIHR: [website]. – URL: <https://www.osce.org/secretariat/111438?download=true> (дата обращения: 1 мая 2020).
9. Zeiger S. Disengagement and De-radicalization // *Hedayah: CVE Research Brief 1* (2014). – URL: https://capve.org/components/com_jshopping/files/demo_products/File-23201693446.pdf (дата обращения: 1 мая 2020).
10. Niconchuk M. Towards a Meaningful Integration of Brain Science Research in P/CVE Programming. // *Contemporary P/CVE Research and Practice* / Ed. Lilah El Sayed and Jamal Barnes. Joondaloo, Australia: Hedayah and Edith Cowan University, 2017.
11. Bosley Ch. Injecting Humanity: Community-Focused Responses for People Exiting Violent Extremist Conflict. [Electronic resource] 2019. // US Institute of Peace. URL: <https://www.jstor.org/stable/resrep20231> (дата обращения: 4 мая 2020).
12. Jenson J. Mapping Social Cohesion: The State of Canadian Research. // Working Paper No. F/03. - Ottawa: Canada Policy Research Networks, 1998. – 50 p.
13. Skoczylis J. The Local Prevention of Terrorism: Strategy and Practice in the Fight Against Terrorism // Hampshire and New York: Palgrave Macmillan, 2015. – 235 p.
14. Противодействие насильственному экстремизму: Вводное руководство по концепциям, разработке программ и передовой практике. Адаптировано для Центрально-Азиатского региона // Поиск общих интересов: Бишкек, 2019 – 203 p.
15. Sliwinski KF. Counter-terrorism – a comprehensive approach. Social mobilisation and 'civilianisation' of security: the case of the United Kingdom // *European Security*. 2013. № 22. P. 288-306.
16. Good Practices on Community Engagement and Community-Oriented Policing as Tools to Counter Violent Extremism. [Electronic resource] 2013. // Global Counterterrorism Forum. URL: https://www.thegctf.org/documents/10162/159885/13Aug09_EN_Good+Practices+on+Community+Engagement+and+Community-Oriented+Policing.pdf (дата обращения: 1 мая 2020).
17. Grossman M., Tahiri H. and Stephenson P. Harnessing resilience capital: an investigation of resilience and cultural diversity in countering violent extremism. Canberra: Australia-New Zealand Counterterrorism Committee, 2014.
18. О Государственной программе по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в Республике Казахстан на 2013 – 2017 годы [Электронный ресурс]: Указ Президента Республики Казахстан от 24 сентября 2013 года № 648. Режим доступа: http://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-gosudarstvennoy-programme-po-protivodeistviyu-religioznomu-ekstremizmu-i-terrorizmu-v-respublike-kazakhstan-na-2013-2017-gody (дата обращения: 1 мая 2020).
19. Насильственный экстремизм в эпоху цифровых технологий: тенденции в регионе, руководящие принципы и инновационные подходы реагирования // Программа Развития Организации Объединенных Наций в Казахстане [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kz.undp.org/content/kazakhstan/ru/home/presscenter/announcements/20191/december/emerging-trends-in-violent-extremism-and-preventive-responses.html> (дата обращения: 1 мая 2020).

20. Об утверждении Государственной программы по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в Республике Казахстан на 2018 – 2022 годы (с изменениями от 13.12.2019 г.) [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Республики Казахстан от 15 марта 2018 года № 124. Режим доступа: // https://capve.org/components/com_jshopping/files/demo_products/gos-kz2018-2022.pdf (дата обращения: 1 мая 2020).
21. Похвалив Казахстан, эксперт ООН призвала не допускать нарушений прав человека в ходе борьбы с терроризмом. Организация Объединённых наций [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://news.un.org/ru/story/2020/03/1373751> (дата обращения: 4 мая 2020).
22. Уровень доверия народа к полиции в мире. // Новый вестник [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://nv.kz/2019/06/05/232428/> (дата обращения: 4 мая 2020).
23. Об операциях «Жусан» и «Русафа» рассказали в Европарламенте. Хабар 24 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://24.kz/ru/news/policy/item/372272-ob-operatsiyakh-zhusan-i-rusafa-rasskazali-v-evroparlamente> (дата обращения: 4 мая 2020).

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРИВАТИЗАЦИИ В ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН И РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Карминахон Шукурова

Юрист Государственного комитета по инвестициям и управлению государственным имуществом Республики Таджикистан, аспирант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Аннотация. Приватизация государственной собственности является процессом, присущим переходной экономике. Приватизация государственных предприятий способствует вливанию частных инвестиций в экономику страны. В Российской Федерации, Республике Казахстан и Республике Таджикистан процесс приватизации начался еще до распада СССР. Для успешного проведения приватизации все процедуры должны быть простыми и прозрачными. Отсутствие этих качественных характеристик приводит к нарушениям и злоупотреблениям законом, что в конечном итоге ослабляет законодательную поддержку всего процесса приватизации. Все сказанное предопределяет необходимость анализа правовой регламентации приватизации в нормативных правовых актах Российской Федерации, Республики Казахстан и Республики Таджикистан с целью выявления особенностей данного процесса, а также содействует выявлению проблем, возникающих в процессе приватизации и способствует поиску направлений их устранения.

Ключевые слова: государственная собственность, приватизация, правовое регулирование приватизации, собственность, право собственности, публичная собственность,

**РЕСЕЙ ФЕДЕРАЦИЯСЫНЫҢ, ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ
ЖӘНЕ ТӘЖІКСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ ЗАҢДАРЫНДАҒЫ
ЖЕКЕШЕЛЕНДІРУДІ ҚҰҚЫҚТЫҚ РЕТТЕУ**

Карминахон Шукурова

Аңдатпа. Мемлекеттік мүлікті жекешелендіру – өтпелі кезең экономикасына тән процесс. Мемлекеттік кәсіпорындарды жекешелендіру жеке инвестициялардың мемлекет экономикасына құйылуына ықпал етеді. Ресей Федерациясында, Қазақстан Республикасында және Тәжікстан Республикасында жекешелендіру процесі КСРО тарағанға дейін басталды. Жекешелендіруді сәтті іске асыру үшін барлық рәсім қарапайым әрі ашық болуы шарт. Мұндай сапалық сипаттамалардың болмауы заңның бұзылуына және оны теріс мақсатта пайдалануға әкеліп соқтырады, нәтижесінде жекешелендірудің барлық процесін заңнамалық қолдау әлсірейді. Осы аталғандар Ресей Федерациясының, Қазақстан Республикасының және Тәжікстан Республикасының нормативтік-құқықтық актілеріндегі жекешелендіруді құқықтық регламенттеуге талдау жасау қажеттігін айқындайды. Талдау бұл процестің ерекшеліктерін анықтауды мақсат етеді, сондай-ақ, жекешелендіру процесінде туындайтын мәселелерді анықтайды, кемшіліктерді жою бағытындағы ізденістерге ықпал етеді.

Түйінді сөздер: мемлекеттік мүлік, жекешелендіру, жекешелендіруді құқықтық реттеу, меншік, меншік құқығы, жария меншік

LEGAL BASES OF PRIVATIZATION AND ITS REGULATIONS IN THE LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION, THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN AND THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Karminahon Shukurova

Abstract. Privatization of state property is a process inherent in a transition economy. Privatization of state enterprises mediates the infusion of private investment in the country's economy. In the Russian Federation, the Republic of Kazakhstan and the Republic of Tajikistan, the privatization process began even before the collapse of the USSR. For the successful implementation of privatization, all procedures must be simple and transparent. The absence of these qualitative characteristics leads to violations and abuses of law, which ultimately weakens the legislative support for the entire privatization process. Specified determines the necessity of a comparative analysis of legal regulation of privatization in the regulatory legal acts of the Russian Federation, the Republic of Kazakhstan and the Republic of Tajikistan with the aim to reveal the peculiarities of privatization process in the above-mentioned countries, the problems encountered in the privatization process and the search directions of their solution.

Keywords: state property, privatization, legal regulation of privatization, property, property right, public property

The comparative method of scientific analysis is the main one in the study of the regulation of certain relations by various legal systems. One of the founders of comparative studies in Russian law wrote: “Every law is more perfect or imperfect, the closer it comes to justice or departs from it ... But for many

reasons, it happens that in no state all decisions of laws agree exactly with the rules, which the natural meaning of justice would prescribe” (Artemyev A.A. A short outline of Roman and Russian rights with an indication of both is evenly distributed, as well as the order of the history of these. M.: At the Imperial University, 1777.P. 5.) . A comparative approach to the study of legal phenomena and is currently very relevant (Chernyavsky A.G. Fundamental foundations of law: Comparative law in jurisprudence. M.: Justice, 2019.).

Privatization of state property in both the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan and the Republic of Tajikistan is a means of economic policy that has an impact on social institutions, the economic structure and prospects of economic development, regardless of their scale. The goals of privatization can be different, and they are determined by the state of the economic system in general and legal approaches to the concept and content of property rights, in particular. Consideration of the theoretical foundations of ownership and ownership is beyond the scope of this paper; note the interest of the doctrine in this issue [25].

The problem of privatization goals largely determines the direction of legal regulation of privatization processes. The goals of the doctrine are filling the budget of public law education, improving public finances preserving jobs or the nature of production, the way to manage property belonging to public law education, creating conditions for the development of the innovation process, increasing economic efficiency as property that has left public property, and so remained in it.

Other goals are pursued by the privatization of such a special facility as a dwelling. Of course, “privatization of housing in the post-Soviet space is a special, unique tool of economic policy. It differs significantly from privatization in the traditional sense, since it does not pursue the classic goals of privatization - increasing the efficiency of public sector management of the economy, providing additional sources of public revenue.” (Kozyrin A.N. Legislation on the privatization of residential premises in the Republic of Belarus and the Russian Federation // Public Law Research. 2015. No. 4. P. 2.)

Historically, privatization can take place in two main versions, which determine the consequences, the final efficiency and the extent of its implementation. The first option is privatization in the capitalist economic system. In the doctrine, the process of transferring state (municipal) property to private hands is called denationalization, the reverse process is called nationalization or municipalization (Sukharev O.S. Institutional theory of privatization-nationalization of assets // JOURNAL OF INSTITUTIONAL STUDIES (Journal of Institutional Research). 2015. Vol. 7. No. 1. P. 59–78.)

As a rule, the main goals of privatization according to the first option are the need to revitalize the private sector, stimulate competition to solve budgetary problems, respond to a crisis or stagnation in certain sectors of the economy

with a high share of state ownership, reduce public sector spending, reduce losses in the general government, solving problems of structural changes in management in the economy, developing individual strategic sectors, stimulating an investment act wills.

The second embodiment of the privatization process is privatization, carried out in the economic system, at a certain point in time undergoing transformation, for example, in the transition from centralized management concentrated in the hands of the state to a market economy. In this case, the main reason for privatization was the need to create a private sector and private owner (Sukharev O.S. Institutional theory of privatization-nationalization of assets // JOURNAL OF INSTITUTIONAL STUDIES (Journal of Institutional Research). 2015. Vol. 7. No. 1. P. 59–78.).

In the countries under consideration, the privatization process is developing according to the second option. To ensure effective legal support for this process, various regulatory acts have been adopted aimed at its proper regulation. It is important to note that the legislation in these states for a long period was characterized by its instability, including due to the confrontation of various political forces, as well as utilitarian needs.

According to Professor V.P. Mozolin, whom it is impossible to disagree with, within the framework of a “systematic transformation of economic and legal relations in the transition from socialist to capitalist forms of ownership based on private ownership of the means of production and commodities, failed to avoid mistakes, especially in the field of privatization, when the transition is most valuable means of production in private hands, primarily natural resources, occurred essentially for nothing with a clear violation of the economic conditions operating in a capitalist society laws “.

Since privatization is a continuous process, in order to prevent the recurrence of errors, it becomes necessary to analyze the formation of a system of legal regulation of privatization, which will allow us to consider the essence of the phenomenon under study in the dynamics of its historical development, to properly identify legal problems that currently exist and identify trends in overcoming them in the Russian Federation, the Republic of Kazakhstan and the Republic of Tajikistan.

An analysis of regulatory sources suggests that the development of privatization in the Russian Federation is similar to the Republic of Kazakhstan, but significantly different from the development of a similar process in the Republic of Tajikistan, which is due to the different conditions of the economic systems of these countries at the beginning of the privatization process. That is why the results of privatization and the current regulatory and legal models of privatization in the Russian Federation, the Republic of Kazakhstan and the Republic of Tajikistan need research to differentiate various aspects of the ongoing privatization process.

The first significant difference between privatization in the countries under consideration can be called temporal: the process of its development proceeded at different time periods, at different rates.

The foundations of the modern legal model of privatization in Russia began to take shape in the second half of the 80s of the last century, and in doctrinal sources they received the characteristic of “creeping privatization”, “free privatization”, “voucher” and “nomenclature-bureaucratic privatization”.

The legal basis for this stage of privatization was the Decree of the President of the Russian Federation of August 14, 1992 No. 914 “On the implementation of the system of privatization checks in the Russian Federation”. In the indicated period of time, privatization processes in Russia have already begun to take shape de facto, as noted by scientists (Public finance and financial law: Sat. scientific Proceedings on the 10th anniversary of the Department of Financial Law of the Higher School of Economics / R.E. Artyukhin, Yu.V. Ginzburg, Yu.V. Ginzburg et al. ; under the editorship of A.N. Kozyrin. M.: HSE, 2012.674 p.).

Law of the RSFSR of July 3, 1991 No. 1531-1 “On the Privatization of State and Municipal Enterprises in the RSFSR” secured the legal definition of privatization and its purpose. Along with this document, the legal regulation of privatization was established by the provisions of the Law of the RSFSR of December 24, 1990 No. 443-1 “On Property”, Law of the RSFSR of December 25, 1990 No. 445-1 “On Enterprises and Entrepreneurship”, Decisions of December 27, 1991 No. 3020-1 “On the delimitation of state property in the Russian Federation into federal property, state property of the republics as part of the Russian Federation, territories, regions, autonomous regions, autonomous okrugs, cities of Moscow and St. Petersburg and municipal property “.

It can be concluded that the peculiarity of the legislation on privatization of the first wave was the manifestation of the priority of such a goal of privatization as ensuring the denationalization of the country's economy, that is, the transfer of state assets to private hands. In general, there was a combination of private and public goals.

In order to speed up the privatization processes and improve their legal regulation, as well as to ensure compliance of the privatization legislation with the new civil law standards that enshrined the foundations of the procedure for acquiring and terminating property rights, the Federal Law of December 21, 2001 was adopted in the Russian Federation. No. 178-ФЗ “On the privatization of state and municipal property” (hereinafter - the Law on Privatization in the Russian Federation) in which not only a new legislative definition of privatization appeared, fully revealing the essence of this process, but also new goals of privatization were enshrined - carrying out structural reforms, reducing the budget deficit, and searching for optimal forms of public property management. Also during this period of time, a number of laws and other regulatory legal acts of the constituent entities of the Russian Federation were issued, adopted in

pursuance of the norms of federal legislation on privatization and establishing the procedure and conditions for the privatization of property belonging to a constituent entity of the Russian Federation.

An example is the Law of the Republic of Dagestan dated November 9, 2004 No. 29 "On the Privatization of State Property of the Republic of Dagestan", Decision of the Kazan City Duma of March 10, 2010 No. 7-48 "On the Procedure for the Privatization of Kazan Municipal Property", Decree of the Government of the Republic of Karelia dated March 3, 2003 No. 17-P "On Approval of the Rules for the Development of a Program for the Privatization of State Property of the Republic of Karelia".

The foregoing allows us to identify yet another problem of the legal regulation of privatization, which can be expressed by the question: who is in charge of the privatization legislation in the Russian Federation - the exclusive federal or joint jurisdiction of the Russian Federation and its subjects?

According to the norm of paragraph "o" Art. 71 of the Constitution of the Russian Federation, civil law is assigned to the exclusive jurisdiction of the Russian Federation, and administrative law is referred to as joint jurisdiction, which scientists pay attention to (Simonyan G.R. The national importance of issues of exclusive jurisdiction of the Russian Federation // Constitutional and municipal law. 2007. No. 21.). Consequently, the answer to the question of the legitimacy of privatization legislation emanating from the subjects of the Federation will depend on the qualification of privatization relations as private or public.

There is no single position in the doctrine; we outline the main approaches:

- privatization relations are civil law, as they mediate the transfer of property from the ownership of some entities to the ownership of others;
- privatization relations are essentially administrative and legal, since they are based on the imperious will of public law education;
- privatization relations combine elements of public and private regulation.

The latter position seems most acceptable; it should be noted the following. The emergence of privatization relations does not depend on the will of the parties, but on the authoritative decision of the property owner. It follows from this that the initial nature of the relationship is public. But in their further development, private elements are manifested: when, for example, we are talking about agreeing on the conditions for the transfer of property, concluding agreements mediating this transfer, etc.

It follows from what has been said that the legislative acts of the constituent entities of the Federation regulating privatization relations are legitimate if they relate to the public basis of privatization, and are doubtful from a legal point of view if they regulate contractual and other private relations. This conclusion requires special attention on a practical plane when analyzing the content of the laws of the constituent entities of the Federation regulating privatization relations.

It is noteworthy that certain norms on privatization are contained in the Land Code of the Russian Federation (regarding privatization of land for various purposes).

Summing up the intermediate result, we note that privatization, which originated in the economic policy of the Russian Federation more than a quarter of a century ago and was originally focused on one single goal - the denationalization of the economy, has now acquired a certain legal regulation and has become a powerful incentive for structural reforms in the sphere of property.

Turning to the legal regulation of privatization in the Republic of Kazakhstan, it should be noted that by the time of adoption of the constitutional Law of the Republic of Kazakhstan "On state independence of the Republic of Kazakhstan" in the republic from the end of 1990 to the middle of 1991, a primary legal and institutional framework was already formed, which made it possible to quickly organize and launch privatization processes in a country that became independent.

In particular, the Law of the Republic of Kazakhstan "On Property in the Republic of Kazakhstan", who prepared the legal basis for the functioning of a market economy in Kazakhstan. Of no small importance was the further formation of the regulatory framework, namely, legislation that defines the principles for the functioning of business entities: Decree of the President of the Republic of Kazakhstan, having the force of the law "On Business Partnerships". For harmonization and determination of the principles of relations between business entities, it was previously reflected in the Civil Code of the Republic of Kazakhstan; as well as in the Law of the Republic of Kazakhstan "On Bankruptcy".

Due to the undeveloped regulatory regulation of foreign capital, a decision was made, and subsequently, the Law of the Republic of Kazakhstan "On Foreign Investments", which led to the need for legislative consolidation of regulation of the securities market, which was reflected in the Law of the Republic of Kazakhstan "On the securities market".

Thus, taking the period described above as the starting point, we consider it possible to single out the following stages in the field of improving, optimizing, diversifying and increasing the efficiency of the system of state assets for the existence of sovereign Kazakhstan:

- the first stage (1991–1999) is generally characterized by large-scale processes of privatization and privatization;
- the second stage (2000-2005) - the period of the formation of new and improvement of existing approaches in the management of state assets, including the emergence of new forms of state property as national companies and development institutions;
- the third stage (2006-2008) - the period of systematization and streamlining in the activities of state-owned objects, including the introduction of the principles of holding management of strategic assets of the country;

- the fourth stage (2008–2010) - the unification of the country's most important state assets in a single managing center for the implementation of the government anti-crisis program;

- the fifth stage (2011) - the modernization of the state assets management system in the context of the implementation of post-crisis development measures.

In the framework of this article, the initial (first and second) stages will be considered, which, in essence, laid the foundation and determined the development of the modern format of the state asset management system in the Republic of Kazakhstan.

The first steps towards privatization were taken on the basis of the Decree of the President of the Republic of Kazakhstan “On the National Program of Denationalization and Privatization”. In the same year, the Law of the Republic of Kazakhstan “On Denationalization and Privatization” was adopted. This law created the institutional framework for privatization.

Responsibility for the privatization in Kazakhstan was assigned to the State Committee of the Republic of Kazakhstan on State Property (State Property Committee).

The Law on Denationalization and Privatization also introduced three methods of privatization: transfer of ownership to labor collectives, auction, and tender. At that time, preference was given to privatization in favor of labor collectives. Labor groups or any other groups of employees of this enterprise could at any time submit to the State Property Committee a plan for privatizing the enterprise (this method was very similar to the Russian one). Only if the company's employees did not express interest in privatizing it, the State Property Committee sent it to an auction or tender.

In the second quarter of 1992, a legal framework was created for corporatizing medium and large enterprises. Given the widespread problems with corporate governance in large enterprises transferred to labor collectives, lawmakers made sure that henceforth in large enterprises most of the shares were not in the hands of their workers. After corporatization, employees of the enterprise could claim no more than 25% of the shares. The remaining shares were intended for various categories of external investors: allies, foreign investors, as well as for distribution among the population and keeping a certain part of the shares in the hands of the state.

Summing up, it can be stated that during the first stage of privatization, 35.4% of objects, mainly small enterprises, were transferred to private ownership. This stage affected medium-sized enterprises only partially and bypassed large enterprises. In addition, at the first stage of privatization, labor collectives and countless nomenclature groups most often benefited. Both that and another did not contribute to the creation of an effective control system on the part of the owners, which would ensure the development of these enterprises in the long term.

A little later, the government of the Republic of Kazakhstan adopted the second privatization program (“National program of privatization and privatization in the Republic of Kazakhstan for 1993-1995 (stage II)”), which identified the main goals of privatization for the period 1993-1995. The program provided for four main directions of privatization: 1) small privatization, 2) mass privatization, 3) privatization under individual projects, 4) privatization of agriculture. Small privatization was supposed to cover enterprises employing up to 200 people. Privatization of individual projects concerned very large enterprises with over 5 thousand employees. In turn, it was decided by mass privatization to cover enterprises that employed from 200 to 5,000 people. Privatization of agriculture concentrated on state farms.

The end of the second stage of privatization gives us the opportunity to make a certain comparative statistical analysis. At the first stage, state property worth almost 2 billion (1.918.9 million) tenge was privatized, which amounted to approximately one quarter (25.2%) of all registered state property. At the second stage, property worth 2.573.7 million tenge was privatized, i.e. another third (33.8%) (https://case-research.eu/upload/publikacija_plik/4886209_085r.pdf Date of access: 20.04 2020).

An analysis of the depth of privatization processes can be carried out on the basis of either the number of privatized firms or the value of privatized property (value of shares sold or otherwise distributed). Statistical data on the number of privatized firms show relatively large successes of small privatization compared to other areas: 61% of small objects went into private hands.

The situation with the privatization of medium and large enterprises looks different. It should be borne in mind that, in accordance with Kazakhstan legislation, private firms are those in which at least 80% of the shares (shares) are held in private hands. In accordance with this definition, 28% of medium-sized enterprises were privatized in Kazakhstan, and another 50.7% were partially privatized (from 11% to 79% of shares are in private hands).

The worst situation is with the privatization of large enterprises. Only 5 of them were sold (3.5%), and another 28% were given in trust to foreign and domestic management groups. Cost data is available only for medium and large enterprises. 61.4% of the property of medium-sized enterprises and 17.4% of large enterprises passed into private hands. Management contracts covered another 24.1% of large enterprises.

So, we can assume that as a result of two stages of privatization, 59% of state property was transferred to private hands. Thus, at the third stage, 41% of the property to be privatized is to be privatized. Available at the end of 1995, evidence suggests that shares transferred to private hands can be divided into three groups. 20% of the shares were sold at tenders organized by the State Property Committee. About 40% of firms were covered by this sales method. The second group of shares is 19.7%, transferred to employees of privatized

enterprises. The third group of shares (19.3%) was distributed as part of mass privatization, covering about 37% of enterprises. All three groups together account for 59% of the total number of shares.

The first and second stages of privatization differ from each other in the type of privatized enterprises. At the second stage, the State Property Committee shifted its focus from the privatization of small enterprises to the privatization of medium and large enterprises, from the services sector to transport, industry, construction and agribusiness.

Now we focus on the legal regulation of privatization in the Republic of Tajikistan. As you know, on September 9, 1991, at the session of Shuroi Oli of the Republic of Tajikistan (Supreme Council of the Republic of Tajikistan), the Resolution and Statement “On State Independence of the Republic of Tajikistan” was adopted - this day is a public holiday.

Moreover, in the Republic of Tajikistan, the process of privatization of state property began even before independence. The Law of the Tajik SSR of February 21, 1991 No. 262 of the Year “On the Denationalization and Privatization of State Property of the Republic of Tajikistan” laid the foundation for the implementation of economic reforms in the field of property. Subsequently, a number of legal acts were adopted that brought the process under consideration to a new level. This is primarily the Law of the Republic of Tajikistan dated May 16, 1997 No. 464 “On the privatization of state property in the Republic of Tajikistan”, secured the legal definition of the concept of privatization, its direction, principles and composition of objects subject to privatization. The Law of the Republic of Tajikistan of November 4, 1995 No. 114 “On the privatization of the housing stock of the Republic of Tajikistan” was also adopted, has established the basic principles of privatization of state housing stock in the Republic, legal, social and economic foundations of privatization of housing.

These laws laid the foundation for the creation of various forms of ownership in Tajikistan, serving as the foundation for the transition to a market economy.

The privatization of state property in the Republic of Tajikistan took place in two stages, each of which is characterized by the presence of specific goals and objectives. The first stage was focused on small-scale privatization, which included the privatization of trading enterprises, public catering facilities, public services and transport.

Currently, as part of the second stage, privatization and restructuring of medium and large industrial, transport, communication and construction enterprises are underway. This process occurs primarily through the transformation of state-owned enterprises into joint-stock companies, the subsequent sale of shares at auctions. In this context, it is advisable to focus on the differentiation of privatization processes in the Russian Federation, in the Republic of Kazakhstan in the Republic of Tajikistan.

As noted above, the initial goal of privatization in the Russian Federation was to ensure the denationalization of the country's economy, which is especially important outside the context of the size of enterprises.

In the Republic of Kazakhstan and the Republic of Tajikistan, an approach was used that focused on the partial denationalization of the economy, which is carried out in several stages (starting from small enterprises with a gradual transition to medium and large enterprises). It is difficult to unequivocally answer the question of which of these approaches can be considered more rational. On the one hand, the initial focus on small-scale privatization allows us to assess the qualitative parameter of the privatization process in dynamics, identify the shortcomings of regulatory regulation and outline ways to improve the legal framework of privatization without significant damage to the state.

However, the doctrine notes that already at the stage of small-scale privatization, the main mistake was made - the potential of private owners was overestimated, and the possibilities of state and collective ownership were underestimated, which not only did not allow achieving the goals of privatization, but also led to a destructive recession of the country's economy, which scientists pay attention (Abdusamadov G.S. Transition to the market: socio-economic aspects // Taj. Dep. International Fund econ. and social reform. Dushanbe, 1999.205 p.)

In addition, in many privatized small businesses, an appropriate management system was not created due to the fact that during the privatization process, future owners of enterprises were not guided by the principles of competition, but by the support of government officials, based on clan relations as well. It should be noted that in the Republic of Tajikistan with the introduction of the privatization process, changes have occurred in property relations: many concepts and terms have been introduced into practice that were not familiar to the state's legal system before. These include the concept of "corporatization of state enterprises".

The design of corporatization of state enterprises does not contain anything inherently alien to civil law science and is not an unknowable "thing in itself", if we use the terminology of I. Kant. This design of corporatization is directly related to the concept of an enterprise as a property complex, which is an object of civil legal relations (Vitryansky V.V. The main directions of development of civil legislation on the enterprise as an object of civil rights // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2003. No. 3. P. 155).

The creation of joint stock companies is an interesting private law phenomenon, the result of which is the creation of incentives for a private owner. The ownership, use and disposal of property rights objects carried out by joint-stock companies has become fully recognized by the legal system of the Republic of Tajikistan. However, despite the consolidation of ownership, issues began to arise that were determined by the implementation of the principles of the rule of law, the priority of civil (private) law, the protection of human integrity and

property rights, which created another serious problem in the process of privatization of state enterprises.

The Russian approach to determining the mechanism of privatization was aimed at almost complete denationalization of the economy (with the exception of individual enterprises, for example, which are of strategic importance for the country). The large-scale nature of the privatization phenomena made it possible to quickly identify shortcomings in the legislative framework for privatization and direct measures to eliminate (albeit gradual) these shortcomings, which, unfortunately, were not crowned with complete success.

In order to accelerate the privatization process and attract investment, the Government of the Republic of Tajikistan adopts strategic plans and privatization programs. In particular, the most important Decree of the Government of the Republic of Tajikistan dated November 7, 2003 No. 486 “On the strategic plan for privatizing medium and large enterprises and restructuring of natural monopolies and especially large enterprises for 2003-2013” can be called.

In 2013, Decrees of the Government of the Republic of Tajikistan dated November 7, 2003 and December 5, 2013 No. 557 “On the State Property Privatization Program in the Republic of Tajikistan for 2014-2017” approved the corresponding Privatization Program.

Currently, the Decree of the Government of the Republic of Tajikistan “On the State Property Privatization Program for 2018–2020“ 030.070.000 ”is under consideration. In the process of developing this Program, goals and objectives that were defined in the National Development Strategy of the Republic of Tajikistan for the period up to 2030, Strategies for managing fiscal risks of state enterprises for 2016–2020, Strategies for innovative development of the Republic of Tajikistan for the period up to 2020, Strategies to counteract were taken into account corruption in the Republic of Tajikistan for 2013–2020.

The main objective of these strategic plans and programs at present is to promote the gradual denationalization of medium and large enterprises operating in the Republic of Tajikistan. The government counts on further promoting market reforms, creating the right conditions for the dynamic and effective development of the private sector of the economy, creating modern economic forms and designs, attracting domestic and foreign investments, creating a stock market and efficient use of enterprise assets, reducing the burden on the state budget, creating new jobs and job opportunities.

It is important to note that both the Strategic Privatization Plan and the Privatization Program of the Republic of Tajikistan establish a procedure for privatizing state-owned enterprises in three areas: privatization of medium and large enterprises using English auctions; privatization of medium and large enterprises in the framework of special investment tenders; restructuring at the state level of natural monopolies and large enterprises. So, for example, in order to privatize large enterprises of great economic importance for the country, the sale of such

shares is carried out only at investment tenders, which allows the state not only to control the privatization process, but also to ensure responsibility to the state of recipients of state property.

The process of privatization of state property in the Republic of Tajikistan is quite dynamic. Thus, according to official data, from the beginning of 1991 to the present, 9,691 small enterprises and 1,307 medium and large enterprises have been privatized in the Republic of Tajikistan.

Summarizing the above, we note that privatization, which originated in the economic policy of the Russian Federation more than a quarter of a century ago and was initially oriented toward the privatization of the economy, is currently an incentive and tool for structural reforms in the sphere of property. Regarding the Republic of Kazakhstan, the privatization policy is somewhat similar to specific points in both the Russian Federation and the Republic of Tajikistan. In the Republic of Tajikistan, the privatization policy is somewhat different from the Russian one. The comparative method of research made it possible to identify the strengths and weaknesses of the legal regulation of privatization in the states examined, as well as the reasons for the lack of economic efficiency of its implementation. Both in the Russian Federation, and in the Republic of Kazakhstan, and in the Republic of Tajikistan there are legal problems caused by the desire of the authorities, on the one hand, to carry out the privatization of property, and on the other, to restrain privatization processes in order to retain control in the economic sphere. Moreover, instability and inconsistency of legislation are more characteristic for the Republic of Tajikistan than for the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan. An effective solution to many of the problems existing in the privatization law of the Republic of Tajikistan could be to use the positive experience of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan in the field of regulating the ownership of various entities and privatizing public property.

In addition, this article examined such basic problems as the problem of the impact of privatization focus on its legalization, as well as the problem of answering the question of qualifying privatization relations from the point of view of legal nature as public or private. An assessment of the legitimacy of the privatization legislation of the constituent entities of the Russian Federation depends on the answer to this question.

The solution of these and other problems raised in this article determines the prospects for doctrinal studies of privatization processes in the Russian Federation, the Republic of Kazakhstan and the Republic of Tajikistan.

References:

1. Abdusamadov G.S. Transition to the market: socio-economic aspects // Dushanbe: Taj. Dep. International Fund econ. and social reform, 1999.205 p.
2. Alekseev S.S. Property rights. Theory problems. 3rd ed. M.: Norma: Infra-M, 2010. 240 s.

3. Bibikov A.A. Legal problems of the sale of state property. Ivanovo: ISU, 1992. S. 27–29.
4. Bogdanov E.V. The ratio of private and public in civil law // Russian Justice. 2000. No. 4.
5. Bozorov R.B. Dynamics of the investment legislation of the Republic of Tajikistan // Legal life. 2017. No. 1 (17). S. 113–120.
6. Vasilieva N.V. Public Revenues in the Russian Federation: Financial and Legal Aspects: Monograph / Ed. E.Yu. Grachev. M.: NORMA, 2017. 304 p.
7. Vinnitsky A.V. Public property. M.: Statute, 2013. 732 s.
8. Vitryansky V.V. The main directions of development of civil legislation on the enterprise as an object of civil rights // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2003. No. 3. P. 155.
9. Gayurov Sh.K., Kasymov F.A. Some issues of privatization in civil law // Legal life. Dushanbe: Printing House of TNU, 2018. No. 1 (21).
10. Em V.S. Obligations from contracts for the sale of real estate and enterprises // Civil Law. In 4 t. T. 3. Obligation law / resp. ed. E.A. Sukhanov. 3rd ed., Revised. and add. M., 2008. 498 s.
11. Zaitsev V.V., Murtazakulov D.S., Rybakov V.A., Zaitsev O.V. Ownership of the peasant (farmer) economy: methodological and doctrinal aspects (experience of Russia and Tajikistan). Dushanbe: Er-Count, 2015. S. 15.
12. Ioffe O.S. Selected Works on Civil Law: From the History of Civil Law Thought. Civil relationship. Criticism of the theory of «economic law». M.: Statute, 2000. 777 s.
13. Ismailov Sh.M. Features of state registration of real estate and rights to it in Tajikistan // Entrepreneurial law. 2016. No. 1. P. 72–78.
14. The history of the economy of the USSR and Russia at the end of the XX century (1985–1999) / under the general. ed. A.A. Klishasa. M.: Publishing house of Moscow State University, 2011. 272 p.
15. Kamyshansky V.P. Actual problems of property rights: textbook. allowance. Krasnodar: NOU VPO INEP, 2008. 446 s. S. 350.
16. Kreichman F. Democratization of ownership as the basis of transformation // ECO, 2000. No. 2. P. 108–113.
17. Kurbonalizoda N.Sh. Some problems of the property rights of citizens of Tajikistan // Legal life. 2018. No. 2. P. 192–198.
18. Medvedev V.A. To the question of the nature of the right of a state enterprise to property // The right to property in the conditions of improving socialism. M., 1989. S. 52.
19. The official website of the Embassy of the Republic of Tajikistan in the USA. URL: <http://tajemb.us> (accessed date: 02/01/2020).
20. Piletsky A.E. Theoretical problems of the legal status of the enterprise in the socio-economic system of the state. Samara, 2001. S. 40.
21. Privatization in Russian / ed. A.B. Chubais. M.: Vagrius, 1999. 366 s.
22. Public finance and financial law: Sat. scientific Proceedings on the 10th anniversary of the Department of Financial Law of the Higher School of Economics / R.E. Artyukhin, Yu.V. Ginzburg, Yu.V. Ginzburg et al. ; under the editorship of A.N. Kozyrin. M.: HSE, 2012. 674 s.
23. Radygin A.D. Property reform in Russia: on the way from the past to the future. M., 1994. S. 155.
24. Rakhimov A.M. Problems of increasing the competitiveness of the economy of the Republic of Tajikistan: monograph // KSU. Khujand: Publishing House of Rahim Jalil, 2004. 207 p.
25. Stanekzai Nasrullah, Gayurov Sh.K. Property // Legal life. 2017. No 1. S. 120–129.
26. Sukharev O.S. Institutional theory of privatization-nationalization of assets // JOURNAL OF INSTITUTIONAL STUDIES (Journal of Institutional Research). 2015. Vol. 7. No. 1. P. 59–78.
27. Kant's doctrine of the thing in itself / A.M. Shcherbina; under the editorship of G.I. Chelpanova. Ed. 2nd. M.: URSS: LENAND, 2015. 189 s.
28. Kholmatov RB The role of privatization in the formation of a multistructure ownership structure: dis. ... cand. economy Sciences: 08.00.01. - Dushanbe, 2011. 142 s.

АНАЛИЗ КАЧЕСТВА ИНДЕКСА KASE

Эльвира Рузиева¹, Яна Ералиева²

¹ ассоциированный профессор НОД Финансы и аналитика данных Университета Нархоз, кандидат экономических наук

² ассоциированный профессор НОД Финансы и аналитика данных Университет Нархоз, PhD

Аннотация. Изменения, происходящие на фондовом рынке, служат сигналами для инвесторов на осуществление соответствующих стратегий. Вместе с тем, учитывать и отслеживать каждый фактор, влияющий на фондовый рынок, просто невозможно. Это приводит к необходимости применения определенных индикаторов, движение которых свидетельствует об изменениях на рынке. Одним из таких индикаторов, причем наиболее используемым, является индекс фондового рынка соответствующей страны. В случае отражения индексом реальной ситуации на рынке, адекватного описания происходящих изменений можно говорить о так называемом качестве фондового индекса. Оценить качество можно различными способами. В нашем случае проведен анализ чувствительности к структуре индекса KASE, изменениям доходности акций представительского списка, VaR-анализ и стресс-тестирование на основе гипотетических изменений мирового рынка. На основании проведенного анализа сделан вывод о достаточно низком качестве отечественного фондового индекса KASE.

Ключевые слова: фондовый индекс, качество индекса, VaR-анализ, стресс-тестирование, регрессионный анализ.

KASE ИНДЕКСІНІҢ САПАСЫН ТАЛДАУ

Эльвира Рузиева, Яна Ералиева

Аңдатпа. Қор нарығындағы өзгерістер инвесторларға тиісті стратегияларды жүзеге асыру үшін сигнал болып табылады. Сонымен бірге, қор нарығына әсер ететін барлық факторларды ескеру және бақылау мүмкін емес. Бұл қозғалыс нарықтағы өзгерістерді көрсететін белгілі бір көрсеткіштерді пайдалану қажеттілігіне әкеледі. Ең көп қолданылатын көрсеткіштердің бірі - тиісті елдің қор нарығының индексі. Көп нәрсе қор нарығы индексінің сапасына байланысты. Сапаны әр түрлі жолмен бағалауға болады. Мақалада KASE индексінің сапасы бағаланған. Талдау нәтижелері бойынша KASE ішкі қор индексінің сапасы өте төмен деген қорытындыға келді.

Түйін сөздер: қор индексі, индекс сапасы, VaR талдау, стресс-тест, регрессиялық талдау.

KASE INDEX QUALITY ANALYSIS

Elvira Ruziyeva, Yana Eraliyeva

Abstract. Changes in the stock market are signals for investors to implement appropriate strategies. At the same time, it is simply impossible to take into account and monitor each factor affecting the stock market. This leads to the need to use certain indicators, the movement of which indicates changes in the market. One of the most used indicators is the stock market index of the respective country. If the index reflects the real situation on the market, an adequate description of the changes that are taking place, we can talk about the so-called quality of the stock index. It could be evaluated the quality by various ways. In our case, an analysis of sensitivity to the structure of the KASE index, changes in the profitability of shares of the representative list, VaR analysis and stress testing based on hypothetical changes in the world market was carried out. Based on the analysis, it was concluded that the quality of the KASE domestic stock index is rather low.

Keywords: stock index, index quality, VaR analysis, stress testing, regression analysis.

Введение

В условиях усиливающихся процессов глобализации, наблюдающихся в современной мировой экономике, фондовые индексы выступают одними из важных индикаторов состояния финансовых рынков. Как правило, фондовые индексы в интегральной форме описывают общее поведение на финансовом рынке его участников. Это позволяет применять фондовые индексы в качестве индикаторов глобальных рыночных процессов, а также для оценки текущих ситуаций на отечественном рынке. Учитывая тот факт, что фондовые индексы служат отражателями стратегий, формируемых на финансовом рынке его участниками, возникает необходимость в применении качественных показателей, качественных индексов.

Как известно, фондовые индексы отражают среднее значение курсов акций представительского списка на отдельных фондовых биржах. Поскольку эти компании являются наиболее успешными, стабильными и крупными, то в периоды незначительных колебаний их курсы, как правило, остаются стабильными. Однако, если факторы внешнего окружения оказывают настолько сильное влияние, что даже курсы акций этих компаний подвергаются колебаниям, то это означает, что на рынке действительно наблюдаются серьезные движения и изменения. Именно поэтому фондовые индексы отражают ситуацию на фондовом рынке стран. И именно поэтому следует учитывать качество фондовых индексов.

Качество фондового индекса можно рассматривать как свойство, отражающее пригодность индекса для его применения как индикатора финансового рынка. Как правило, качественный фондовый индекс должен точно

отражать ситуацию на рынке и адекватно описывать основные закономерности происходящих изменений. Кроме того, использование фондового индекса должно давать достаточную степень уверенности в том, что этот индекс не искажен. С этой целью важно осуществить оценку структуры и качественных характеристик фондового индекса Казахстанской фондовой биржи.

Методы исследования

В процессе оценки качества фондового индекса KASE необходимо учитывать связи между всеми структурными компонентами индекса, включая те, которые со статистической точки зрения являются незначимыми. Это связано с тем, что на первый взгляд незначимые со статистической точки зрения корреляционные связи зачастую несут в себе достаточно полезную информацию, присутствие которой может оказать существенное влияние на результаты оценки индекса на глобальном или системном уровне.

Нами представляется логичнее провести полный спектральный статистический анализ структуры и динамики индекса KASE. Рассматриваемый нами период составил 4 года: декабрь 2016 г. - ноябрь 2019 г. Нами были оценены альфа и бета коэффициенты, проведен VaR-анализ, стресстестирование индекса на основе исторических или гипотетических сценариев движения мирового рынка.

Как известно, бета-коэффициент оценивает меру чувствительности отдельного актива индекса к риску всего рынка в целом. Иными словами, в нашем случае он отражает рыночный риск, свойственный акции представительного списка. Бета-коэффициент оценивается следующим образом:

$$\beta_i = \frac{\text{cov}(r_i, r_m)}{D(r_m)}$$

где:

β_i - бета-коэффициент i -ой акции в индексе; r_i - доходность i -ой акции; r_m - доходность индекса; $\text{cov}(r_i, r_m)$ - ковариация случайных величин доходности i -ой акции и индекса; $D(r_m)$ - дисперсия доходности индекса [15].

По сути, коэффициент бета ценной бумаги оценивается за некоторый период времени в прошлом и становится инструментом прогнозирования. Он интерпретируется как мера чувствительности и отражает, насколько при заданных или ожидаемых изменениях доходности индекса KASE изменится ожидаемое значение доходности акции, входящей в расчет данного индекса. При этом, разность доходности конкретной акции (r_i) и доходности безрисковых вложений (r_f) служит косвенным показателем рыночного риска. Если согласно модели CAPM доходность безрисковых активов прямо пропорциональна премии за риск по индексу с коэффициентом пропорциональности β_i , то на практике премии за риск конкретных акций

могут отклоняться от расчетных значений за систематический риск этих активов. В результате данные отклонения можно характеризовать в качестве нерыночного риска, описываемого альфа-коэффициентом (α_i):

$$\alpha_i = r_i - r_f = r_f - \beta_i(r_m - r_f)$$

где:

α_i - альфа-коэффициент i -го актива; r_f - доходность безрисковых вложений.

Коэффициент альфа показывает переоценку или недооценку рынком систематического риска акций индекса.

Рыночные данные используются для расчета процентного изменения для каждого фактора риска в каждый день по акциям представительского списка индекса KASE. Каждое процентное изменение затем рассчитывается с текущими рыночными значениями, чтобы представить возможные сценарии для будущей стоимости. Для каждого из сценариев индекс оценивается с использованием полных нелинейных моделей ценообразования. Предполагается, что вероятность составляет 99% VaR:

$$VaR = V_m \frac{V_i}{V_{i-1}}$$

где:

v_i - количество переменных в i -ый день; m - количество дней, с которых берутся исторические данные.

Также нами были просчитаны маржинальный (Marginal VaR), условный (CVaR) и частичный VaR (partial VaR). Conditional Value at Risk представляет собой условное математическое ожидание доходности индекса при условии, что ее величина меньше значения VaR. Эта мера риска более адекватно описывает доходности, имеющих тяжелые хвосты. Формула расчета CVaR следующая:

$$CVaR(X) = E\{X|X \leq VaR(X)\}$$

Marginal VaR - это дополнительная сумма риска, которую новая акция добавляет к индексу. Он позволяет изучать эффекты добавления или вычитания акций из фондового индекса [16].

VaR можно разложить на частичные VaR, которые можно отнести к отдельным инструментам, входящим в портфель. Эти компоненты VaR имеют привлекательный свойство, которое они линейно объединяют в диверсифицированный портфель (индекс).

Таким образом, оценка индекса с указанных выше позиций позволит определить степень влияния акций представительского списка на индекс KASE, на основании чего можно сделать выводы о качестве индекса.

Результаты исследования

Для начала рассмотрим структуру индекса и дивидендную доходность акций представительского списка индекса за последние 4 года (таблица 1).

Таблица 1 – Структура индекса KASE, %

Отрасль	Структура индекса, %				Дивидендная доходность, %			
	12/30/ 2016	12/29/ 2017	12/31/ 2018	11/11/ 2019	12/30/ 2016	12/29/ 2017	12/31/ 2018	11/11/ 2019
KASE	100,00	100,00	100,00	100,00	3,95	1,68	3,17	3,96
<i>Материалы:</i>	28,47	41,53	54,97	51,28	0,00	0,00	0,87	1,27
KAZ Minerals PLC	28,47	41,53	54,97	51,28	0,34	1,07	0,87	1,27
<i>Предоставл. коммун. Услуг:</i>	8,99	6,08	3,46	3,16	2,78	2,03	5,03	8,57
Kazakhstan Electricity Grid Operating Company (KEGOC)	8,99	6,08	3,46	3,16	2,78	2,03	5,03	8,57
<i>Услуги связи:</i>	17,73	15,39	11,66	11,68	5,70	2,55	4,10	2,06
KCell JSC	7,30	6,85	4,79	6,65	10,58	3,27	3,16	1,38
Kazakhtelecom JSC	10,43	8,54	6,87	5,03	2,28	1,97	4,76	2,95
<i>Финансы:</i>	16,41	13,99	25,62	30,84	4,76	0,00	5,96	8,08
Bank CenterCredit JSC	2,11	1,43	1,33	1,19	-	-	1,25	2,04
Halyk Savings Bank of Kazakhstan	12,54	11,93	24,30	29,65	6,24	6,17	6,28	8,40
KAZKOMMERTSBANK	1,77	0,63	-	-	3,41	1,11	-	-
<i>Энергетика:</i>	28,39	23,01	4,29	3,05	6,72	5,06	11,92	10,10
KazMunaiGas Exploration Production	14,65	14,35	-	-	2,88	1,12	1,31	1,28
KazTransOil JSC	13,74	8,66	4,29	3,05	10,80	11,59	11,92	10,10

Источник: рассчитано в Bloomberg

Как видно из данных таблицы 1 наибольший вес в структуре индекса KASE приходится в 2016-2017 гг. на отрасли «Материалы» и «Энергетика». В 2018-2019 гг. из отрасли «Энергетика» перевес происходит в сторону отрасли «Финансы», причем последней характерен рост на 20,37% в 2019 г. Наибольший удельный вес в отрасли «Финансы» приходится на Halyk Savings Bank of Kazakhstan при значительном сокращении доли остальных банков (учитывая, объединение двух банков Halyk Bank и Казкоммерцбанка). Также в структуре индекса значительно увеличивается доля KAZ Minerals PLC: в 2017 г. на 45,87%, в 2018 г. – на 32,36%.

Анализируя доходность акций представительского списка индекса, можно отметить, что наибольшая дивидендная доходность характерна отрасли «Энергетика». Из данных таблицы 1 видно, как меняется дивидендная доходность акций представительского списка индекса KASE с 2016 г. к 2019 г. Так, если в 2016 г. наибольшая доходность была у акций KazTransOil JSC (10,8%) и KCell JSC (10,58%), то в последующие годы наблюдается сохранение наибольшей доходности лишь у KazTransOil JSC, а также рост у таких компаний как KEGOC и Halyk Bank.

Проанализируем акции компаний представительского списка, имеющих наиболее сильную степень коррелирования с индексом KASE (таблица 2).

Таблица 2 – Показатели влияния акций на индекс KASE

Компания	Истор. β	Скорр. β	Коэф. α	cor	Стан. ошибка α	Стан. ошибка β	t-тест	p-value
KZTO	0,109	0,406	1076,22	0,25	0,71	0,034	3,210	0,024
KZTK	15,376	10,824	-8896,11	0,871	0,151	0,716	2,1988	0,0365
KCEL	0,733	0,822	106,369	0,809	0,09	0,043	1,713	0,0976
GB_KZMS	1,714	1,476	-701,626	0,720	0,279	0,133	1,2913	0,0109
CCBN	0,113	0,409	-14,233	0,832	0,127	0,006	1,867	0,0226
HSBK	0,060	0,373	-32,012	0,877	0,158	0,003	1,895	0,097
KAZ Minerals	0,104	0,398	-26,611	0,868	0,127	0,016	1,034	0,0713
KGOC	0,209	0,412	115,26	0,361	0,207	0,063	2,276	0,0072

Источник: рассчитано в Bloomberg

Как видно из полученных данных в таблице 2 все результаты статистически значимы и имеют незначительные степени ошибки. Из всех акций представительского списка две акции имеют низкую степень взаимозависимости с индексом KASE, что вызывает вопросы. В частности, акции CCBN занимают гораздо меньшую долю в структуре индекса, чем KZTO. Однако, степень влияния первых составляет 0,832 против 0,25 по акциям KZTO. Аналогичная ситуация наблюдается с акциями KEGOC. По остальным структурным составляющим индекса зависимость прямая и сильная.

Все полученные бета-коэффициенты положительные, что подтверждает факт прямой зависимости акций от рынка. Вместе с тем, значения коэффициента бета очень низкие менее даже 1. Исключения составляют акции GB_KZMS (1,476) и акции KZTK (10,824), демонстрирующие достаточно сильные рыночные риски, особенно Kazakhtelecom, по которому в случае изменения рыночного портфеля (индекса) на 1%, рыночная стоимость акции меняется в более, чем 10 раз.

Полученные значения коэффициента альфа показывают существенные недооценку и переоценку рыночного риска по акциям индекса KASE. В частности, рыночный риск переоценен по акциям KZTO (1076,22), KGOC (115,26) и KCEL (106,369) и недооценен по KZTK (-8896,11) и GB_KZMS (-701,626).

Оценка доходности акций представительского списка индекса показала аналогично сильную и слабую степень зависимости. Две акции из 8 отражают практически отсутствие зависимости доходности от изменения доходности индекса KASE (KGOC и KZTO). Следовательно, можно отметить, что $\frac{1}{4}$ часть индекса не отражает ситуации на рынке.

Наибольшая и наименьшая степень корреляции доходности акций индекса представлены на рисунках 1 и 2.

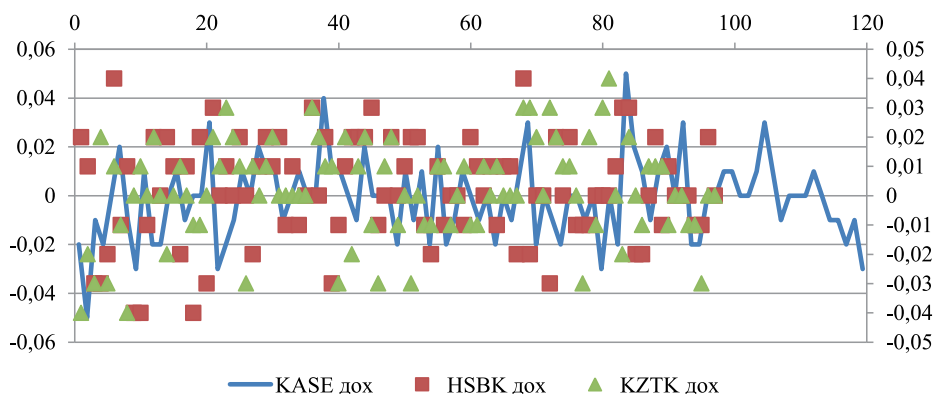

Рисунок 1 – Акции с наибольшей степенью корреляции (HSBK и KZTK) с индексом KASE

Акции Халык банка и Казахтелеком наиболее сильно коррелируют с индексом. Изменение их доходности практически с точностью отражается на изменении индекса в том же направлении. Аналогично и степень разброса.

В противоположность им, акции KEGOC и КазсТрансОйл, наоборот, демонстрируют слабую зависимость. Изменение их доходности практически не отражается на индексе (рисунок 2).

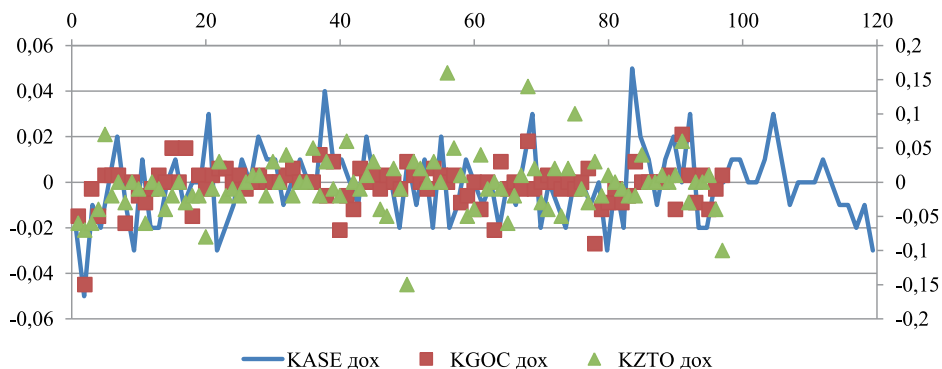

Рисунок 2 – Акции с наименьшей степенью корреляции (KGOC и KZTO) с индексом KASE

Для сравнения представим результаты распределения и регрессии по акциям КазсТрансОйл и Казахтелеком, выведенные Bloomberg (рисунок 3).

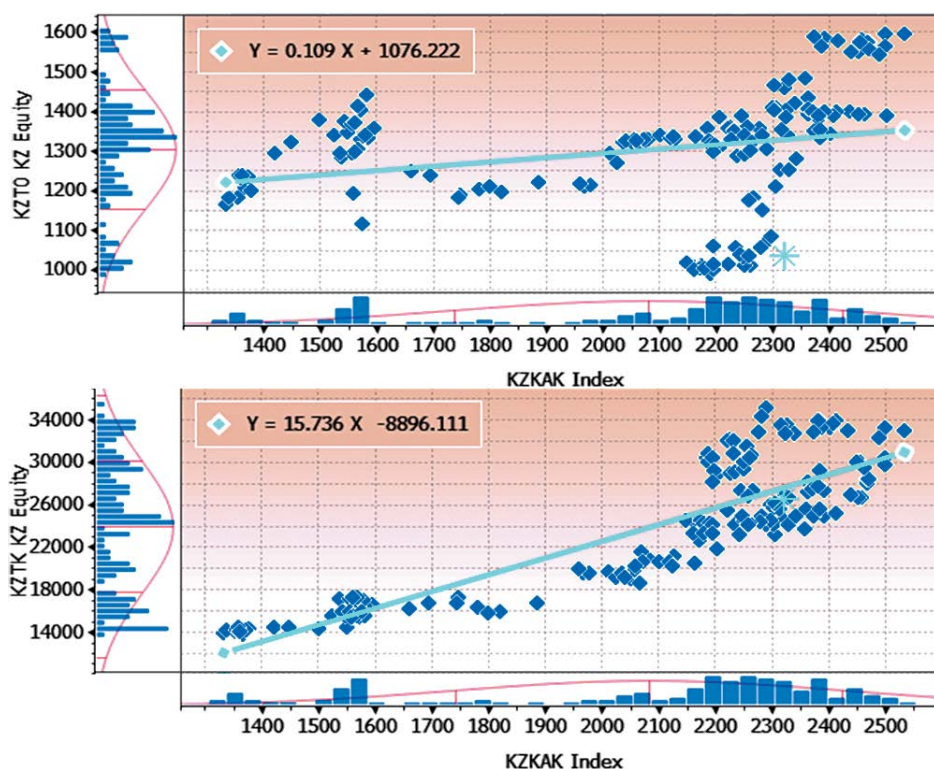

Рисунок 3 – Распределение и регрессия доходностей акций КазТрансОйл и Казахтелеком

Как говорилось ранее по данным акциям высокие показатели альфа-коэффициента. По акции КазТрансОйла рыночный риск переоценен (1076,22), а по акциям Казахтелекома, наоборот, недооценен (-8896,11).

С целью оценки степени рыночного риска, а, следовательно, и связи акций представительского списка с индексом был проведен VaR-анализ (таблица 3).

Таблица 3 - Одно и двухдневный VaR-анализ структуры индекса KASE

Компания	Однодневный, тенге			Двухдневный, тенге		
	CVaR	PVaR	MPaR	CVaR	PVaR	MPaR
KZTO	564,32	-230,68	0,68	568,44	-235,06	0,66
KZTK	1096,71	-16,64	-0,05	1109,13	-49,04	0,03
KCEL	374,42	-194,76	0,38	780,3	-174,99	0,26
CCBN	47,11	-39,84	0,29	49,26	-48,55	0,29
HSBK	142,856	-70,32	0,79	142,73	-72,29	0,80
KAZ Minerals	68,15	-33,771	6,52	69,16	-35,084	6,52
KGOC	57,04	-43,77	0,12	57,96	-40,36	0,11

Источник: рассчитано в Bloomberg

В целом можно отметить, что CVaR не показывает существенных отклонений от минимальных значений, ниже которых рыночная стоимость указанных акций не упадет с вероятностью 99%. В среднем значения CVaR составили 0,3-2,1%.

Маржинальный MVaR показывает на сколько возрастет риск индекса при увеличении позиции отдельной акции представительского списка на 1 единицу. Иными словами он отражает чувствительность индекса к изменению его структуры. Существенные изменения вносятся в индекс при изменении количества и стоимости акций KAZ Minerals (6,52). По остальным акциям существенной чувствительности к изменению структуры индекса не наблюдается (менее 1).

С целью оценки чувствительности индекса KASE к мировым изменениям финансового рынка было проведено стресс тестирование на основе исторических или гипотетических сценариев движения рынка (таблица 4).

Таблица 4 - Стресс-тестирование индекса на основе гипотетических сценариев движения мирового рынка, темпы %

Компания	Equity Markets Re-bound in 2009	Greece Financial Crisis - 2015	Libya Oil Shock - Feb 2011	Russian Financial Crisis- 2008	Oil prices Drop - May 2010	Japan Earth quake in Mar 2011	Debt Ceiling Crisis & Down grade in 2011	EUR up 10% vs. USD	Lehman Default -2008	EUR down 10% vs. USD
KASE	85,95	-6,51	-2,12	-83,83	-23,36	-6,90	-17,37	7,18	-45,36	-7,18
CCBN	82,93	0,75	0,23	-59,46	-12,79	-5,65	-10,05	0,11	-34,15	-0,11
HSBK	69,01	-0,39	-0,18	-68,37	-14,29	-5,43	-11,34	0,06	-31,99	-0,06
KGOC	62,80	-1,64	-1,57	-72,61	-14,25	-6,66	-12,03	-0,59	-37,60	0,59
KZTO	85,10	-2,24	2,62	-67,89	-17,42	-5,47	-13,62	0,44	-36,28	-0,44
KCEL	34,74	2,67	-1,05	-57,53	-18,57	-5,77	-12,09	-0,80	-33,04	0,80
KZTK	80,90	-2,17	-2,39	-67,95	-18,07	-5,76	-16,94	0,78	-31,88	-0,78
KAZ Minerals	104,52	-12,43	-3,75	-100,00	-30,95	-8,14	-22,36	14,03	-57,35	-14,03

Источник: рассчитано в Bloomberg

Как видно из полученных данных наиболее сильно индекс был подвержен таким факторам как: восстановление рынка акций в 2009 г. (85,95%), российский финансовый кризис 2008 г. (-83,83), дефолт Лемана 2008 г. (-45,36) и падение цен на нефть в мае 2011 г. (-23,36). Аналогично на индекс оказали влияние изменения в стоимости акций представительского списка. По указанным позициям преимущественно KAZ Minerals. Вместе с тем, следует отметить, что финансовый кризис 2008 г. и восстановление рынка акций в 2009 г. оказали наиболее существенное влияние на все акции представительского списка индекса KASE.

Выводы

Проведенный анализ индекса KASE с позиций оценки его чувствительности к изменению структуры индекса, к изменениям на мировом фондо-

вом рынке, а также степени влияния изменения доходности акций представительского списка на изменения индекса показал следующее.

По логике, если индекс отражает ситуацию на фондовом рынке на основе изменения средних значений курсов акций представительского списка индекса, то должна существовать прямая и сильная корреляционная зависимость между значениями индекса и рыночной стоимости акций индекса. Однако, анализ данных, проведенный в системе Bloomberg, показал, что как минимум 25% структуры индекса практически не коррелирует с самим KASE shares. Следовательно, изменения, происходящие в некоторых компаниях, влияющие на фондовый рынок страны, не отражаются в индексе KASE.

Из коэффициента альфа можно определить стратегию акции по отношению к индексу. Так, стратегия с альфой равной 0% полностью повторяет индекс. Стратегия с отрицательным альфа-коэффициентом отстает от индекса, а с положительным - опережает его. Следовательно, можно сказать, что чем лучше акции описывают индекс, тем ближе к нулю должны быть его значения. Вместе с тем, показатели альфа значительно выше 0. Более того, по некоторым акциям значения выше ста и даже 1000.

Таким образом, по полученным данным согласно расчетов в Bloomberg большая часть акций представительского списка индекса имеют альфа существенно превосходящую 0%, то есть отходят от стратегии индекса: отстают либо опережают его. Это свидетельствует о том, что индекс значительно искажен и с ошибками отражает изменения фондового рынка страны.

Маргинальный MVaR показывает чувствительность индекса к изменению его структуры. Как показал проведенный анализ ощутимые изменения вносятся в индекс при изменении количества и стоимости акций KAZ Minerals (6,52). По остальным акциям существенной чувствительности к изменению структуры индекса не наблюдается (менее 1). Получается, что при изменении доли большинства акций представительского списка индекс не покажет существенных изменений. В принципе, оно и понятно, поскольку индекс должен отражать изменения в стоимости акций, а не доли. В этой связи данный аспект можно характеризовать как положительный.

Согласно проведенного стресс-тестирования можно сказать, что индекс KASE является достаточно чувствительным к изменениям мирового рынка, что положительно характеризует качество индекса.

Таким образом, проведенный анализ показал, что индекс KASE назвать качественным очень сложно. Он не отражает реальной ситуации на фондовом рынке страны, начиная с того, что состав представительского списка индекса 7-9 компаний, что ничтожно мало для отражения движений рынка. Оцененные показатели показывают частичную чувствительность индекса к факторам окружения. В связи с этим, говорить о качестве индикатора фондового рынка не приходится.

ПРЕИМУЩЕСТВА ВХОЖДЕНИЯ В ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ И ВСЕМИРНУЮ ТОРГОВУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ ДЛЯ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА КАЗАХСТАНА

Александр Пягай¹, Сауле Шинтаева²

¹декан Факультета «Бизнес и информационные технологии»
Университета «Туран-Астана», доктор экономических наук

²докторант Университета «Туран-Астана»

Аннотация. Актуальность работы состоит в получении научных и практических результатов, направленных на сохранение темпов развития и роста конкурентоспособности чувствительных отраслей АПК, продовольственной безопасности в условиях формирования единого экономического пространства государств-участников Евразийского экономического союза. Результаты работы – исследованы договор Евразийского экономического союза в области АПК и соглашения Всемирной торговой организации в области сельского хозяйства, проведена оценка их влияния на устойчивость и конкурентоспособность чувствительных отраслей аграрного сектора республики, выявлены факторы интеграционных процессов, влияющих на устойчивость развития и конкурентоспособность аграрного производства.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, оценка влияния, соглашение, договор, Евразийский экономический союз, Всемирная торговая организация.

**ҚАЗАҚСТАННЫҢ АГРОӨНЕРКӘСІПТІК КЕШЕНІ ҮШІН
ЕУРАЗИЯЛЫҚ ЭКОНОМИКАЛЫҚ ОДАҚҚА ЖӘНЕ ДҮНИЕЖҮЗІЛІК
САУДА ҰЙЫМЫНА КІРУ АРТЫҚШЫЛЫҚТАРЫ**

Александр Пягай, Сауле Шинтаева

Андатпа. Жұмыстың өзектілігі Еуразиялық экономикалық одаққа қатысушы мемлекеттердің бірыңғай экономикалық кеңістігін қалыптастыру жағдайында АӨК сезімтал салаларының даму қарқынын және бәсекеге қабілеттілігінің

өсуін, азық-түлік қауіпсіздігін сақтауға бағытталған ғылыми және практикалық нәтижелер алумен тұрады. Жұмыс нәтижелері-АӨК саласындағы Еуразиялық экономикалық одақтың шарты және Дүниежүзілік Сауда Ұйымының ауыл шаруашылығы саласындағы келісімі зерттелді, олардың республиканың аграрлық секторының сезімтал салаларының тұрақтылығы мен бәсекеге қабілеттілігіне әсер етуіне баға берілді, аграрлық өндірістің даму тұрақтылығы мен бәсекеге қабілеттілігіне әсер ететін интеграциялық процестердің факторлары анықталды.

***Түйінді сөздер:** агроөнеркәсіп кешені, ықпал етуді бағалау, келісім, шарт, Еуразиялық экономикалық одақ, Дүниежүзілік сауда ұйымы.*

ADVANTAGES OF JOINING THE EURASIAN ECONOMIC UNION AND THE WORLD TRADE ORGANIZATION FOR THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX OF KAZAKHSTAN

Alexandr Pyagay, Saule Shintaeva

Abstract. The relevance of the work is to obtain scientific and practical results aimed at maintaining the pace of development and growth of competitiveness of sensitive sectors of agriculture, food security in the conditions of formation of the common economic space of the member States of the Eurasian economic Union. The results – examined the Treaty of the Eurasian economic Union in the field of agriculture and the world trade organization agreement in the field of agriculture, the estimation of their influence on the sustainability and competitiveness of the sensitive sectors of the agricultural sector, factors of integration processes influencing the sustainability and competitiveness of agricultural production.

Keywords: *agro-industrial complex, impact assessment, agreement, agreement, Eurasian economic Union, world trade organization*

Одним из основных принципов и основной особенностью внешнеторговой политики нового этапа становится активное развитие торгово-экономической дипломатии, что предполагает продвижение национальных интересов и укрепление региональной и глобальной безопасности. «Сбалансированность нашей внешней политики означает развитие дружественных и предсказуемых отношений со всеми государствами, играющими существенную роль в мировых делах и представляющих для Казахстана практический интерес» [1].

Эффективное функционирование аграрного сектора сегодня лежит в области развития интеграционных процессов и увеличения совокупного спроса на его продукцию, то есть объективной необходимостью является всесторонний анализ их влияния и создание системы устойчивости предложения продукции на внешний рынок.

Следует отметить, что при достаточно большом количестве публикаций

по проблемам интеграции, в том числе и ВТО, большинство работ направлены на оценку влияния в целом на аграрную отрасль и выявление негативных последствий интеграционных процессов.

Наш же подход предполагает исследовать положительное влияние интеграционных процессов на агропромышленный комплекс Казахстана (его конкретные отрасли и производства).

29 мая 2014 года в Астане на заседании Высшего Евразийского экономического совета был подписан Договор о Евразийском экономическом союзе, который начал функционировать с 1 января 2015 года.

Объемный документ (почти 1000 страниц, состоит из четырех частей, включающих в себя 28 разделов, 118 статей и 32 приложения), при разработке которого проведена работа по систематизации международных договоров, заключенных в рамках ТС и ЕЭП, то есть были исключены противоречия, оптимизированы и актуализированы действующие нормы, восполнены пробелы и сформирован единый понятийный аппарат [2].

В Договор были включены нормы и правила, отвечающие целям и задачам Союза по обеспечению свободы перемещения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы, проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики, определенных настоящим Договором и международными договорами в рамках Союза. Все положения договорно-правовой базы ТС и ЕЭП были приведены в соответствие с правилами и нормами Всемирной торговой организации (ВТО).

Функционирование аграрного сектора Казахстана в рамках Евразийского экономического союза самым тесным образом увязано с присоединением республики к Всемирной торговой организации, поскольку страны-участницы ЕАЭС достаточно четко продекларировали свое устремление стать частью ВТО и работать по общепринятым международным правилам торговли.

На сегодняшний день наряду с договорами и соглашениями по сельскому хозяйству в условиях интеграции функционирование национального аграрного сектора экономики рассматривается также с точки зрения таможенно-тарифного регулирования, формирования конкурентной среды, применения санитарных, фитосанитарных, карантинных и ветеринарно-санитарных мер, технического регулирования, а также защитных мер торговли и внутреннего рынка. Поэтому изменения в перечисленных сферах должны проводиться на основании достигнутых по этому вопросу договоренностей и временных рамок, предусмотренных в документах о присоединении.

В частности, в соответствии с Договором о Евразийском экономическом союзе в рамках многосторонней торговой системы ставки Единого таможенного тарифа ЕАЭС (ЕТТ) должны быть установлены на уровне не выше принятых российских тарифных обязательств перед ВТО, а затем и казахстанских.

Технически страны-участницы ЕАЭС договорились о следующем принципе корректировки ЕТТ: если обязательствами перед ВТО стран-участниц ЕАЭС предусмотрен более низкий уровень защиты, то ставки уменьшаются сразу или поэтапно в рамках предусмотренных переходных периодов; если более высокий – стороны точно вносят обоснованные предложения и при необходимости повышают ставки ЕТТ в интересах производителей и потребителей государств-участников таможенной территории.

Первый этап изменений в ЕТТ в связи с присоединением России к ВТО был осуществлен Евразийской экономической комиссией (ЕЭК) с 1 сентября 2012 г. В дальнейшем на практике ожидается постепенное снижение (переходные периоды - от 1 до 7 лет) тарифной защиты по ряду позиций. Второй этап трансформации ставок единого таможенного тарифа ЕАЭС будет осуществлен после 2016 г. по условиям казахстанских обязательств перед ВТО.

При этом по предварительной информации в соответствии с казахстанскими параметрами около 80% всего импорта сельскохозяйственного сырья и продовольственных товаров будет облагаться по ставке таможенного тарифа (пошлин) от 5 до 15%, что ощутимо ниже действующих ставок ЕТТ на 7–5 процентных пунктов). В среднем этот показатель составляет 10,2% против 17% в рамках ЕАЭС.

Следует отметить, что Казахстан согласился на более низкий уровень защиты национального рынка в отличие от многих стран-участниц ВТО (рисунок 1).

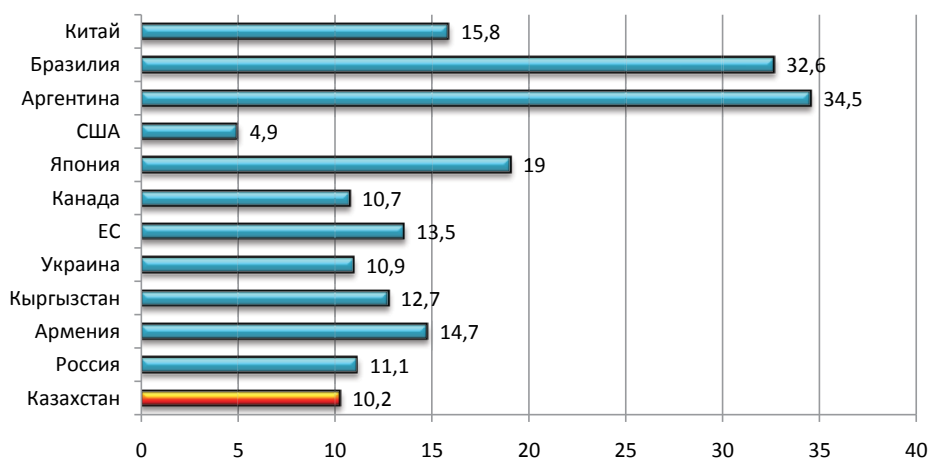

Рисунок 1 - Средние конечные связанные таможенные тарифы на сельскохозяйственную продукцию и продовольствие стран-членов ВТО

Источник: World Tariff Profiles (WTO)

Как видим многие страны, жестко защищают свой агропродовольственный рынок, то есть торговля сельскохозяйственной и продовольственной продукцией в большинстве стран-членов ВТО фактически не либерализована, что создает трудности для реализации продукции из других стран, даже в режиме наибольшего благоприятствования.

С точки зрения таможенно-тарифного регулирования и условиям доступа на рынок договоренности Казахстана не являются значимым защитным уровнем. Наиболее чувствительные товары аграрного сектора Республики Казахстан будут подвержены сильному влиянию импорта [3].

Снижение ставок ЕТТ означает усиление конкуренции на казахстанском рынке и замене определенных поставщиков сельскохозяйственных и продовольственных товаров из стран СНГ и ЕАЭС экспортерами из стран дальнего зарубежья, которые могут стать более конкурентоспособными.

Изменяющийся доступ на внутренний рынок республики распространяется на товары, которые она импортирует в больших количествах и которые являются наиболее чувствительными к конкуренции импорта и включающие мясо, молочные продукты, сахар-сырец, фрукты.

В данном контексте, одним из преимуществ членства в ЕАЭС, является применение правил исключения по наиболее «проблемным» позициям. В частности, в отношении сахара-сырца тростникового до 2019 г. Казахстан применяет нулевые ставки ввозных таможенных пошлин, что отличается от ставок ЕТТ.

Следует отметить, что, тарифные изменения в результате выполнения обязательств по сокращению ставок таможенных пошлин не повлияют непосредственно на торговлю казахстанских производителей со странами ЕАЭС. Это создаст возможность для России, Беларуси, Армении и Кыргызстана, а также государств СНГ, с которыми у РК есть соглашение о свободной торговле (за исключением Узбекистана и Туркменистана) получить дополнительные выгоды по доступу на казахстанский рынок сельскохозяйственной продукции и продовольствия.

Положительное влияние от снижения таможенных тарифов почувствуют в основном страны дальнего зарубежья (СДЗ). Уступки, сделанные Казахстаном в отношении некоторых товарных групп, позволят улучшить им условия торговли. Однако в связи с малой емкостью внутреннего рынка республики и ее глубоко континентальным географическим положением это не обеспечит большие выгоды для стран-экспортеров.

Тем не менее, в перспективе конкуренция по продовольственным товарам на внутреннем рынке обострится. Товары из СДЗ могут стать более конкурентоспособными по отношению к продовольствию из стран ЕАЭС и СНГ. В частности, на рынке мяса птицы, сливочного масла, сыров и творога, а также некоторых видов фруктов (яблоки, груши) усилятся присутствие зарубежных производителей. Вместе с тем, основными экспорте-

рами белого сахара, подсолнечного масла останутся страны ЕАЭС. Стоимость товара этих государств на отечественном рынке будут ниже цены предлагаемой товаропроизводителями стран дальнего зарубежья.

В тоже время уровень конкурентоспособности казахстанских товаров останется низким, так как значительно уступают импортным аналогам, в основном, по цене. В связи с этим весьма высокой сохранится доля импорта продовольственных товаров на внутреннем рынке республики, что является негативным фактором в условиях вступления Казахстана в ВТО и представляет угрозу для обеспечения продовольственной безопасности государства.

Рассмотрим преимущества использования целевого субсидирования. Необходимо отметить, что для производителей сельскохозяйственной продукции государственная поддержка является более важной в сравнении с внешней тарифной защитой, так как работа данного сегмента рынка в значительной степени находится под влиянием применения инструментов нетарифной защиты и программ государственных закупок. При этом обязательства Казахстана перед ВТО и ЕАЭС требуют недопустимости запрещенных видов сельскохозяйственных субсидий.

В ЕАЭС принят Протокол о мерах государственной поддержки сельского хозяйства Договора о Евразийском экономическом союзе [2]. Вместе с тем в ВТО аналогично применяется Соглашение по сельскому хозяйству (таблица 1) [3].

Таблица 1 - Преимущества для аграрного сектора Казахстана, дающие принятые соглашения и договора ЕАЭС и ВТО

Соглашения и договора	
ЕАЭС	ВТО
Договор о Евразийском экономическом союзе: Протокол № 29 – о мерах государственной поддержки сельского хозяйства стран-членов ЕАЭС (1 января 2015 г.) [2]	Соглашение ВТО по сельскому хозяйству (15 апреля 1994 г.) [3] Соглашение по субсидиям и компенсационным мерам (ССКМ) (15 апреля 1994 г.); Договоренности ВТО о разрешении споров
Преимущества для АПК Казахстана	
Предоставление государственной поддержки сельскому хозяйству, включая поддержку, оказываемую переработчикам сельскохозяйственной продукции	Предоставление внутренней поддержки, оказываемой сельскохозяйственным производителям, включая поддержку, ориентированную на переработчиков сельскохозяйственной продукции, только при условии, что ею пользуются производители основных сельскохозяйственных продуктов, то есть фермеры

Согласно нормам ЕАЭС и ВТО поддержка сельскохозяйственной отрасли распределяется по трем основным направлениям:

- меры, не оказывающие искажающего воздействия на торговлю;
- меры, в наибольшей степени, оказывающие искажающее воздействие на торговлю;
- меры, оказывающие искажающее воздействие на торговлю.

При этом торговля в рамках ЕАЭС, основанная на мерах, не оказывающих искажающее воздействие - это торговля между странами-участниками Союза, где обеспечивается свободное движение товаров.

Меры, не оказывающие искажающего воздействия на торговлю, реализуемые в интересах производителей сельскохозяйственной продукции, согласно Договору о Евразийском экономическом союзе, должны соответствовать определенным основным критериям:

во-первых, поддержка представляется за счет средств бюджета (невостребованных доходов – суммы причитающихся обязательных платежей, от которых государство отказалось окончательно или на время), в том числе в рамках государственных программ, а не за счет потребителей;

во-вторых, следствием поддержки не должно явиться поддержание цен товаропроизводителей.

Вместе с тем, в обязательствах ЕАЭС и ВТО имеются различия в расчете уровня «желтых» мер. По правилам ВТО за основу берутся суммы производства непосредственно сельскохозяйственной продукции (растениеводства и животноводства). По условиям ЕАЭС за базу берется валовая стоимость сельскохозяйственных товаров, куда входит валовая стоимость сельскохозяйственной продукции и стоимость производства продовольственных и других товаров. При этом, в методике ЕАЭС обязательства по «желтой корзине» приняты в процентном отношении, тогда как методика ВТО фиксирует обязательства, как в абсолютном значении, так и в относительном с последующим их сокращением.

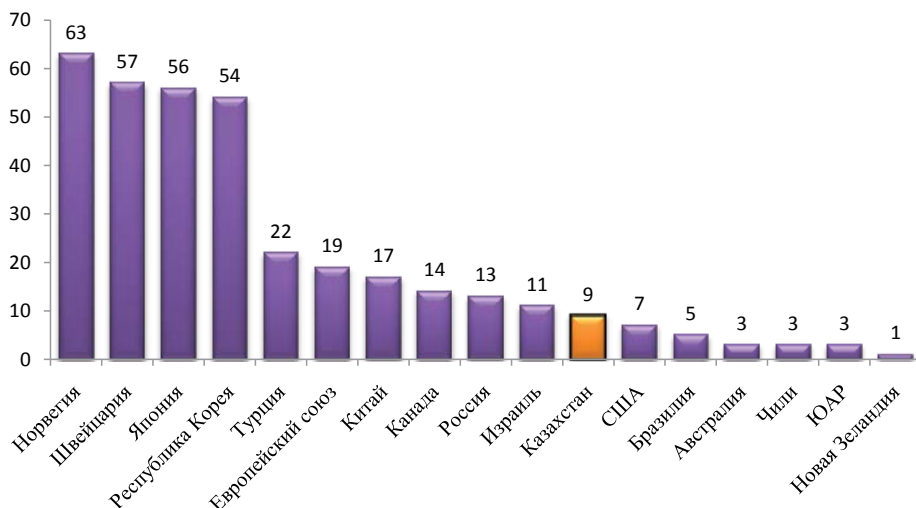

Рисунок 2 - Доля прямых субсидий в доходах сельскохозяйственных товаропроизводителей в развитых странах мира и в Казахстане, %

Источник: составлено на основе данных ОЭСР

Примечание: данные по Казахстану приведены в расчете на валовой доход от реализованной продукции в сельскохозяйственном секторе

В частности, по правилам ЕАЭС все страны-члены используют прямые субсидии на уровне 10% от стоимости валовой продукции сельского хозяйства. В то же время в практике ВТО поддерживать сельскохозяйственных производителей в рамках продуктовых корзин необходимо на уровне 5% или 10% в зависимости от статуса страны. По предварительным итогам переговоров в Казахстане данный показатель с 2016 г. составил 8,5%. Тем не менее в настоящее время доля прямых субсидий в доходах сельхозтоваропроизводителей в Казахстане меньше, чем в развитых странах мира (рисунок 2).

Следует отметить, что в Казахстане в совокупном объеме сельскохозяйственных субсидий по-прежнему преобладают желтые субсидии, в то время как мировая практика показывает, что государственная политика субсидирования в развитых странах направлена на поддержку сельскохозяйственных производителей в рамках неограниченной зеленой корзины.

В правилах ЕАЭС в отношении расчета объемов поддержки приняты некоторые из тех же методов, которые используются в контексте ВТО. В частности, учитывается разница между рыночной ценой товара или услуги и ценой, фактически уплаченной производителем. В результате значительной доли субсидий на покрытие ресурсов в поддержке сельского хозяйства в странах ЕАЭС правила расчета в некоторых отношениях более детальны, чем в соглашении ВТО.

В целом документ ЕАЭС о государственной поддержке сельского хозяйства представляет собой всеобъемлющий комплекс правил. Он включает элементы, соответствующие правилам, изложенным в нескольких разных документах ВТО. С целью защиты национального рынка и продвижения экспортной казахстанской продукции необходима активизация санитарных, ветеринарно-санитарных и карантинных фитосанитарных мер в соответствии с международной практикой.

Следует отметить, что в Протоколе о применении санитарных, ветеринарно-санитарных и карантинных фитосанитарных мер Договора о ЕАЭС сохраняются ныне действующие подходы в их применении в рамках ЕЭП [2]. Так, под их действие попадают товары, включенные в соответствующие единые перечни.

Основным принципом, используемым государствами - членами ЕАЭС для обеспечения безопасности подконтрольных товаров (продукции) при их производстве, переработке, транспортировке и (или) хранении в третьих странах, является проведение аудита зарубежной официальной системы надзора.

В случае если указанный аудит не проводился или не завершен, либо установлено, что зарубежная официальная система надзора не способна обеспечить уровень защиты, как минимум эквивалентный уровню защиты, установленному требованиями Союза, государства-члены могут согласовать включение организации в реестр предприятий третьих стран на основании, в том числе, результатов совместной проверки.

Таким образом, акцент в оценке соответствия ввозимой на территорию стран ЕАЭС продукции сдвигается с регистрации предприятий-экспортеров на аудит зарубежных официальных систем надзора. Если аудит проведен не был, предприятие-экспортер должно будет пройти регистрацию в соответствующем реестре по результатам одной из двух процедур – совместной проверки принимающих стран или гарантий экспортирующей страны. Это будет способствовать применению мер регионального уровня из набора межгосударственных договоренностей. То есть будет происходить согласование условий, на которых их санитарные, ветеринарные и фитосанитарные меры будут рассматриваться как эквивалентные.

Договором о ЕАЭС предоставляется право Евразийской экономической комиссии устанавливать закрытый перечень стандартов (ГОСТов) по применяемым методам испытаний, в отдельных случаях превращения этих стандартов в обязательные и исключая правило применять международные стандарты, не включенные в данный перечень. Поэтому в рамках договора о ЕАЭС государства-члены взаимно признают аккредитацию органов по оценке соответствия, при этом не признают аккредитацию в третьих странах, проводимой в рамках международных организации (ILAC). Кроме того, включение в Единый реестр органов по оценке соответствия ЕАЭС только лабораторий, являющихся юридическими лицами государств-членов ЕАЭС также является сдерживающим фактором для международной торговли и требует совершенствования данного документа ЕАЭС.

Большое значение имеет для дальнейшего развития агропромышленного производства республики правила применения специальных защитных и компенсационных торговых мер в соответствии с международной практикой.

Нормы договора о ЕАЭС, предусматривающие применение специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер приведены в соответствие с положениями ВТО (таблица 2).

Так, в рамках ЕАЭС применяется специальная квота, под которой понимается установление определенного объема импорта товара на таможенную территорию Евразийского союза, в рамках которого товар поставляется с уплатой пониженной пошлины, а свыше этого объема – с уплатой значительно более высокой пошлины. Данная мера доказала свою эффективность в защите нашего внутреннего рынка.

Таблица 2 - Преимущества для аграрного сектора Казахстана, дающие принятые соглашения и договора ЕАЭС и ВТО в области защиты внутреннего рынка

Соглашения и договора	
ЕАЭС	ВТО
Договор о Евразийском экономическом союзе: Протокол о применении специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер по отношению к третьим странам; Положение о зачислении и распределении специальных, антидемпинговых, компенсационных пошлин (от 1 января 2015 г.) [2]	Соглашение по антидемпинговым мерам, Соглашение по специальным защитным мерам, Соглашение по субсидиям и компенсационным мерам [7,8,4]

Преимущества для АПК Казахстана	
Установлены дополнительные возможности пересмотра специальной защитной меры, в том числе включены положения об изменении защитной меры по решению суда через повторное расследование, а также использования положения о реактивном применении антидемпинговых и компенсационных мер, то есть распространения действий окончательных мер на период, не превышающий 90 дней до даты введения предварительных мер, но не ранее даты начала расследования, что позволит избежать массированного роста импорта и причинения дополнительного ущерба отрасли экономики в период расследования	Введения механизма, позволяющего устанавливать пошлины выше связанных уровней в случае резкого роста импорта или применения демпинговых цен при нанесении существенного ущерба экономике страны (ее отрасли)

В результате подписанного Соглашения с ВТО тарифные квоты меняются как по объему, так и по защитным мерам. Например, квота на импорт замороженного мяса КРС в рамках ЕАЭС составляла для Казахстана 14 тыс. тонн, а в ВТО будет расширена до 21 тыс. тонн. При этом внеквотные ставки будут снижены с 55 до 40%, что может сдержать развитие отечественного мясного скотоводства.

Следует отметить, что многие страны-члены ВТО активно используют инструменты тарифного квотирования. В частности, в ЕС установлены запретительные внеквотные пошлины на основные виды продовольствия. Так по данным World Tariff Profiles (WTO), внеквотные ставки таможенного тарифа в ЕС, например, по молочным продуктам составляют 163%, а по сахару – 118%, то есть, значительно превышают разрешенные для Казахстана, для которого Соглашением с ВТО были определены тарифные квоты только для говядины и мяса птицы (рисунок 3).

Рисунок 3 - Ставки таможенного тарифа стран-членов ВТО сверх квот, %

С целью устранения негативного воздействия импорта из третьей страны допускается возможность применения мер защиты на двусторонней основе в соответствии с международным договором ЕАЭС с третьей стороной об установлении режима свободной торговли (речь идет в большей мере об странах СНГ).

Кроме того, договор устанавливает возможность применения антидемпинговой пошлины в отношении товара, выпущенного в свободное обращение на территории Евразийского союза до даты введения предварительных антидемпинговых пошлин, но не ранее 90 календарных дней, если по результатам расследования в отношении товара установлено, что:

1) ранее имел место демпинговый импорт, который наносил ущерб, или импортер знал или должен был знать, что поставляет товар по цене ниже его нормальной стоимости и что такой импорт товара может нанести ущерб;

2) ущерб нанесен существенно возросшим демпинговым импортом в течение относительно короткого времени, который с учетом продолжительности и объемов, а также других обстоятельств (в том числе быстрого роста складских запасов импортируемого товара) может значительно уменьшить восстановительный эффект от введения антидемпинговой пошлины.

При этом импортерам товара должна быть представлена возможность предоставить комментарии. Это изменение направлено на совершенствование действующих норм путем введения ретроактивного применения антидемпинговых мер на территории Союза в соответствии с положениями ВТО.

Следует отметить, что одним из преимуществ членства Казахстана в ВТО является приток прямых иностранных инвестиций в страну и включению ее в производственные цепочки транснациональных компаний.

Согласно Протоколу об общих принципах и правилах конкуренции Договора о ЕАЭС устанавливаются единые принципы и правила конкуренции, однако предусматривается, что государства-участники Союза вправе устанавливать в своем законодательстве дополнительные требования и ограничения в отношении единых принципов и правил конкуренции (таблица 3).

Таблица 3 - Преимущества для аграрного сектора Казахстана, дающие принятые соглашения и договора ЕАЭС и ВТО в области конкуренции

Соглашения и договора	
ЕАЭС	ВТО
Договор о Евразийском экономическом союзе: Протокол об общих принципах и правилах конкуренции (от 1 января 2015 г.), Модельный закон «О конкуренции» (от 24 октября 2013 года № 50) [2,9]	Соглашение по сельскому хозяйству – статья 4. Доступ на рынок товаров [3]
Преимущества для АПК Казахстана	
- сближение правового регулирования экономических отношений в области конкурентной политики на территории ЕАЭС;	- сокращения или отмены ввозных пошлин на тот или иной товар; - запрещается использование нетарифных мер в целях недопущения импорта сельскохозяйственной продукции (квоты, минимальные цены и др.);

- недопущения ограничений и устранения конкуренции, доминирующего положения хозяйствующего субъекта на рынке; - условия, необходимые для ограничения деятельности крупных отечественных частных корпораций, препятствующих развитию конкуренции; - ограничения или предупреждения злоупотребления своим монопольным положением со стороны крупных транснациональных корпораций в интересах развития человеческого потенциала Позволят сформировать конкурентную среду и выровнять условия для развития эффективных субъектов рынка	- нетарифные меры должны быть пересчитаны в «тарифный эквивалент» (в таможенные пошлины). Прямым следствием является снижение цены товара и тем самым создание условий для сдерживания внутренних потребительских цен, и обеспечения режима наибольшего благоприятствования для импортных товаров. Снижение же пошлин на ресурсы (машины, семена, топливо) сокращает их стоимость и стимулирует отечественное производство. С целью гарантии достаточных запасов на внутренних рынках в краткосрочной перспективе могут вводиться экспортные пошлины или количественные ограничения. Это увеличивая поставки на внутренний рынок, так же может сдерживать рост внутренних цен, по крайней мере, в краткосрочной перспективе. На глобальном уровне экспортные ограничения, если они вводятся несколькими экспортерами одновременно, сокращают объем мировых поставок и усугубляют неопределенность и волатильность на мировых продовольственных рынках
---	---

Целью данного документа является формирование Сторонами единой конкурентной политики для обеспечения свободного перемещения товаров, услуг и капитала, свободы экономической деятельности и эффективного функционирования товарных рынков на единой таможенной территории государств, гармонизации законодательства Сторон в области конкурентной политики и недопущения действий, способных оказать негативное влияние на взаимную торговлю Сторон.

Принятие Соглашения призвано обеспечить недискриминационный доступ хозяйствующих субъектов сторон на рынки стран – участниц и должно положительно повлиять на их деловую активность, что позволит резидентам Казахстана на равных конкурировать с резидентами стран-членов ЕАЭС на рынке этих государств.

Кроме того, Казахстан не принял обязательства по торговле с членами ВТО о беспошлинном режиме, который сейчас применяется к казахстанским товарам в рамках Союза.

Вместе с тем, в условиях ВТО пока не применяется прямой документ в области конкуренции. Однако существующий принцип национального режима при доступе на рынок экспортируемого товара создает необходимые для импортера сельскохозяйственных товаров условия, созданные для товаропроизводителей на внутреннем рынке, стимулируя тем самым конкуренцию.

Таким образом, анализ принятых документов в области АПК ВТО свидетельствует, что, хотя основные риски для казахстанских производителей формируются в связи со снижением таможенно-тарифной защиты рынка ростом открытости торговли, в то же время мировая практика показывает, что сегодня более важными являются выверенные нетарифные

инструменты регулирования импортных потоков. Речь идет о защитных и компенсационных механизмах в торговле, технических и санитарных. Данное направление предусматривает усиление деятельности Казахстана по внедрению международных стандартов качества и усиление контроля за безопасностью и качеством ввозимой продукции.

Кроме того членство в ВТО позволит Казахстану получить ряд выгод, которые связаны, например, с улучшением доступа на рынки стран-членов этой организации за счет снижения таких торговых барьеров, как квоты, чрезмерные регламенты и процедуры; предоставит доступ к механизму разрешения споров; будет способствовать сокращению антидемпинговых расследований и, соответственно, уменьшать количество случаев введения специальных, защитных, антидемпинговых и компенсационных пошлин.

Вместе с тем, нормативно-правовая база в рамках ЕАЭС выравнивает уровни развития отраслей аграрного сектора стран-интеграторов, создает равные конкурентные условия для ведения агробизнеса. Кроме того, устранение барьеров во взаимной торговле между государствами значительно ускоряет товародвижение, расширяет возможности для создания совместных предприятий (СП), которые будут работать на единый аграрный рынок.

Таким образом, проведенные исследования показали, что усиливающийся процесс глобализации мировой экономики неоднозначно отражается на функционировании национального агропродовольственного комплекса, что требует новых подходов к исследованию устойчивости его развития, к нивелированию возможных негативных последствий интеграции, а, с другой стороны, созданию условий для развития конкурентоспособного аграрного производства и равновесного функционирования агропродовольственного рынка.

Список литературы:

1. Стратегия «Казахстан-2050» Новый политический курс состоявшегося государства // Послание Президента Республики Казахстан - лидера нации Н. А. Назарбаева народу Казахстана.
2. Договор о Евразийском экономическом союзе г. Астана, 29 мая 2014 года).
3. Соглашение по сельскому хозяйству. Приложение 1А к Соглашению об учреждении ВТО: Многосторонние соглашения по торговле товарами. - https://www.wto.org/english/res_e/reser_e/links_e.htm
4. Соглашение по субсидиям и компенсационным мерам (ССКМ) (15 апреля 1994 г.) - https://www.wto.org/english/res_e/reser_e/links_e.htm
5. Соглашение по применению санитарных и фитосанитарных норм. Приложение 1А к Соглашению об учреждении ВТО: Многосторонние соглашения по торговле товарами. - https://www.wto.org/english/res_e/reser_e/links_e.htm
6. Соглашение «О технических барьерах в торговле». Приложение 1А к Соглашению об учреждении ВТО: Многосторонние соглашения по торговле товарами. - https://www.wto.org/english/res_e/reser_e/links_e.htm
7. Соглашение по применению Статьи VI ГАТТ 1994 (антидемпинг). Приложение 1А к Соглашению об учреждении ВТО: Многосторонние соглашения по торговле товарами. - https://www.wto.org/english/res_e/reser_e/links_e.htm
8. Соглашение по защитным мерам. Приложение 1А к Соглашению об учреждении ВТО: Многосторонние соглашения по торговле товарами. - https://www.wto.org/english/res_e/reser_e/links_e.htm
9. Модельный закон «О конкуренции» (от 24 октября 2013 года № 50), Минск.

ИНДЕКС АКТИВНОГО ДОЛГОЛЕТИЯ В КАЗАХСТАНЕ

**Мадина Нургалиева¹, Алуа Жолдыбалина¹,
Юрий Булуктаев², Ботагоз Ракишева³, Айнур
Мажитова³**

¹ КИСИ при Президенте РК

² Институт философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки РК

³ Исследовательский институт «Общественное мнение»

Аннотация. В данной статье представлена попытка адаптации международного индекса Active Ageing Index – Индекс Активного Долголетия (ААИ, ИАД) для Казахстана, который вступил в категорию стран с преобладанием пожилого населения. Согласно прогнозам ООН, к 2030 году доля пожилых граждан в Казахстане составит 11,5%, а к 2050 году 25% от общей численности населения. Складывающаяся демографическая ситуация актуализирует необходимость комплексного и системного подхода в решении вопросов, связанных со старением населения, в т.ч. с использованием мирового опыта.

Ключевые слова: Индекс Активного Долголетия, Казахстан, пожилые граждане, демографическая ситуация, мировой опыт.

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ БЕЛСЕНДІ ҰЗАҚ ӨМІР СҰРУ ИНДЕКСІ

Мадина Нұрғалиева, Алуа Жолдыбалина, Юрий Булуктаев, Ботагоз Рақышева, Айнур Мажитова

Андатпа. Бұл мақалада Белсенді ұзақ өмір сүру индексі Active Ageing Index (ААИ) халықаралық индексіні Қазақстан үшін бейімдеу әрекеті ұсынылған. БҰҰ болжамына сәйкес 2030 жылға қарай Қазақстандағы қарт азаматтардың үлесі 11,5% - ды, ал 2050 жылға қарай халықтың жалпы санының 25% - ын құрайды. Қалыптасқан демографиялық жағдай халықтың қартаюымен, оның ішінде әлемдік тәжірибені пайдаланумен байланысты мәселелерді шешуде кешенді және жүйелі тәсілдің қажеттілігін өзектендіреді.

Түйінді сөздер: Белсенді ұзақ өмір сүру индексі, Қазақстан, қарт азаматтар, демографиялық жағдай, әлемдік тәжірибе.

ACTIVE AGEING INDEX IN KAZAKHSTAN

Madina Nurgalieva, Alua Zholdybalina, Yuriy Buluktaev, Botagoz Rakisheva, Ainur Mazhitova

Abstract. This study presents an attempt to adapt the international Active Ageing Index (AAI) for Kazakhstan, which entered the ranks of countries with a prevalence of the elderly people. According to UN forecasts, by 2030 the proportion of senior citizens in Kazakhstan will be 11.5%, and by 2050, 25% of the total population. The emerging demographic situation makes relevant the need for an integrated and systematic approach to resolving issues related to the aging of the population, including application of world practices.

Key words: *Active Ageing Index, Kazakhstan, elderly people, demographic situation, world practices.*

Введение

В условиях общемирового тренда старения общества особую актуальность приобретает оценка качества жизни людей старшего возраста. В современном мире существует ряд специальных индексов и рейтингов, ориентированных на оценку благополучия пожилых людей. Наиболее известными из них являются Global AgeWatch, Human Capital Index, Active Ageing Index [1. <http://www.unece.org/index.php?id=53879>. Дата обращения: 21.04.2020 г.]

Одним из инструментов мониторинга динамики старения и всесторонней оценки эффективности программ в рамках концепции активного долголетия могут выступать многокомпонентные индексы положения пожилых. В 2012 году эксперты под эгидой Европейской экономической комиссии ООН (ЕЭК ООН) и генеральной дирекции Европейской комиссии по вопросам занятости, социальной политики и интеграции разработали «Индекс активного долголетия» – инструмент оценки политики стран в этой области. Он включает показатели по занятости, вовлеченности в жизнь общества (семья, общественная деятельность), независимости, здоровью, защищенности, а также «благоприятной среды».

Активное долголетие – относительно новая концепция, появившаяся в середине 1990-х годов. Она позволяет сместить фокус политической дискуссии о последствиях старения с негативных ожиданий роста нагрузки на государственные финансы и экономику к обсуждению возможностей более активного использования потенциала пожилых людей. ЕЭК ООН в определении активного долголетия делает основной акцент на участии пожилых в формальном рынке труда, а также в других видах неоплаченной производственной деятельности.

При этом следует отметить, что большинство подобных индексов не рассчитывается для Казахстана. Между тем, оценка особенностей социально-экономического климата старости в Казахстане, а также эффективности действующих инструментов социальной политики возможна либо на основе динамического анализа показателей внутри страны, либо – в сравнении

показателей Казахстана с другими странами.

В статье представлена попытка восполнения существующего пробела и тестирование международного Индекса активного долголетия на казахстанских данных. Следует отметить, что Казахстан – не первая страна за пределами ЕС, в которой предпринимается попытка протестировать данный индекс. Аналогичная работа была предпринята в Грузии (2012 г.), в России (2016 г.). Измерение ИАД ставит ряд вопросов о взаимосвязи между активным долголетием и качеством жизни пожилых людей, факторах, способствующих или препятствующих активной, здоровой и безопасной жизни в пожилом и старческом возрасте.

Источник финансирования исследования

Индекс активного долголетия в Казахстане был построен и рассчитан по аналогии с международным стандартом, а также основан на результатах социологического исследования, проведенного исследовательским институтом «Общественное мнение» в рамках проекта ОФ Ассоциации врачей-геронтологов РК, финансируемого Фондом Р. Люксембург в Центральной Азии по направлению «Старшее поколение стран Центральной Азии: Настоящее и Будущее».

Методология

Целью построения ИАД является мониторинг и сравнение процесса старения на международном, национальном и региональном уровнях, выявление неиспользованного потенциала пожилых людей для более активного участия в экономической и общественной жизни, стимулирование большей независимости пожилых людей. Для расчета ИАД используются международные базы данных и результаты страновых социологических опросов. Для построения европейского ИАД в качестве источников данных используются EU Labour Force Survey, European Quality of Life Survey, EU Survey of Income and Living Conditions, European Social Survey, Eurostat ICT Survey, European Health & Life Expectancy Information system и другие. Индекс и субиндексы рассчитываются как в целом по странам, так и в гендерном разрезе – отдельно для мужчин и женщин. Всего в этом Индексе представлены 28 стран.

Согласно международному стандарту, Индекс активного долголетия (ИАД) состоит из 22 индивидуальных показателей, которые сгруппированы в четыре субиндекса.

Таблица 1 - Структура Индекса активного долголетия

Субиндекс	Весовая доля
Занятость (<i>Employment</i>)	35%
Участие в жизни общества (<i>Participation in society</i>)	35%
Независимая, здоровая и безопасная жизнь (<i>Independent, healthy and secure living</i>)	10%
Создание благоприятных условий для активного долголетия (<i>Capacity and enabling environment for active ageing</i>)	20%

Каждый субиндекс рассматривает определенную сферу активного долголетия. Так, первые три субиндекса ориентированы на реальную активность пожилых людей, а последний субиндекс позволяет оценить потенциал улучшения старости и активного долголетия пожилых людей. Каждый субиндекс имеет свой вес. Для расчета казахстанского ИАД в основу были взяты стандарты европейского ИАД и их весовые значения.

Результаты исследования

Социологическое исследование было проведено в августе 2019 года в городах республиканского значения – Нур-Султан, Алматы, Шымкент и 14 областях Казахстана, с использованием стандартизированной анкеты на казахском и русском языках. Метод опроса – Face-to-Face.

По причине отсутствия актуальных и объективных статистических данных была предпринята попытка рассчитать значения ИАД в Казахстане с частичным использованием данных Комитета по статистике МНЭ РК за 2018 год, информационной базы «Талдау», а также результатов социологического исследования, которые стали основой для расчета индекса. Стоит отметить, что это в значительной степени может влиять на субъективный подход при формировании и расчете итогового значения ИАД в Казахстане.

В опросе приняли участие 1700 респондентов старше 55-ти лет, которые в целях анализа и в соответствии с общепринятой международной методологией были сгруппированы в 4 возрастные группы (55-59 лет, 60-64 года, 65-69 лет, старше 70 лет). Среди участников опроса 60,2% женщин и 39,8% мужчин. Доля опрошенных горожан составляет 59,2%, сельчан – 40,8%.

Субиндекс «Занятость»

Среди опрошенных респондентов практически каждый третий работает. С возрастом число работающих заметно сокращается. Так, доля работающих в возрасте 55-59 лет составляет 66,2%; 60-64 года – 34,6%; 65-69 лет – 17,7%; 70-74 года – 15,9%; старше 75 лет – 11,7%. Основными сферами деятельности работающих респондентов являются: торговля и сфера услуг (25,7%), образование и наука (15,0%), медицина (12,0%), транспорт, информация и связь (8,2%), сельское хозяйство (6,9%), строительство (6,6%), государственная служба и органы государственного управления (5,1%).

Из всего массива опрошенных две трети являются пенсионерами (66,3%). Доля работающих пенсионеров составляет 13,9%, т.е. практически каждый седьмой пенсионер.

Стоит отметить, что практически половина респондентов, не являющихся пенсионерами, планируют работать после выхода на пенсию. Основанием для подобного решения являются различные мотивы:

- каждый третий планирует работать, исходя из материальной заинтересованности;

- каждый девятый настроен работать после выхода на пенсию, чтобы коммуницировать с людьми;
- каждый двадцатый респондент готов работать на пенсии и быть полезным обществу.

Среди респондентов, имеющих статус пенсионера на момент опроса, в совокупности 41,5% продолжили работать, из них 4,2% занялись предпринимательством. Средняя продолжительность работы после выхода на пенсию чаще всего небольшая и составляет от 1 года до 3-х лет.

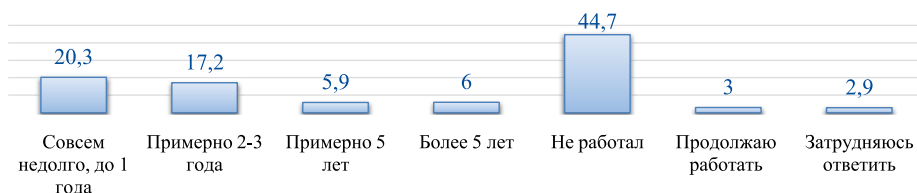

Рисунок 1 - **Как долго вы работали/работаете после выхода на пенсию?**
(%, на данный вопрос отвечают только те респонденты, которые являются пенсионерами – 1127 респондентов, 66,3%)

Субиндекс «Участие в жизни общества»

Свободное времяпровождение людей старшего возраста заметно отличается в зависимости от пола, типа населенного пункта и других характеристик. Условно, типы свободного времяпровождения можно поделить на 2 основные группы:

Первая группа включает в себя исключительно нахождение внутри дома и занятия домашними и семейными делами, присмотр за внуками, детьми. Такой образ жизни в равной степени свойственен как мужчинам, так и женщинам. Стоит отметить, что для мужчин старше 55-ти лет этот набор дополняется просмотром телевизора. Наблюдается следующая тенденция: чем старше возраст респондента, тем менее активно он вовлечен в домашние и хозяйственные дела.

Во вторую группу входят различные виды времяпровождения, связанные с хобби и увлечениями – чтение книг, рукоделие, рыбалка и охота, музыка и т.д. Общение и взаимодействие с друзьями и родственниками крайне слабо распространено.

Стоит отметить, что посещение театров, концертов и музеев, кинотеатров и парков, равно как и занятия спортом, укрепления здоровья и общественной деятельностью практически отсутствуют в образе жизни людей старшего возраста в Казахстане, включая респондентов с высоким уровнем покупательной способности.

В целом, фиксируется некая пассивность опрошенных, «включенность» в семейные и домашние дела, отсутствие саморазвития и свободно-

го времени. Незначительная доля (2,5%) респондентов в свободное время заняты подработкой.

Анализ полученных данных указывает на то, что участие в жизни общества в казахстанской практике большей частью проявляется в общении с детьми, внуками, семьей и является ключевым в жизни людей старшего возраста. Занятия домашними делами и времяпровождение с внуками в большей степени свойственны женщинам (показатель равен 16,9%, аналогичный показатель среди мужчин в 1,5 раза ниже и составляет 11,2%). Вполне ожидаемо, что сельские жители несколько больше вовлечены в домашние и хозяйственные дела по сравнению с городскими жителями (21,4% и 16,6% соответственно).

Одним из важных видов деятельности, согласно европейскому ИАД, является забота за близкими людьми, в т.ч. за инвалидами или немощными членами семьи, соседями или друзьями. Судя по результатам опроса, казахстанские респонденты крайне редко либо никогда не ухаживают за нуждающимися в помощи людьми. Среди тех, кто ухаживает за такими людьми, чаще всего встречаются женщины.

**Таблица 2 - Распределение ответов респондентов на вопрос:
Приходится ли Вам ухаживать за ...? (% от опрошенных)**

Вид деятельности	Каждый день	1-2 раза в неделю	Несколько раз в месяц, иногда	Редко	Никогда
За инвалидами или немощными членами семьи, соседями или друзьями до 75 лет	1,8	2,6	8,5	15,7	71,4
За инвалидами или немощными членами семьи, соседями или друзьями в возрасте 75 лет и старше	0,8	2,6	8,6	15,1	72,9

Доминантное большинство респондентов практически не занимаются какой-либо добровольной либо общественной деятельностью. Показатели неучастия в общественной деятельности колеблются в пределах 60,2% – 81,1%. В большей степени это относится к респондентам-мужчинам. Небольшое исключение составляет помощь пожилым людям, инвалидам и другим нуждающимся, которую респонденты оказывают редко, несколько раз в год (28,0%).

Несколько чаще участники опроса вовлечены в коллективную религиозную деятельность (посещение мечетей, церквей, воскресных служб, коллективных намазов). Такое времяпровождение практикуется каждым шестым опрошенным с периодичностью несколько раз в месяц либо реже, несколько раз в год. В наибольшей степени в коллективную религиозную деятельность вовлечены женщины, горожане, работающие (не пенсионеры).

Таблица 3 - Распределение ответов респондентов на вопрос: **Скажите, пожалуйста, как часто в течение последних 12 месяцев в свое свободное время Вы занимались какой-либо добровольной/общественной деятельностью?**

Вид деятельности	Каждый день	1-2 раза в неделю	Несколько раз в месяц, иногда	Редко, несколько раз в год	Никогда
Помощь пожилым людям, инвалидам и другим нуждающимся	1,1	1,5	9,2	28,0	60,2
Деятельность в обучающих, культурных, спортивных или профессиональных ассоциациях	0,9	1,5	5,2	11,3	81,1
Деятельность в различных общественных движениях (защита окружающей среды, права человека) или благотворительных организациях	0,4	1,2	5,4	14,0	79,0
Коллективная религиозная деятельность (ходить в мечеть, в церковь, на воскресную службу и т.д.)	0,6	2,7	15,2	15,9	65,6
Работа вместе с соседями	0,7	1,8	14,1	20,5	62,9

Общественно-политическая активность опрошенных в определенной степени связана с происходившими в стране процессами. Согласно результатам опроса 63,3% респондентов приняли участие в голосовании на выборах Президента РК, а 12,1% участвовали в собрании профсоюза, политической партии или общественного движения/объединения. Протестные настроения либо действия оказались несвойственными старшему поколению казахстанцев.

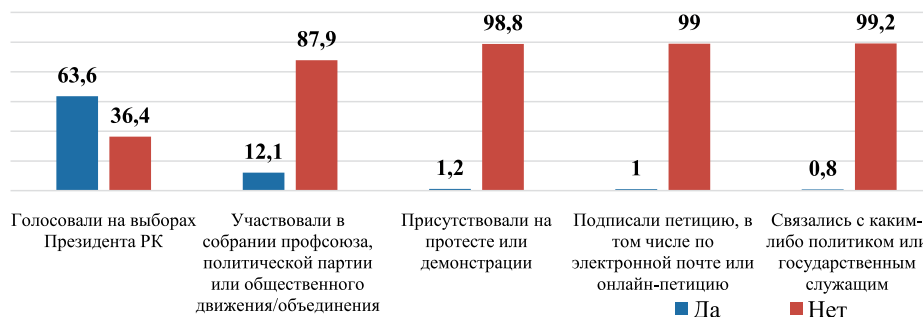

Рисунок 2 - **За последние 12 месяцев Вы ...?**

Показатель общественно-политической активности горожан в 2,2 раза выше аналогичного среди сельчан (15,6% и 7,1% соответственно).

Субиндекс «Независимая, здоровая и безопасная жизнь»

Состояние физического здоровья является одним из важных составляющих качества жизни и показателей активного долголетия. Согласно результатам опроса, доминантное большинство опрошенных, характеризуют свое состояние здоровья как хорошее и удовлетворительное. На плохое само-

чувствие жалуются каждый 6-7 респондент. Это, прежде всего, женщины, пенсионеры, сельчане, респонденты старше 70-ти лет, остроножающиеся.

Преобладающее большинство опрошенных редко занимаются спортом или делают физические упражнения. В совокупности 25,8% занимаются спортом каждый день или по крайней мере, один раз в неделю. Ежедневные занятия спортом свойственны лишь каждому 14-му участнику опроса. Стоит отметить, что наиболее активными спортсменами являются жители западных областей республики, мужчины, работающие респонденты, горожане, обеспеченные.

Таблица 4. Распределение ответов респондентов на вопрос:
Как часто Вы занимаетесь спортом или делаете физические упражнения?

<i>Варианты ответов</i>	<i>Проценты</i>
Каждый день или почти каждый день	6,9
По крайней мере, один раз в неделю	18,9
От одного до трех раз в месяц	9,6
Редко	63,1
Никогда	1,5

В совокупности 68,2% опрошенных убеждены в том, что медицинское обслуживание в Казахстане является в той или иной степени доступным. Большинство респондентов (71,4%) не сталкивались в течение последних 12 месяцев с ситуацией, когда требовалась медицинская и/или стоматологическая помощь, но она не была получена. Вместе с тем, с такой ситуацией столкнулся каждый четвертый опрошенный (28,6%). Среди тех, кто не получил подобную помощь, прежде всего, респонденты старше 70-ти лет, работающие, горожане, малообеспеченные, в равной степени мужчины и женщины.

Согласно результатам опроса, как правило, люди старше 55-лет живут либо с детьми, либо вдвоем с супругом/супругой. Доля тех, кто живет большой семьей – 17,3%.

Доминантное большинство опрошенных в той или иной степени удовлетворены своими жилищными условиями и финансовыми средствами для удовлетворения своих нужд – совокупный показатель составляет 79,5% и 66,3% соответственно. Доля тех, кто придерживается противоположной точки зрения, составляет 20,1% и 31,6%.

Согласно данным опроса, уровень дохода на одного человека в семье в месяц от 40 тысяч тенге до 100 тысяч тенге в совокупности имеют 65% опрошенных. Наличие высокого уровня доходов – выше 100 тысяч тенге на одного человека в семье в месяц отметили 13,7% респондентов (совокупный показатель). Низкий уровень доходов свойственен практически каждому пятому респонденту – в совокупности 19,4% участников опроса указали, что размер доходов на одного человека в месяц в их семьях не

превышает 40 тысяч тенге.

Фиксируется наличие существенного разрыва в уровне доходов между сельским и городским населением: практически каждый третий респондент-сельчанин имеет доход на одного человека в семье в месяц до 40 тысяч тенге.

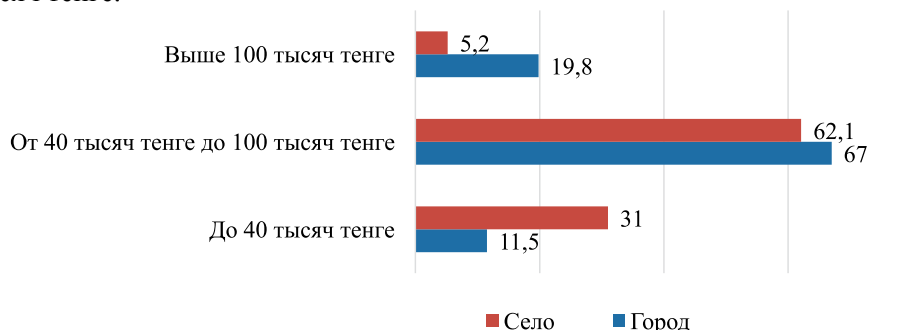

Рисунок 3. **Распределение ежемесячного дохода на 1 человека, %**

Фиксируется, что наименьший средний размер пенсии – среди респондентов-сельчан, и, напротив, наиболее высокие пенсии чаще отметили городские жители.

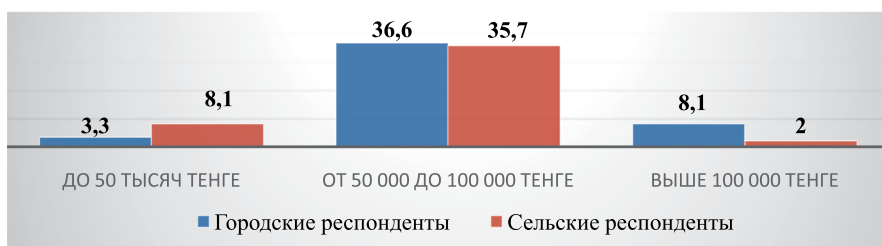

Рисунок 4 - **Если Вы получаете пенсию, то, пожалуйста, укажите ее размер? (% от респондентов-пенсионеров, N=1127)**

Результаты исследования свидетельствуют о том, что около половины опрошенных (46%) не имеют ни сбережений, ни кредитов/ссуд/долгов.

В совокупности 31,6% респондентов имеют небольшие сбережения. Каждый 8-й респондент имеет как задолженности, так и сбережения.

Таблица 5 - **Распределение ответов респондентов на вопрос: Имеете ли Вы какие-либо финансовые сбережения или задолженности?**

Варианты ответов	Проценты
Имею сбережения, достаточные, чтобы прожить на них не менее года	2,0
Имею небольшие сбережения	29,6
Имею только кредиты/ссуды/долги	10,0
Имею и сбережения, и задолженности	12,4
Не имею ни сбережений, ни кредитов/ссуд/долгов	46,0

Доминантное большинство респондентов тратят свои ежемесячные доходы преимущественно на продукты питания и оплату коммунальных услуг. В топ-5 затрат также входят покупка лекарств, транспортные расходы и покупка одежды.

**Таблица 6 - Распределение ответов респондентов на вопрос:
На что Вы преимущественно тратите свои доходы ежемесячно?**

Варианты ответов	Проценты*
Продукты питания	91,9
Коммунальные услуги	83,1
Лекарства	62,6
Транспортные расходы	38,5
Покупка одежды	37,1
Оплата медицинских услуг	26,5
Траты на различные события (свадьбы, юбилеи, похороны и т.д.)	26,1
Оплату кредитов	22,1
Аренду жилья	15,4
Образовательные услуги	5,5
Досуг (кино, концерты, занятие спортом)	4,7
На все необходимое	1,2
На все перечисленное	0,7
Помогаю детям, внукам	0,7
Уголь, дрова, содержание скота	0,2
Отказ от ответа	1,8

**Сумма не равна 100%, т.к. респонденты могли отметить несколько вариантов ответа.*

Респондентам был задан вопрос, позволяющий примерно оценить масштаб окружающей бедности (*«На ваш взгляд, какова доля людей пожилого возраста, которым не грозит бедность?»*) Это субъективный взгляд респондента на свое окружение, с точки зрения их материальной и социальной обеспеченности.

Согласно концепции относительной бедности, бедными считаются индивиды и домохозяйства с доходом, явно недостаточным для удовлетворения потребностей по сложившимся в обществе стандартам потребления. С этой концепцией согласуется депривационный подход, в который применяется преимущественно в развитых странах. Например, в ЕС относительная бедность определена на уровне 60% от медианного среднедушевого дохода населения. Согласно обобщенному мнению респондентов, доля людей пожилого возраста, которым не грозит бедность в среднем составляет 42,1%. Значимая доля участников опроса затруднились ответить.

По результатам опроса, в совокупности 70,3% опрошенных чувствуют себя в той или иной степени безопасно. Противоположного мнения придерживаются 29,5% респондентов. Чувство защищенности от различных опасностей и ситуаций является индикатором уровня жизни человека и степенью его психологического комфорта. Так, на вопрос «*Чувствуете ли Вы себя лично защищенным или незащищенным от различных опасностей?*» респонденты отмечают, что чувствуют себя незащищенными, в первую очередь, от стихийных бедствий (77,2%), экологических угроз (74,3%), врачебной халатности (71,8%), террористических актов (71,4%).

Вторая группа опасностей представлена такими явлениями как коррупция (69,5%), преступность (68,9%), незаконное использование личных данных (66,9), произвол правоохранительных органов (66,6%), преследования за политические убеждения (63,3%) и бедность (62,1). Третья группа опасностей включает в себя страх получать маленькую пенсию (57,1%), потерять работу (51,4%), ощущать притеснения из-за возраста (51,0%).

Субиндекс «Благоприятная среда для активного долголетия»

Важным элементом, влияющим на активное долголетие, является психическое здоровье и эмоциональное состояние. В последнее время, высокие нагрузки, большие стрессы оказывают заметное влияние не только на общее состояние человека, но и на его внутреннее самочувствие. В рамках исследования, респондентам было предложено самостоятельно оценить свое ежедневное психоэмоциональное состояние.

Рисунок 5 - Распределение ответов респондентов на вопрос: *Пожалуйста, охарактеризуйте Ваше обычное психическое здоровье/эмоциональное состояние?*

Судя по оценкам респондентов, большинство из них оценивают свое психическое здоровье и эмоциональное состояние преобладающе в положительных характеристиках. Ощущения счастья, в целом, корреспондируют с показателями психического здоровья и эмоционального состояния. Доминантное большинство опрошенных чувствуют себя счастливыми людьми в той или иной степени – совокупный показатель 76,4%.

Учитывая, что в современное время интернет постепенно становится основным поставщиком информации и средством коммуникации, было важно выявить как часто люди старшего поколения пользуются интернетом. Так, около половины опрошенных (44,8%) достаточно часто пользовались интернетом за последние 3 месяца, причем практически каждый четвертый респондент делал это ежедневно.

**Таблица 7 - Распределение ответов респондентов на вопрос:
Что из перечисленного Вам доводилось делать в интернете
за последний месяц?**

*(на данный вопрос отвечают только те респонденты,
которые пользуются интернетом – 930 респондентов, 54,7%)*

Варианты ответов	Проценты*
Общение через социальные сети (инстаграм, вконтакте, фэйсбук, одноклассники, ватсап, скайп)	80,2
Чтение новостей в Интернете	72,5
Просмотр фильмов/сериалов	44,1
Использование поисковых Интернет-сервисов (Яндекс, Гугл и т.п.)	39,5
Размещение своих фотографий, видео	29,6
Оплата коммунальных услуг онлайн	23,0
Управление банковским счетом/карточкой через Интернет (Интернет-банкинг)	15,3
Оплата товаров/услуг электронными деньгами (QIWI кошелек, Web-money и т.д.)	14,9
Покупка товаров/билетов онлайн	14,2
Чтение/скачивание книг в Интернете	14,1
Поиск работы через Интернет	13,0
Пользование услугами электронного правительства (egov.kz)	10,9
Ведение собственного блога	6,1

**Сумма не равна 100%, т.к. респонденты могли отметить несколько вариантов ответа.*

Свободное времяпровождение респондентов также связано со встречами с друзьями, родственниками и коллегами. Распределение ответов указывает на то, что в совокупности 39,1% опрошенных встречаются с друзьями, коллегами, родственниками несколько раз в месяц. Совокупная доля тех, кто может себе позволить более частые встречи, составляет 35,4%.

Более половины опрошенных не получали никакой помощи за последний год. Каждый пятый респондент получил консультационную помощь, а каждый 7-8 респондент получил помощь в бытовых вопросах.

Интерес к политическим новостям – умеренный. Около половины опрошенных интересуются политическими новостями время от времени и еще 15,2% делают это регулярно. Отсутствие интереса или крайне редкий интерес к политическим новостям проявляют в совокупности 38,8% респондентов.

Протестные настроения слабо распространены среди старшего поколения. В случае резкого ухудшения условий жизни, около половины опрошенных готовы это терпеть. Добиваться изменения положения различными доступными публичными способами готовы в совокупности 41,5% респондентов. К переезду в другой город, область или страну в общей сложности готовы 10,4% опрошенных. Доля тех, кто готов участвовать в митингах и забастовках, либо объявить голодовку – статистически не значима и составляет 1%.

67,2% респондентов не готовы участвовать в любых формах протеста. Для остальных участников проса наиболее допустимой формой протеста респонденты считают открытое письмо на имя Президента – это мнение каждого 4-го участника опроса. Еще 6,9% готовы к петициям и 4,1% к акциям протеста. В совокупности 4,9% опрошенных декларируют готовность к каким-либо иным формам протеста.

Выводы

Индекс активного долголетия в Казахстане, рассчитанный по аналогичной европейской методологии составил 28,9 баллов. Видится необъективным сравнение результатов казахстанского пробного исследования по расчету ИАД с европейскими данными. По итогам 2018 года в 28 европейских странах ИАД колеблется от 28,1 в Греции до 46,9 баллов в Швеции, при среднем показателе по странам ЕС – 35,8 баллов. [Отчет по результатам 2018 года. http://www.unece.org/fileadmin/DAM/pau/age/Active_Ageing_Index/Stakeholder_Meeting/ACTIVE_AGEING_INDEX_TRENDS_2008-2016_web_cover_reduced.pdf. Дата обращения: 29.04.2020 г.].

Вместе с тем, стоит отметить, что результаты, полученные по итогам социологического исследования «Индекс активного долголетия в Казахстане», указывают на наличие потенциала для значимого улучшения качества жизни пожилых людей и их активного долголетия.

Расчеты Индекса активного долголетия (ИАД) по международной методологии позволяют выявить и оценить сильные и слабые стороны казахстанской политики в области старения населения, определить потенциально успешные меры для заимствования из европейской политики по повышению благополучия пожилых людей.

Таблица 8 - Индекс активного долголетия в Казахстане

Показатель	Все население (%)	Мужчины (%)	Женщины (%)
1.1 Уровень занятости 55-59	52,6	69,6	63,9
1.2 Уровень занятости 60-64	30,4	43,9	27,2
1.3 Уровень занятости 65-69	10,4	21,9	15,2
1.4 Уровень занятости 70+	6,7	11,5	14,9

Показатель	Все население (%)	Мужчины (%)	Женщины (%)
1. Занятость	25,0	36,7	30,3
2.1 Добровольные виды деятельности	4,1	2,7	2,7
2.2 Уход за детьми, внуками	23,4	22,5	24,0
2.3 Уход за пожилыми	4,2	3,2	4,8
2.4 Участие в политической жизни	15,7	15,6	15,8
2. Участие в жизни общества	11,9	11,0	11,8
3.1 Физическая активность	11,8	12,5	11,4
3.2 Доступ к медицинской, в том числе стоматологической, помощи	71,4	71,9	71,1
3.3 Независимое проживание	43,4	44,2	42,9
3.4 Относительный медианный доход	43,0	39,2	38,9
3.5 Отсутствие риска бедности	58,3	56,8	59,3
3.6 Отсутствие материальной депривации	61,4	64,9	58,7
3.7 Физическая безопасность	35,5	38,3	33,0
3.8 Непрерывное обучение	10,8	9,5	11,6
3 Независимая, здоровая и безопасная жизнь	41,9	42,2	40,9
4.2 Доля ОПЗЖ в возрасте 55 лет	73,2	68,8	77,2
4.3 Психологическое здоровье	57,1	58,9	55,9
4.4 Использование сети Интернет	44,8	39,1	48,6
4.5 Социальные связи	59,9	59,5	60,1
4.6 Уровень образования пожилых людей	60,6	51,3	67,0
4 Благоприятная среда для активного долголетия	59,1	55,5	61,8
Индекс активного долголетия в РК	28,9		

Полученные в результате исследования данные позволяют рекомендовать Правительству РК разработать Стратегию действий в интересах граждан пожилого возраста с целью выявления дополнительных возможностей для активной и полноценной жизни после выхода на пенсию. Это может означать переориентацию социальной политики в сторону более широкой трактовки старения и комплексной оценки его возможных последствий, заложенных в концепции активного долголетия (active ageing), подразумевающей более полное использование потенциала пожилых людей.

ОЦЕНКА ВОВЛЕЧЕННОСТИ РОДИТЕЛЕЙ В УЧЕБНЫЙ ПРОЦЕСС В ПЕРИОД COVID-19: АНАЛИЗ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА (КЕЙС КАЗАХСТАНА)

Бауржан Бокаев¹, Зулфия Торебекова²

¹ Исследователь, Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан, научный сотрудник, Школа гражданства и государственных дел имени Максвелла, Сиракузский университет (г. Сиракуз, США), PhD

² PhD студент, Школа гражданства и государственных дел имени Максвелла, Сиракузский университет (г. Сиракуз, США)

Аннотация. Пандемия COVID-19 затронула все сферы социальной и экономической жизнедеятельности общества, включая систему образования. Более 1,3 миллиарда обучающихся во всем мире перешли на онлайн/дистанционное обучение. В Казахстане более 6 миллионов человек, активных участников образовательного процесса, также столкнулись с последствиями пандемии. Данная статья изучает процесс организации учебного процесса в Казахстане в период пандемии. Результаты показали, что большинство респондентов поддерживает решение Правительства по переходу на дистанционное/онлайн обучение, удовлетворено уровнем профессиональных компетенций учителей. Однако, родители испытывают сложности, связанные с отсутствием технических средств и слабым интернетом.

Ключевые слова: дистанционное обучение, онлайн обучение, восприятие родителей, Казахстан, система образования, пандемия, COVID-19

COVID-19 КЕЗЕҢІНДЕГІ БІЛІМ БЕРУ ПРОЦЕСІНЕ АТА-АНАЛАРДЫҢ ҚАТЫСУЫН БАҒАЛАУ: ӘЛЕУМЕТТІК САУАЛНАМАҒА ЗЕРТТЕУ (ҚАЗАҚСТАН КЕЙСІ)

Бауржан Бокаев, Зулфия Торебекова

Андатпа. COVID-19 індеті қоғамның әлеуметтік және экономикалық тіршілік әрекеттерінің, білім саласын қоса алғандағы барлық тұстарына өз әсерін тигізді. Әлемнің 1,3 миллиард астам білім алушысы қашықтықтан/онлайн оқуға көшірілді.

Қазақстанда 6 миллионнан астам білім беру процесінің белсенді қатысушылары да аталмыш індеттің нәтижелерімен бетпе-бет келді. Бұл мақала Қазақстандағы COVID-19 пандемиясы кезіндегі оқу процесін ұйымдастыру үдерісін зерделейді. Зерттеу нәтижелері респонденттердің басым көпшілігі Үкіметтің қашықтықтан/онлайн оқу туралы шешімін қолдайтынын, мұғалімдердің кәсіптік біліктерімен қанағаттанатынын көрсетті. Алайда, ата-аналар техникалық құралдардың жоқтығынан және баяу Интернеттен қиындық көреді.

Түйінді сөздер: қашықтықтан оқыту, онлайн оқыту, ата-аналардың қабылдауы, Қазақстан, білім беру жүйесі, пандемия, COVID-19

EVALUATION OF PARENTS INVOLVEMENT IN THE EDUCATIONAL PROCESS DURING COVID-19: ANALYSIS OF SOCIOLOGICAL SURVEY (CASE OF KAZAKHSTAN)

Baurzhan Bokayev, Zulfiya Torebekova

Abstract. The COVID-19 pandemic has affected all areas of the social and economic life of society, including the education system. More than 1.3 billion students worldwide have switched to online/distance learning. In Kazakhstan, more than 6 million people, who are active participants of the educational process, also faced the consequences of the pandemic. This article studies the process of organizing the educational process in Kazakhstan during the pandemic. The results of the study showed that most parents support the decision of the Government to switch to distance/online education, and they satisfied with the levels of professional competencies of teachers. However, parents face several problems related to the lack of technical equipment and the weak Internet.

Keywords: distance learning, online education, parental perception, Kazakhstan, education system, pandemic, COVID-19.

Введение

Конец 2019 года ознаменовался в истории человечества стремительным распространением нового вида инфекционного заболевания – COVID-19. За столь короткий срок, пандемия COVID-19 нанесла колоссальный ущерб не только глобальной системе здравоохранения, но и подвергла в глубокую рецессию мировую экономику. Оценки экспертов предполагали, что в случае превращения вируса в глобальную пандемию, большинство крупных экономик потеряют по меньшей мере 2,4 процента от стоимости своего валового внутреннего продукта в 2020 году [1]. Как показывают реалии, на сегодняшний день экономические потери уже перевалили данную отметку.

Пандемия так же затронула систему образования, куда вовлечены миллионы людей, включая обучающихся, родителей, преподавательский и административный состав организаций образования, а также органы управления образованием. Согласно данным ЮНЕСКО, более 100 стран осуществили закрытие школ в масштабах всей страны, что затронуло около 1,3 миллиарда студентов и молодежи по всей планете [2].

В этой связи, большинство стран в рекордные сроки перешли на дистанционное и онлайн обучение. Казахстан не стал исключением. Согласно Постановлению Главного Санитарного врача Республики Казахстан Министерству образования и науки Республики Казахстан (далее - Министерство) было поручено «обеспечить перевод на дистанционное обучение организаций среднего и высшего образования (обеспечить максимальный перевод при наличии технической возможности)» [3].

Переход на дистанционное/онлайн обучение оказал серьезное воздействие на всех участников образовательного процесса, в том числе на 6 миллионов казахстанцев (обучающиеся, учителя/преподаватели, родители, органы образования).

Особая роль в учебном процессе в период пандемии отвелась родителям, так как на них легла двойная нагрузка – повседневная деятельность по обеспечению семьи и контроль учебных занятий детей.

Как показывают исследования, образование ребенка напрямую зависит от осознания родителями уровня успеваемости своих детей и их вовлеченности в образовательный процесс [4, 5].

В этой связи, цель данной статьи оценить уровень вовлеченности казахстанских родителей в образовательный процесс, а также уровень восприятия родителями дистанционного обучения в период COVID-19.

Методы и данные исследования

Для изучения вопросов, связанных с восприятием родительской ответственности дистанционного/онлайн обучения в период пандемии, был проведен опрос и глубинное интервью среди родителей.

Опрос родителей проведен в апреле 2020 года во всех регионах Казахстана с выборкой 31 300 респондентов. По своей гендерной характеристике респонденты распределились следующим образом: женщин – 95,7%, мужчин – 4,3%. Основной возрастной группой опроса стала возрастная категория от 26 до 45 лет – 80,12%. Большая часть опрошенных имеет высшее (43,2%) и профессионально-техническое образование (34,3%). Среди семей, участвовавших в опросе, 20% воспитывают двоих детей, 27,1% - троих детей, 25,6% - четверых детей. Вместе с тем, около 10% респондентов представляют неполные семьи (нет супруга/супруги).

Глубинное интервью проведено с 65 родителями, представляющие все регионы Казахстана.

Результаты исследования

Согласно решению Министерства, учебные заведения Казахстана перевели учебный процесс на дистанционный/онлайн формат с использованием информационных образовательных технологий на период распространения коронавирусной инфекции COVID-19 [6]. Данное решение

принято на основании постановления Главного государственного санитарного врача в целях недопущения распространения коронавирусной инфекции [3].

На основе данного Приказа утверждены методические рекомендации по организации дистанционного обучения, в котором расписаны функции каждого участника образовательного процесса. К примеру, роль родителей заключается в создании условий для обучения и осуществлять контроль за обучением детей, выполнением обучающимися самостоятельных заданий [6].

Однако, несмотря на оперативное реагирование на вызовы COVID-19, все-таки существуют определенные проблемы по организации дистанционного обучения.

Ретроспективный анализ системы образования показывает, что Правительством Казахстана ведется планомерная работа по цифровизации образовательного процесса.

Так, 99% или 7 332 школ (из всего 7 393 школ) имеют доступ к сети Интернет, 7 284 из которых имеют широкополосный Интернет со скоростью выше 512 кбит/с [7].

Вместе с тем, с 2017 года все казахстанские школы подключены к цифровым образовательным ресурсам и платформам (Kundelik, Bilimland, Bilim book и другие), где собраны более 40 000 видео- и интерактивных уроков, и которые помогают в дистанционно режиме осуществлять образовательный процесс. Данные ресурсы предусмотрены на трех языках: казахском, русском и английском, а также доступны в online- и offline-режимах [8, 9, 10].

Следует учесть, что проведенная работа Министерства по информатизации системы образования должна была дать возможность безболезненно перейти на онлайн/дистанционное обучение. Однако, результаты проведенного социологического опроса показали иную картину.

Так, в период пандемии COVID-19, преимущественное большинство казахстанских школ (около 97% в разрезе участников исследования) используют дистанционное и/или онлайн обучение.

Вместе с тем, в учебном процессе обучающимися наиболее активно используется сотовый телефон - 45,91%, телевизор и сотовый телефон – 31,99%. Лишь 21% респондентов в учебном процессе используют ноутбук/компьютер как основное техническое оборудование (Рисунок 1).

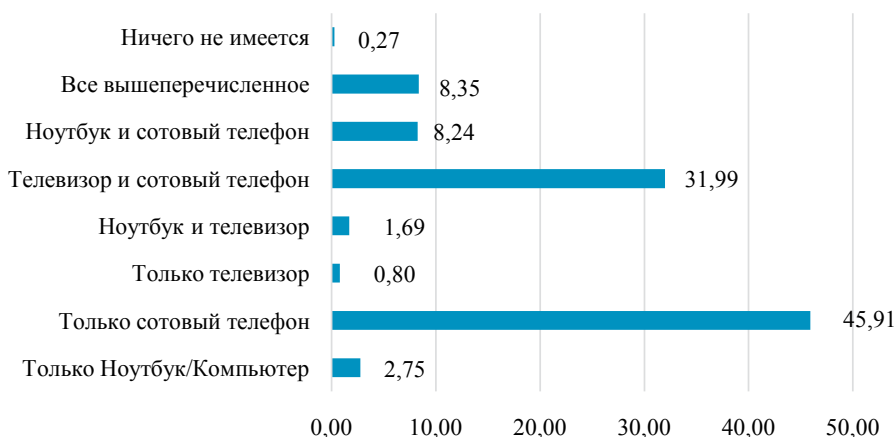

Рисунок 1 - Технологии, используемые при дистанционном обучении

Как мы видим, большинство казахстанских семей не имеют технических средств, необходимых для проведения дистанционного/онлайн обучения в домашних условиях. Между тем, следует учитывать, что согласно результатам опроса в каждой казахстанской семье в среднем имеется по 2 (два) ребенка школьного возраста, что подразумевает необходимость наличия как минимум двух технических средств.

Неготовность казахстанских семей к переходу на дистанционное/онлайн обучение также подтверждается результатами интервью среди родителей:

«Один смартфон на всех членов семьи. Так невозможно заниматься. Даже не знаем, что делать» (Женщина, 45 лет, Карагандинская область);

«Бір телефон үш оқушыға» (Женщина, 39 лет, Мангистауская область);

«У старшего, 8 класс НИИШ, только ноутбук, занимается онлайн; второй ребенок, 4 класс, использует сотовый телефон и телевизор» (Женщина, 40 лет, г. Нур-Султан);

«Теледидар арқылы оқимыз, мобильный телефон бұзылып тұр» (Женщина, 35 лет, Кызылординская область)

Наряду с этим, 52,5% респондентов поддерживая решение Министерства по переходу на данный формат обучения, все-таки не удовлетворены готовностью правительства и местных исполнительных органов к переходу на дистанционное/онлайн обучение (50,9%).

Родительское сообщество обеспокоено качеством предоставляемого образования и уровнем профессиональных компетенций учителей.

Данные аспекты учебного процесса очень важны и коррелируются между собой. Так, согласно ученым, учебные достижения учащихся больше зависят от качества преподавания, нежели от численности обучающихся в одном классе-комплекте [11].

Так, общий уровень профессиональных компетенций учителей в период

дистанционного/онлайн обучения 28,42% респондентов оценен как средний, в то время как свыше 70% респондентов в целом удовлетворено качеством преподавания.

Большинство респондентов (около 68%) также удовлетворено уровнем информационно-коммуникативных компетенций учителей.

Однако 50,9% опрошенных не совсем удовлетворено качеством предоставляемых образовательных услуг. Это также подтверждается результатами интервью:

«Учителя делают со своей стороны всё возможное, но так как урок не может быть системным - состоящим из этапов, происходит только объяснение нового материала и проверка пройденной темы, минуя пояснение и закрепление нового материала. Таким образом, знания детей являются поверхностными на мой взгляд» (Женщина, 44 года, Павлодарская область);

«Времени мало для разбора материала дается, все в впопыхах и быстро проходит. Запомнят ли дети пройденный таким образом материал?» (Женщина, 28 лет, Алматинская область);

«Задания даются минимальные, это сказывается на качестве знаний» (Женщина, 51 год, Западно-Казахстанская область).

Наряду с этим, в ходе оценки контента учебных заданий во время пандемии, 69,1% респондентов указали, что удовлетворены учебным контентом своих детей, 30,9% родителей не удовлетворены контентом.

Неудовлетворенность учебным контентом коррелируется с теми сложностями, с которыми родителям приходится сталкиваться в период пандемии. Так, 34,4% респондентов указали, что сталкиваются с проблемой слабого Интернета, 13,9% респондентов отметили отсутствие времени заниматься детьми, 9,9% - отсутствие достаточных знаний для обучения детей, ещё 8,2% - отсутствие компьютера/ноутбука (Рисунок 2).

Рисунок 2 - Сложности в процессе дистанционного/онлайн обучения

Обсуждение результатов

В мировой практике общепринятым является тот факт, что социологические исследования эффективны в выявлении проблемных вопросов, требующих незамедлительного управленческого решения. Результаты данного исследования в некотором смысле указали на проблемные зоны, которые требуют серьезного внимания. Следует отметить, что родители занимают важную роль в процессе принятия решений в сфере образования, так как являются неотъемлемым стейкхолдером данного процесса. К тому же, численность родителей чаще всего коррелирует с численностью обучающихся в организациях образования.

Так, результаты исследования показывают, что несмотря на то, что родительское сообщество Казахстана в целом поддерживает переход на дистанционное обучение, большая часть родителей не совсем удовлетворено качеством обучения в данном формате. Если учесть, что количество участников исследования составляет 31 300 человек, то с точки зрения выборки, данный показатель является статистически значительным. А выборка в свою очередь также значительна в отношении имеющейся демографии учащихся (около 3 миллионов детей).

Чаще всего, казахстанские родители обеспокоены количеством и качеством образовательного контента, а также временем, уделяемым на усвоение нового материала. Респондентами отмечено, что учителями уделяется мало времени для разбора нового материала, уроки проходят в ускоренном режиме, что сказывается на уровне усвоения учащимися пройденного урока. Кроме того, похоже, что учителя перешли на более щадящий режим, давая лишь незначительное количество заданий для самостоятельной работы учащегося, что также может сказаться на качестве учебных результатов.

Вызывает беспокойство, что почти половина детей (45.91%) в ходе дистанционного обучения в домашних условиях используют сотовый телефон вместо положенных ноутбуков и компьютеров с сопутствующим высокоскоростным интернетом. Ведь обучение на дому предполагает не только участие в онлайн занятиях, но также самостоятельное выполнение домашнего задания с использованием общедоступных учебных ресурсов.

Ситуация также усугубляется тем фактом, что в среднем каждая казахстанская семья имеет по два ребенка школьного возраста, существует семьи, где на один телефон приходится по 3 ребенка. Участники исследования отмечали, что на всех детей используется лишь один смартфон, что делает невозможным одновременное подключение всех детей к онлайн занятиям. Большинство семей также испытывают сложности со скоростью Интернета, что в целом подтверждает неприспособленность казахстанского интернета к онлайн вещаниям.

Согласно мировой практике, выходом из данной ситуации могло бы

стать обеспечение детей из малообеспеченных семей ноутбуками и Интернетом за счет школ или местных органов управления. Однако, как указывают данные, на сегодня в Казахстане на один компьютер в школах все еще приходится в среднем по 10 обучающихся [12]. Государственной программой по развитию образования в свое время ставилась задача по доведению численности учащихся на один компьютер равнозначной один к одному [13].

Следует также обратить внимание, что более 50% респондентов не удовлетворены готовностью правительства и местных исполнительных органов к переходу на дистанционное/онлайн обучение. Здесь подразумевается способность властей оказывать помощь семьям с наибольшей численностью детей, где требуется соответствующий Интернет и ноутбуки для участия в дистанционном обучении. Данный факт также указывает на необходимость вовлечения родителей в процесс принятия решения о переходе к дистанционному обучению, так как только родители могут реально оценить свою готовность к обеспечению обучения детей в домашних условиях.

Выводы

Процесс перехода к дистанционному/онлайн обучению вызывает закономерную обеспокоенность как родительского, так и академического сообщества, в части его качественного проведения.

Важным остается тот факт, что при принятии каких-либо управленческих решений должны учитываться мнения всех участников действующего процесса. В данном случае, родителей, как первостепенных и законных представителей получателей образовательных услуг.

Кроме того, при планировании новых инициатив и реформ, следует проводить целенаправленные социологические исследования для диагностики текущей ситуации и способности целевой аудитории принять и следовать тем инициативам. В случае неспособности целевой аудитории реализовать поставленные задачи, должны подключаться управленческие механизмы, снижающие риски недостижения поставленных целей.

В контексте реализации дистанционного/онлайн обучения в Казахстане во главе угла должны ставиться текущие социально-экономические положения наиболее уязвимых групп учащихся из многодетных семей, из неблагополучных сельских регионов и отдаленных населенных пунктов. Следует не упускать из виду такую же уязвимую группу среди самих услугодателей в сфере образования, как педагогический состав организаций образования.

Наряду с этим, Министерству образования и науки необходимо обратить особое внимание на процесс сбора объективной информации. Как показывают результаты исследования, официальная информация по

обеспечению школ широкополосным интернетом (99%), качественными компьютерами (1:10) и доступом к онлайн/оффлайн платформам не подтверждает корреляцию между обозначенными показателями.

Список литературы:

1. Impact of the coronavirus pandemic on the global economy - Statistics & Facts, <https://www.statista.com/topics/6139/covid-19-impact-on-the-global-economy>, (дата обращения: 5 мая 2020 г.)
2. UNESCO's support: Educational response to COVID-19, <https://ru.unesco.org/covid19/educationresponse>, (дата обращения: 2 мая 2020 г.)
3. Постановление Главного государственного санитарного врача Республики Казахстан от 12 марта 2020 года № 20-ПГВр "Об усилении мер по недопущению завоза и распространения коронавирусной инфекции в Республике Казахстан на период пандемии", <https://online.zakon.kz>
4. Cashman, L., Bhattacharjee, S., and Sabates R. Parental Perceptions and Parental Involvement in Children's Education in Rural India: Lessons for the Current COVID-19 Crisis, <https://palnetwork.org/parental-perceptions-and-parental-involvement-in-childrens-education-in-rural-india-lessons-for-the-current-covid-19-crisis/?lang=es> (дата обращения: 1 мая 2020 г.)
5. Parents and learning, <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000125451>, (дата обращения: 5 мая 2020 г.)
6. Приказ Министра образования и науки Республики Казахстан от 8 апреля 2020 года № 135 «О дополнительных мерах по обеспечению качества образования при переходе учебного процесса на дистанционные образовательные технологии на период пандемии коронавирусной инфекции COVID-19», <https://online.zakon.kz>, (дата обращения: 3 мая 2020 г.)
7. Национальный доклад о состоянии и развитии системы образования Республики Казахстан (по итогам 2018 года). Нур-Султан: Министерство образования и науки Республики Казахстан, – 364 стр., <http://iac.kz/ru/project/nacionalnyy-doklad> (дата обращения: 5 мая 2020 г.)
8. В Казахстане составили рейтинг школ по использованию цифровых ресурсов, <https://informburo.kz/novosti/v-kazahstane-sostavili-reyting-shkol-po-ispolzovaniyu-cifrovyyh-resursov.html>, (дата обращения: 2 мая 2020 г.)
9. Госпрограмма развития образования: что сделано. <https://strategy2050.kz/ru/news/gosprogramma-razvitiya-obrazovaniya-cto-sdelano/>, (дата обращения: 5 мая 2020 г.)
10. К образовательным ресурсам платформы Bilimland открылся полный бесплатный доступ, <https://informburo.kz/novosti/k-obrazovatelnyim-resursam-platformy-bilimland-otkrylsa-polnyy-besplatnyy-dostup.html>, (дата обращения: 5 мая 2020 г.)
11. Ривкин, С. Г., Е. А. Ханушек и Дж. Кейн (2005). Учителя, школы и академические достижения. *Econometrica*, Том 73, № 2, стр. 417–458.
12. Статистика системы образования Республики Казахстан, АО «Информационно-аналитический центр», 2020, Нур-Султан, <http://iac.kz/ru/project/nobd>, (дата обращения: 5 мая 2020 г.)
13. Страновой обзор ОЭСР: Эффективность использования ресурсов в школах, (2015), 100524-RUSSIAN-PUBLIC-Reviews-of-School-Resources-Kazakhstan-RUS.pdf, (дата обращения: 1 мая 2020 г.)

РЕЦЕНЗИЯ

ОБЗОР ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: 2019 – 2020 ГГ. (ЧАСТЬ I)

Мурат Лаумулин

Главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК,
доктор политических наук, профессор

*Политика и международные
отношения*

Omelicheva Mariya Y., Markowitz Lawrence P. Webs of Corruption: Trafficking and Terrorism in Central Asia. – New York: Columbia University Press, 2019. – 232 p.

Принятая точка зрения и широко распространенное мнение на Западе состоит в том, что Центральная Азия – это регион с (традиционно) устойчиво высокими показателями коррупции. Еще в советское время здесь пустили глубокие корни криминальные сети, которые в период независимости только расширились и приобрели важные «связи» с властью. На этот симбиоз криминалитета и коррупции наложился еще угрозы терроризма, который в регионе имеет сложные механизмы – здесь есть и одиночки-террористы, и члены более разветвленных

сетей. В этом запутанном клубке насилия, смерти и денег пытается разобраться новая книга исследователей Марии Омеличевой (профессор политологии в Университете Кан, автор книг («Политика борьбы с терроризмом в Центральной Азии» и «Демократия в Центральной Азии: конкурирующие перспективы и альтернативные стратегии»¹) и Лоуренса Марковитца (профессор политологии в Университете Роуэн, автор книги «Государственная эрозия: не разграбляемые ресурсы и неподвластная элита»²) - «Сети коррупции: трафик и терроризм в Центральной Азии».

¹ Omelicheva Mariya Y. *Counterterrorism Policies in Central Asia*. – New York: Columbia University Press, 2011. Idem. *Democracy in Central Asia: Competing Perspectives and Alternative Strategies*. – New York: Columbia University Press, 2015.

² Markowitz Lawrence P. *State Erosion: Unlootable Resources and Unruly Elites in Central Asia*. – New York: Columbia University Press, 2013.

Их книга представляет собой новаторское исследование, использующее обширную методологию анализа: авторы провели ряд опросов и интервью, а также использовали большое количество данных о насилии, терроризме, наркообороте, включая статданные государственных и международных агентств, а также пространственные данные геоинформационной системы, чтобы отследить связи между незаконным оборотом и терроризмом. Фактически, исследователи, используя технологии геопозиционирования, наложили карты трафика и терроризма друг на друга, чтобы найти совпадающие места – то, что они называют *trafficking-terrorism nexus*, криминально-террористический узел.

Начало создания криминально-террористического узла в Центральной Азии авторы прослеживают с конца 1980-х и начала 1990-х. Долгое время запечатанный от Афганистана, после советско-афганской войны регион буквально открылся разному влиянию оттуда, включая наркоторговлю. Начавшись с небольшой торговли опиатами, осуществляемой ветеранами афганской войны, эта деятельность была быстро освоена крупными группировками, которые с советских времен установили патронажные сети с государством и продолжали полноценно функционировать и в период независимости с накопленным наследием коррупционной практики. Социально-экономические

проблемы региона, нерешенные конфликты, проницаемые границы, коррупция и слабая практика правоприменения, как утверждают авторы, создали благоприятное поле для расцвета организованной преступности и “политически мотивированного насилия”. А также процветания так называемой теневой экономики – где незаконные торговля и трафик товаров, наркотиков, оружия и людей перемещаются по огромному постсоветскому пространству, пользуясь налаженными сетями криминала и коррупции.

Масштаб криминальной активности, как утверждают авторы, со временем только расширился с ростом наркотрафика и вовлечением чиновников высокого ранга в преступность, а также наркоторговлю. В 2010-2012 гг. около 25-30 процентов всех наркотиков, произведенных в Афганистане, пересекали Центральную Азию. Общая преступная среда также получила развитие в результате гражданской войны в Таджикистане, политической нестабильности в Кыргызстане и общего социально-экономического беспорядка.

Книга пытается найти ответы на следующие вопросы: как именно осуществляется связь между наркотрафиком и терроризмом, какие условия им способствуют, какие изменения происходят в последние годы, какова роль национальных и иностранных правительств и организаций в этом бизнесе. Среди основных выводов

книги – это утверждение, что, хотя в Центральной Азии криминально-террористический узел, безусловно, существует, криминальные группы (действующие ради коммерческой наживы) и террористические группировки (действующие в политических целях) не совпадают, хотя и действуют в одной плоскости. Предполагается, что террористические организации используют доходы от незаконной деятельности для финансирования распространения своей идеологии и продолжения политической борьбы. Но пока наиболее известным примером сращения терроризма и наркотрафика в регионе являлась деятельность группы “Исламское движение Узбекистана”, которая первоначально стремилась сместить президента Каримова, а затем стала ведущим перевозчиком опиатов из Афганистана.

Другие примеры, даже несмотря на рост центральноазиатских боевиков в рядах ИГИЛ, пока не так очевидны, в первую очередь потому, что, как известно, в самом регионе террористические акты происходят редко. Поэтому было бы преждевременным принимать все преступную деятельность за террористическую. Что помогает правительствам стран не только представлять разные акты насилия как террористические, но также преувеличивает серьезность радикализации в регионе. Другой вывод касается центральной роли, которую играет в этом секторе государство. Государства и их вовле-

чение в наркоторговлю формирует весь узел криминально-террористических отношений, объединяя политические и коммерческие цели (степень участия варьируется от страны к стране). То есть, государства не сколько оказывают влияние на этот узел, но фактически являются его частью.

Книга приводит цитату эксперта из Института Брукинга – “лучшее, что может случиться с наркоперевозчиком, это работать в агентстве по борьбе с наркотиками”. Государство трактуется авторами как полиморфный агент. В разные формы государственности в Центральной Азии и шире – в Евразии входят неформальные сети, кланы, географические и племенные разделения, местные лидеры, теневые экономики – все это представляет собой альтернативную базу власти. Наркоторговля, с другой стороны, представляет собой огромное и крайне выгодное поле для участия государства и его разных представителей. Связи с криминалитетом помогают государству оказывать влияние и контроль над скрытыми для него сферами общества, в том числе может помогать государству ограничивать и террористическую активность, как бы это ни парадоксально ни звучало.

На самом деле низкий уровень терроризма в регионе авторы объясняют тем, что участие государства в криминально-террористическом узле создает сложный механизм отношений с разнообра-

ными участниками и распыляет террористическую деятельность, перенаправляя ее в другие сферы и формы насилия. Именно этим аргументом книга пытается оспорить распространенное утверждение, что наркоторговля приводит к росту терроризма. Авторы выдвигают интересную гипотезу, что, по крайней мере, в Центральной Азии, где эта корреляция не обнаруживается, правительства, участвуя в незаконной экономике, возможно, встраивают отношения с целым спектром негосударственных акторов насилия таким образом, что уровень терроризма на самом деле снижается, перенаправляя этих акторов или способствуя созданию для них более выгодных сфер деятельности.

Центральная Азия, на самом деле, является прекрасным примером для изучения феномена криминально-террористического узла, будучи важным звеном крупной мировой преступной ниши между рынком производства наркотиков в Афганистане и потребителями в России и Европе. При этом, уровень терроризма здесь по сравнению с другими местами – низкий. Из-за такого участия государства в наркоторговле, указывают авторы, сложно выстроить по-настоящему эффективное региональное партнерство в борьбе с общими угрозами. Страны даже могут конкурировать между собой за то, чтобы наркотики шли по определенной территории – в целях выгоды, разумеется. Хотя в то же время при-

сутствует и регионализация преступных сетей – некоторые из них не имеют границ и простираются на несколько стран, используя родственные, плененные и иные связи. Или, например, связи в диаспорах.

Книга подробно обсуждает ситуацию в каждой из пяти стран Центральной Азии, состояние наркоторговли, уровень насилия, количество и природу произошедших терактов (включая таинственные теракты 2011-2013 гг. в Казахстане, связанные с так называемой группой “Солдаты Халифата”). Другой интересный вывод исследования касается того, что социально-экономические условия областей стран региона (например, выраженные через показатели младенческой смертности) не сильно связаны с созданием криминально-террористических сетей. Создание этих узлов больше связано с концентрацией силы, денег и власти, что может иметь место и в более благополучных областях. Но такой фактор, как молодежная безработица (особенно, среди мужчин) положительно коррелирует с созданием узлов, что означает, что молодые безработные часто вовлекаются в наркоторговлю и терроризм.

Но так как теракты чаще всего происходили в больших городах, эти же города и являлись центрами наркоторговли. Тем не менее, авторы убеждены, что данные об объемах конфискованных наркотиков в определенной местности могут сравнительно хорошо предсказать вероятность теракта в этой мест-

ности. Понятно, что отдаленные сельские районы, скорее, имеют низкую вероятность теракта по этим же причинам. Авторы также обсуждают разную степень вовлечения государства в наркоторговлю через сравнение двух соседствующих с Афганистаном стран – Таджикистана и Узбекистана, которые, по мнению экспертов, демонстрируют полярно противоположные примеры криминально-террористических узлов, где одно государство сильно вовлечено в наркоторговлю, другое – предпочло в ней участвовать минимально.

Книга также затрагивает и другие аспекты, такие как международная помощь и проблемы регионального сотрудничества. Но что делает ее новаторской, это использование большого набора новых данных и передовых инструментов социальных наук, а также бескомпромиссный подход в описании действительности региона – где государства, правительства, преступность и терроризм связаны в один порочный и уже почти неразрывный узел, манипулирующий безопасностью в своих собственных целях.

Bukharbayeva Bagila. The Vanishing Generation: Faith and Uprising in modern Uzbekistan. – Bloomington: Indiana a University Press, 2019. - XI + 229 pp.

Книга Б.Бухарбаевой (бывший репортер агентства «Ассошиэйтед пресс», после андижанских со-

бытий 2005 г. эмигрировавшая в Казахстан, а затем в США, обвиненная на родине в причастности к восстанию) «Исчезающее поколение: вера и восстание в современном Узбекистане» посвящена завершению длительной главы постсоветской истории Узбекистана – противостоянию государства и ислама. Символом этого события, по мнению автора, стало закрытие в 2019 году лагеря для заключенных исламистов Жаслык. Журналистка в своем эссе проследживает непрекращающуюся борьбу этого диссидентского движения против режима И.Каримова в период с 1991 по 2016 гг. Ее репортажи в этот период и легли в основу данной книги. Обращая внимание на закрытие лагеря Жаслык, автор первой начинает бить тревогу: в общественную жизнь республики возвращаются люди обозленные, по-прежнему верящие в парадигме «свой-чужие» (т.е. «мы против неверных») и тотально криминализированные.

По мнению западных критиков, исследование Б.Бухарбаевой выходит далеко за рамки узбекской и региональной проблематики и затрагивает широкий контекст взаимоотношений современного (читай: светского) мира с чуждой реальностью в мировом масштабе.

Beyer Judith, Finke_Peter (eds. by). Practices of Traditionalization in Central Asia. – London, New York: Routledge, 2020. – 126 p.

Книга под редакцией востоковедов-тюркологов Ю.Байер и П.Финке (казаховед из ин-та М.Планка) «Практика традиционализации в Центральной Азии» сфокусирована на эволюции традиций в современной ЦА, включив в этот исторический регион даже Татарстан и Тибет. Исследователи наблюдают, как вчерашние промышленные рабочие, горожане и представители светской интеллигенции обращаются к религиозному образованию, возвращению к общинному существованию, свадебным и другим церемониям, и что парадоксально – все это происходит на фоне широкого распространения интернета.

В современной Центральной Азии развитие традиции как аналитической концепции канула на- всегда в прошлое с приходом капиталистического модернизма, хотя она прекрасно уживалась с социализмом в предшествующие десятилетия. Традиции были возрождены и спущены «сверху» властями новых независимых государств с целью установления новых национальных нарративов. При этом традиция одновременно выступает как практика и институты, заменяя собой культурную модель. В тоже время традиция как инструмент затрагивает многие важные сферы политической и социальной жизни, к которым авторы относят гендерные и религиозные отношения. И главное – традиция освящает новую систему власти в отсутствие и при отмирании прежних советских институтов.

Авторы рассматривают, таким образом, традицию как попытку приспособить прошлое к нуждам современности. В тоже время традиция несет функции продолжающейся практики в сфере материальной культуры и своим существованием поддерживает историческую память и национальную мифологию, которые в свою очередь являются национальными проектами со своими особенностями у каждой постсоветской нации и одновременно народными культурными стратегиями.

Таким образом, основная идея книги состоит в том, что традиции утратили свои прежние исторические черты в новых условиях и синтезируются с новым образом жизни. В Центральной Азии, подчеркивают редакторы, практика традиционализма тесным образом связана с эрозией социалистического образа жизни и формированием высоко стратифицированных обществ. Практически, монография затрагивает широкий круг вопросов в области (социальной) антропологии, истории, политологии и социологии.

State of Forests of the Caucasus and Central Asia. Overview of Forests and Sustainable Forest Management in the Caucasus and Central Asia Region. Edited by United Nations Publications. – New York, Geneva: UNECE/FAO, 2019. – 112 p.

Обзор, подготовленный ЮНИСЕФ и посвященный состоянию

лесных массивов на Кавказе и в Центральной Азии. Оно рассматривает все аспекты вопросов лесов – экологический, технический, юридический, страновой, экономический и климатический. В исследовании анализируется лесная политика восьми государств в двух регионах. Отдельный раздел посвящен состоянию лесов в Казахстане. В докладе отмечается, что, несмотря на существование специального Лесного Фонда, в республике мало лесных покровов. К докладу прилагается основательная статистическая база данных.

*Новая и новейшая
история*

Kendirbai Gulnar T. Russian Practices of Governance in Eurasia. Frontier Power Dynamics, Sixteenth Century to Nineteenth Century. – London, New York: Routledge, 2020. – 232 p.

Книга Гульнары Кендырбай (Колумбийский университет, США) «Русская практика управления в Евразии» носит исторический характер и охватывает период с XVI по XIX вв. Исследование анализирует роль мобильного фактора в распространении российской системы управления в Евразии в эпоху роста империи и характер взаимоотношений между русскими властями и их кочевыми партнерами. Автор сравнивает общее значение мобильного фактора для царской России и Цинского

Китая в отношениях с номадами. В результате обе державы сформировали гибкую систему институтов, которая позволяла извлекать максимум выгоды из складывающейся политической ситуации. Автор выбрала в качестве объектов для исследования калмыков и казахов в указанный период, благодаря которым России удавалось держать руку на пульсе всех событий на огромной территории и отслеживать динамику изменений границ на политической карте Внутренней Азии.

Такая политика делала Россию и Цинский Китай соперниками перед лицом джунгарской экспансии. Исследование наглядно демонстрирует, как каждая из держав начала применять ключевые элементы существовавшей в степи политической культуры. Но российская тактика отличалась от китайской тем, что Петербург (с 1820-х годов) начал инкорпорировать кочевую элиту в состав имперской. Исследовательница вполне резонно приходит к выводу, что комбинация ключевых элементов этой культуры с новой политической практикой позволила России создать новые инновационные формы управления, которые удачно маскировали колониальный характер Российской империи. Данная книга, безусловно, будет весь полезной для историков, ориенталистов, источниковедов и политологов, включая особенно сторонников евразийской идеи.

Malikov Yuriy. Modern Central Asia. A Primary Source Reader. – New York: Lexington Books, 2019. – XIII+378 pp.

Данное издание «Современная Центральная Азия», подготовленное Ю.Маликовым (автора книги «Формирование пограничной культуры в Северном Казахстане в XVIII-XIX вв.³), представляет собой, прежде всего сборник тщательно отобранных исторических документов, разделенных на 15 глав в трех частях. Оно является продолжением другого сборника документов - «Исламская Центральная Азия».⁴

Первая часть сборника соответственно посвящена истории региона в царский период; вторая – советской эпохе, и третья – постсоветскому периоду. Причем обозреватели относят и первый, и второй периоды к колониальной эпохе, игнорируя достижения советской модернизации. Акцент в характере подборки документов делается на сопротивлении традиционных обществ и влиянии на них политики имперского центра, а также роли ислама в регионе и строительстве национальных государств. Для автора не вызывает сомнений тот факт, что регион на протяжении своей «колониальной»

истории являлся лишь пассивным реципиентом принимаемых имперским центром решений. Это наблюдение демонстрирует некомпетентность автора (или его предвзятость) в отношении советского периода истории, когда местные нацкадры активно участвовали в революции, преобразовании своих традиционных обществ в духе советской модернизации и строительстве советской супердержавы. Таким образом, подчеркнуто идеологический подход данного издания не вызывает сомнений, которое призвано убедить аудиторию (книга является учебным пособием для студентов) в brutальном и неоколониальном характере советского режима.

Автор ставит в своем исследовании пять задач. Первая – сравнить царскую и советскую политику в отношении народов Центральной Азии. Вторая - осветить трансформацию социальной, политической, экономической и гендерной структур местных обществ при имперском и советском правлении. Третья – изучить сопротивление и приспособление данных обществ имперскому центру; проследить эволюцию и реакцию различных групп местного населения на царское и советское управление. Четвертая – сравнить и выделить наиболее характерные особенности причин, хода и последствий восстаний против центральных властей во время имперского и советского правления. Пятое – проследить зарождение и подъем национализма

³ Malikov Y. *Tsars, Cossacks and Nomads. The Formation of a Borderland Culture in Northern Kazakhstan in the Eighteen and Nineteenth Centuries.* – Berlin: Klaus Schwarz verlag, 2011. – 321 p.

⁴ Levi Scott C., Sela Ron - eds. *Islamic Central Asia: An Anthology of Historical Sources.* – Bloomington: Indiana University Press, 2009.

у народов Центральной Азии и его взаимосвязь с исламской идентичностью.

Chokolbaeva A., Cloé D., Morrison D. The Central Asian Revolt of 1916: A Collapsing Empire in the Age of War and Revolution. – Manchester: Manchester University Press, 2020. – 384 p.

История XX столетия по-прежнему не отпускает нас и продолжает влиять на наше политическое мировоззрение и восприятие нами исторических событий, уже казалось бы весьма отдаленных в хронологическом плане. Речь идет о коллективной монографии под редакцией трех авторов - «Среднеазиатское восстание 1916 года: рушащаяся империя накануне войны и революции». Работа над книгой объединила таких исследователей как Аминат Чокобаева (постдокторант в Назарбаев-университете, Астана/Нур-Султан), Хлоя Дрю (Центр османских, балканских и среднеазиатских исследований при Национальном центре научных исследований Франции) и Александр Моррисон (руководитель исторических исследований в Нью-Колледже, Оксфорд). Помимо указанных ученых работа над книгой объединила усилия широкого круга исследователей (преимущественно представителей нового поколения историков) из США, Канады, Японии, Евросоюза, России и стран Центральной Азии. Для достижения поставленной цели привлечены

значительные архивные ресурсы, а также устные источники и поэтические произведения на киргизском и казахском языках, отражающие драматизм ушедшей эпохи.

Редакторы положили в основу книги тезис о том, что восстание 1916 года стало ключевым событием для Средней Азии и Российской империи в эпоху I-й мировой войны и определило судьбу региона на последующие шестьдесят лет. В качестве поставленных в монографии задач ставится цель выяснить причины, ход и последствия восстания. Выяснению причин восстания посвящены три первые главы книги: кризис колониальной системы управления и влияние мировой войны; введение всеобщего военного призыва в Туркестане; нарастание экономических противоречий и рост политических требований) на примере Джизакского региона). Четвертая глава рассматривает «виртуальную реальность», созданную российскими властями при освещении участия местного населения в восстании. Пятая глава - «Страхи, слухи и насилие» показывает опасения со царского режима участия в восстании кочевого населения.

Шестая глава целиком сфокусирована на ходе восстания в Семиречье и отношении туземного кочевого населения к войне. Глава 7 охватывает несколько более широкий временной диапазон – с 1914 по 1923 гг. и показывает нарастание градуса насилия во время восстания, падения империи и разверты-

вания гражданской войны. Восьмая глава раскрывает характер «культуры насилия», внедренной в Туркестане во времена правления генерал-губернатора А. Куропаткина, и ставшей продолжением «длинной тени» эпохи завоевания региона. Следующая глава изучает судьбу беженцев и их массовое переселение из Семиречья после 1916 года и начало нового, уже революционного насилия в регионе. Десятая глава - «Связи сквозь время» более детально и предметно проводит параллели между насилием 1916 года и антирусской резней 1918 гг. в иссык-кульском регионе с участием дунган.

11-я глава рассматривает события 1916 года как составную часть длинной цепи многочисленных восстаний в степи и политических мятежей в период 1840-1930 гг. Двенадцатая глава показывает отражение трагических событий 1916 г. в устной поэзии как составную часть народной памяти. В главе 13 анализируется участие киргизов в восстании и их бегство из Русского Туркестана в китайский Синьцзян. Завершает книгу глава историей о судьбе и создании мифологического апокрифа об Амангельды Иманове как основы для формирования Казахской ССР вплоть до 1939 г.

Таким образом, перед нами многостороннее и цельное исследование крупнейшего события столетней давности, связавшего эпоху колониального Туркестана второй половины XIX – начала XX веков с последовавшей затем советской

эрой. К сожалению, молодое поколение - в отличие от советологов классической школы - меньше влиянию уделяют такой важной составляющей политической жизни Туркестана как сосуществование и конкуренция различных духовных и политических движений (в частности, джадидизма и ислама) и зарождение марксизма, без которого трудно представить дальнейшее развитие модернизационной парадигмы XX века в Советской Средней Азии. Все последовавшие вслед за восстанием 1916 года (и многие предшествующие ему) события тесно связаны с ним.

Khalid A. Making Uzbekistan: Nation, Empire, and Revolution in the Early USSR. – Cornell: Cornell University Press, 2019. – 444 p.

Известный исследователь (профессор истории колледжа Карлтон в Миннесоте) Адиб Халид, выпустил в 2019 новое расширенное и дополненное своей последней книги «Рождение Узбекистана: нация, империя и революция в раннем СССР»). Область научных интересов А. Халида – история оседлых обществ Центральной Азии со времен российского завоевания 1860-х годов до настоящего времени. Его особенно интересуют преобразования культуры и идентичности, произошедшие в результате исторических изменений. Судьба ислама во времена царской и советской власти занимает центральное место в его исследованиях.

Он является автором двух книг: «Политика мусульманских культурных реформ: джадидизм в Центральной Азии» (1998) и «Ислам после коммунизма: Религия и политика в Центральной Азии» (2010). Последняя выиграла премию Уэйна Вучинича 2008 года Американской ассоциации содействия развитию славистики «За самый важный вклад в российские, евразийские и восточно-европейские исследования».⁵

В рецензируемой книге А.Халид приводит хронику бурной истории Центральной Азии в эпоху русской революции. Тяжелые потрясения – войны, экономический крах, голод – трансформировали местные общества и привели к власти в регионе новые группы, а новое революционное государство начало создавать новые же институты. В регионе стали создаваться национальные республики, среди которых Узбекистан приобрел важнейшее значение. Используя архивные источники из Узбекистана и России, а также прессу и беллетристику того периода на узбекском и таджикском языках, Халид дает первое содержательное описание политической истории 1920-х годов в Узбекистане. Он исследует сложные отношения между узбекской интеллигенцией, местными большевиками, а также Москвой, демонстрирующие, как развива-

лась ситуация в ранней советской Средней Азии. Фокус на узбекской интеллигенции позволяет ему изложить новую трактовку советской национальной политики.

Узбекистан, утверждает автор, не являлся созданием советской политики, но стал проектом мусульманской интеллигенции, возникшей в советском контексте этого периода. В это же время сложился современный узбекский язык. А.Халид ставит центральный вопрос своей книги – что такое Узбекистан, откуда он появился? Столетие назад карта Центральной Азии выглядела совершенно иначе, не предполагая появления здесь новых национальных государств. Поэтому, когда в эпоху «холодной войны» исследователи стали искать объяснение тому, как образовывались республики Средней Азии, стало популярным утверждение о том, что их возникновение — это результат произвольной политики И.Сталина, следовавшего принципу «разделяй и властвуй». Разделение региона по этническому принципу и своевольное определение границ было направлено, таким образом, по мнению большинства, на укрепление этнических особенностей каждой республики и упреждение возникновения здесь сильного, объединенного какой-либо идеологией (например, пантюркизм, панисламизм) региона, способного бросить вызов советской власти.

А.Халид утверждает, что границы современного Узбекистана были очерчены не советскими эт-

⁵ Adeeb Khalid. *Politics of Muslim Cultural Reform*. — New York: Wiley, 1999. — 400 p. Adeeb Khalid. *Making Uzbekistan: Nation, Empire, and Revolution in the Early USSR*. — Cornell: Cornell University Press, 2019. — 444 p.

нографами, а мусульманской интеллигенцией, к которым идея о нации пришла и укоренилась за некоторое время до революции. Если до 1917 года они (представители, в первую очередь, оседлого населения Центральной Азии) идентифицировали себя как «мусульмане Туркестана», то в 1917 произошел настоящий взрыв этнического сознания и подъем тюркизма. Теперь интеллигенция представляла себя как «тюрки Туркестана», гордо открыв для себя свои тюркские корни. При этом подъем тюркизма не означает. Тюркизм давал возможность мусульманам Центральной Азии вступить на мировую арену как тюрки.

При этом наследницей тимуридов стала Бухара – последний пример мусульманского государства, которое пережило российское правление и было разрушено приказом Фрунзе. Союзником Фрунзе были т.н. младобухарцы — молодые бухарские реформаторы, которые три года управляли Бухарской Народной Советской Республикой и проводили политику тюркизации Бухары (в частности, через переход от персидского к узбекскому языку, который они объявили государственным сразу после прихода к власти). По плану младобухарцев, Бухара должна была быть базой создания Узбекистана, который включал почти все области, заселенные оседлым и полуоседлым населением – «народ узбеков» – но исключал кочевые народы, таких как казахи или туркмены.

Ф.Ходжаев, известный лидер младобухарцев, в своем «узбекском проекте» аргументирует, что «народ узбеков», сплоченный ранее в государство тимуридов, распался из-за экономического разложения, утраты государственного единства, физического разрушения народа под господством ханства, эмирата, царизма. Задачей советской власти, писал Ходжаев, является объединение узбекского народа. После национально-территориального размежевания в 1924 году вновь образованная Узбекская Советская Социалистическая Республика включала в себя почти все исторические города Центральной Азии. Джалалабад и Ош были отданы Кыргызстану по советской логике, где крупные урбанистические центры должны поддерживать экономику отсталого, сельского населения, а Хива была эксклавом. Узбекистан виделся как Великая Бухара, обособленная от входящей в нее Таджикской АССР.

Кроме того, в «славном прошлом» воспевались Улугбек и Алишер Навои, поддерживая чагатайский принцип узбекской идентичности. Поэтому неудивительно, что в 1991 году Тимур стал символом нового узбекского государства, а Узбекистан претендует не на наследие узбекских племен Шейбани-хана, но на единое наследие оседлой культуры всей Центральной Азии.

Таким образом, особенно важен вывод автора о том, что эпоха 1920-х гг. было ничем иным, как

культурной революцией. Другой вывод книги состоит в том, что прежние утверждения избыточно фокусируются на советской национальной политике и мало принимают во внимание роль местной дореволюционной мусульманской интеллигенции (т.н. джаидов). По мнению автора, чагатаизм стал формой идентичности Узбекистана, вобравшей культуру, ислам, тюркизм, наследие тимуридов. То есть, тюркизм в Центральной Азии стал развиваться из Бухары, а не из Ташкента. В течение советского периода узбекская идентичность развивалась и поддерживалась в рамках советских правил и ограничений. И хотя многие утверждения автора носят спорный характер, работа А.Халида открывает многие закрытые прежде страницы истории нашего южного соседа и частично дает ответ на вопрос: как появился современный Узбекистан, который многие в Казахстане рассматривают в качестве «искусственного советского республиканского проекта».

De Magistris Alessandro, Butтино Marco. Soviet Modernist Architecture in Central Asia . III. by Roberto Conte , Stefano Perego. – London: Fuel, 2019 г. – 192 p.

«Советская модернистская архитектура в Центральной Азии» - альбомное издание А.Магистриса (проф. Миланского университета) и М.Бутино (проф. Туринского университета), чьим главным до-

стоинством является коллекция сделанных с любовью фотографий советских зданий в Средней Азии эпохи 1950-1980-х гг. итальянских фотографов Р.Конте и С.Перего в четырех республиках региона (за исключением Туркменистана). Авторы снимков сделали, по мнению критиков, открытие для западного читателя, запечатлев советскую архитектуру той эпохи и влияние на нее восточных мотивов. Сам стиль советской архитектурной школы авторы называют «брутальным и модернистским»

Объектами съемок выступили музеи, жилые комплексы, вузы, цирки, ритуальные здания. Строительство в Советской Средней Азии, основанное на навешенных из далекой Москвы идеями, развивалось под влиянием двух факторов: первое - оно было стандартизированным и носило массовый характер; второе - здания декорировались с учетом местных национальных характеристик и культуры. Таким образом, от Прибалтики до Тихого Океана и от Северного Ледовитого Океана до Афганистана реализовывался один и единообразный архитектурный проект (хотя и с небольшим местным колоритом). Авторы отмечают противоречие, наблюдавшееся в Средней Азии: традиционно большие семьи с трудом адаптировались в тесных квартирах советских жилых блоков. На перестройку старых городов повлияли такие события и процессы как землетрясения (в Ашхабаде 1948 г. и Ташкен-

те в 1966 г.) и индустриализация, требовавшая массового расселения рабочих.

В защиту привычного для нашего поколения советского урбанистического ландшафта добавим, что его формирование не обошлось без итальянского влияния. Так, в Риме до сих пор существует целый район эпохи Муссолини – Эур, который с полным основанием также можно назвать «брутальным и модернистским» по стилю. А кто знаком с фильмами первой послевоенной волны итальянского неореализма, легко заметит до боли знакомые силуэты и контуры легендарных «хрущевок», которые своим появлением обязаны как раз прямому подражанию и заимствованию итальянских строительных технологий в 1950-60-е годы.

Древняя и средневековая история

Уэзерфорд Дж. Чингисхан и рождение современного мира. – Москва: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2018. – 384 с.

Книга антрополога Джека Уэзерфорда была впервые переведена на русский язык в 2018 г. Были, как заявлено автором, письменные источники, этнографические экспедиции в Монголию, Китай и Центральную Азию. В основе построения книги — исторический принцип. Начинает он со степного «царства террора» — 1162–1206 годы, далее обращается к монгольской мировой войне —

1211–1261 годы, завершает главой «Всеобщее пробуждение» — 1262 год.

Изначальная установка Дж.Уэзерфорда спекулятивна. Мешает восприятию книги то, что автор выстраивает свой текст полностью в духе американской литературной традиции героепочитания. Автор явно оценивает всех и вся исключительно с американоцентричной точки зрения, при этом восхищаясь варварскими нравами и беспринципностью характера своего героя. Тогда становится понятным, почему, помимо несомненных военных успехов, исключительно Чингисхану он приписывает все: изобретение алфавита, создание конституции, введение свободы вероисповедания и многое другое. Автор утверждает: когда монгольские воины покоряли одну культуру за другой, они бережно сохраняли ее и передавали от одного поколения другому. По его утверждению, практически в любой стране, которая испытала на себе монгольское влияние, изначальные ужас и потрясение, вызванное нашествием неизвестного варварского племени, быстро сменялись невиданным ростом торговли, расширением культурных горизонтов и скачком в техническом развитии.

Автор фактически пересказывает народные версии о своем герое. Кстати, в тексте книги встречаются очень многие фрагменты-легенды, которые пересказаны в обновленных казахстанских учебниках по истории Казахстана и всемирной

истории. Судя по всему, у всех авторов сходные источники: от адаптированных китайских и монгольских текстов до трактата Марко Поло.

Аудитория книги вычисляема: тюркский и русский миры, не отличающиеся, в принципе, критическим подходом к себе.